

СОЛОВЕЦКІЙ
ПАТЕРИКЪ

2
20

Тѣ, которыхъ весь міръ не былъ
достойнъ, считались по истынанъ
и горами, по пещерамъ и ущелі-
амъ земли. Ап. Павла къ Евр. 11, 38.

При книгѣ находятся изображенія:

1. Преподобныхъ Савватіа, Зосимы и Германа, Соловецкихъ и всен
Россіи Чудотворцевъ.
2. Преподобнаго игумена Филиппа, внослѣдствіи св. митрополита
Московского и Всероссійскаго.
3. Преподобнаго игумена Иринарха и Преподобнаго Елсавара Анзер-
скаго, Соловецкихъ Чудотворцевъ.
4. Иеросхимонаха Іона, основателя Голгово-Распятскаго скита.
5. Пустынника отца Теофана.
6. Старца отца Паума.

Рисунки:

1. Свято-Троицкій скитъ на Анзерскомъ островѣ.
2. Голгово-Распятскій скитъ на Анзерскомъ островѣ.

1966 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.
1873.

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. П. А. Добролюбова

1946

1955

Наблюдот Севера.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры, печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, Іюня 20 дня, 1873 года.

Цензоръ Архимандритъ Арсеній.

Типографія и Литографія А. Траншеля, на углу Невск. и Владимірск. пр., д. № 45—1.

2002

1995

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ	стр. 1
-----------------------	--------

ВСТУПЛЕНІЕ.

Иночество.—Характеръ его.—Соловецкое иночество.— Испытаніе.—Послушничество — Постриженіе.—Монашество.—Схима,—Вседневная жизнь.—Утреня.—Литургія.—Транеза.—Вечерня.—Панихоло.—Настоятель.—Соборъ.—Должности.—Чреда священнослуженія.—Послушаніе.—Кончина.	11
--	----

ПОДВИЖНИЧЕСТВО.

Общій взглядъ	16
-------------------------	----

ПРЕПОДОБНЫЙ САВВАТІЙ, СОЛОВЕЦКІЙ ПЕРВОНАЧАЛЬНИКЪ И ЧУДОТВОРЕЦЪ.

Жизнь въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ.—Переходъ въ Валаамскую обитель.—Свиданіе съ Германомъ.—Прибытіе на Соловецкій островъ.—Предвѣщательное знаменіе.—Предчувствіе кончины — Отплытіе къ рѣкѣ Выгѣ.—Встрѣча съ игуменомъ Наонаиломъ.—Причащеніе.—Бесѣда съ Іоанномъ.—Кончина и погребеніе.—Перенесеніе мощей.—Прославленіе	18
--	----

ПРЕПОДОБНЫЙ ИГУМЕНЪ ЗОСИМА, СОЛОВЕЦКІЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ.

Происхожденіе.—Тайное влеченіе къ иночеству.—Встрѣча съ Германомъ.—Прибытіе на Соловецкій островъ.—Видѣніе.—Построеніе монастыря.—Зима въ одиночествѣ.—Чудесная помощь.—Построеніе Преображенской церкви.—Игумены Павелъ и Осодосій.—Игуменъ Преподобный Зосима.—Чудо съ просфорой.—Распространеніе монастыря.—Перенесеніе мощей Преподобнаго Савватія.—Обиды прибрежныхъ жителей.—Путешествіе Зосимы въ Новгородъ.—Пророчество и видѣніе.—Предсмертныя бесѣды.—Назначеніе игумена.—Кончина.—Погребеніе.—Прославленіе.	42
--	----

ПРЕПОДОВНЫЙ ГЕРМАИЪ, СОЛОВЕЦКІЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ.

Пронсхожденіе. Простота и благочестіе. — Посѣщеніе Соловецкаго острога — Жизнь на рѣкѣ Выгѣ при часовнѣ. — Встрѣча съ Преподобнымъ Савватіемъ. Пробываніе на Соловецкомъ островѣ съ Преподобнымъ Савватіемъ и Зосимою. Труды для обители. Кончина. — Перенесеніе св. мощей въ обитель — Явленіе Преподобнаго. . . .

34

ПРЕПОДОВНЫЙ ЕЛИСЕЙ СУМСКІЙ.

Времѣ жизни. — Скудость снѣдній. — Болѣзнь. — Схима. — Искушеніе. — Буря. — Прибытіе въ Суму. — Кончина. — Свидѣтельствованіе гроба. — Могила Преподобнаго . . . . .

37

БЛАЖЕННЫЙ ѦЕОДОРІТЬ, ПРОСВѢТИТЕЛЬ ЛОПАРЕЙ.

Пронсхожденіе. — Воспитаніе. — Постриженіе. — Иеродіакопство. — Посѣщеніе монастырей. — Возвращеніе. — Проповѣдь у лопарей. — Иеромонашествіе — Игуменство. — Архимандритство. — Заточеніе — Посѣщеніе Цареграда. — Кончина. . . . .

41

ПРЕПОДОВНЫЙ ИГУМЕНЪ ФИЛИППЪ.

Впослѣдствіи св. Митрополитъ Московскій и Всероссійскій.

Пронсхожденіе. — Воспитаніе. — Служба при дворѣ 5-го іюля 1537 г. — Удаленіе изъ Москвы. — Пробываніе въ Хижакѣ. — Прибытіе въ Соловецкій монастырь — Послушаніе — Монашествіе. — Отшельничество. Игуменство. Улучшеніе монастырскаго хозяйства. — Постройки. Сооруженіе Успенскаго собора — Закладка Преображенскаго собора. Управленіе вѣдѣльями. — Прямѣль подвижничества. — Почетъ отъ Царя. Приглашеніе въ Москву. — Отъѣздъ. — Избраніе на митрополію. — Посвященіе Память о Соловецкой обители. — Вездѣ съ Царемъ. — 21-е марта и 28-е іюля 1588 года. Слѣдствіе — Судъ 8-го ноября. — Последнее увѣщаніе Царю. — Заключение въ темницу — Опала Колычевыхъ — Заточеніе въ Отрочъ монастырь. — Предсмертная молитва. — Мученическая кончина — Кара клеветниковъ. — Перенесеніе св. мощей въ Соловецкій монастырь. — Прославленіе. — Перенесеніе св. мощей въ Москву . . . . .

44

БЛАЖЕННЫЕ ІОАННЪ И ЛОГГІИЪ.

Добродѣтельная жизнь. — Потопленіе. — Обрѣтеніе тѣлъ. — Начало Яренскаго монастыря. — Чудеса. — Приниска Яренскаго монастыря къ Соловецкому. — Перенесеніе св. мощей въ новый храмъ. . . .

67

ПРЕПОДОВНЫЕ ВАССІАНЪ И ІОНА.

Трудолюбіе и послушаніе. — Потопленіе. — Обрѣтеніе тѣлъ. — По-

гребеніе. — Старецъ Мамантъ. — Построеніе часовни. — Чудеса. — Начало Пертоминскаго монастыря. — Сооруженіе храма Преображенія Господня. — Иеромонахъ Іаковъ — Освященіе храма. — Посѣщеніе монастыря Петромъ I. — Каменный храмъ Успенія Божіей Матери . .	стр. 70
---	------------

ПУСТЫННИКИ АНДРЕЙ, ДАМІАНЪ, АДРІАНЪ, САВВА, НЕСТОРЪ.

Встрѣча съ Андреемъ. — Разсказъ его о пустынной жизни. — Даміанъ. — Посѣщеніе пустынниковъ. — Уединеніе. — Основаніе обители. — Адріанъ. — Савва. — Несторъ	74
---	----

ПУСТЫННИКЪ НИКИФОРЪ.

Приходъ въ монастырь. — Удаленіе въ пустыню. — Разсказъ пустынника	78
--	----

ПРЕПОДОВНЫИ ПРИНАРХЪ, ИГУМЕНЪ СОЛОВЕЦКІЙ.

Добродѣтели. — Игуменство. — Подвижничество. — Грамота Царя — Преподобный Елеазаръ Анзерскій — Кончина. — Явленія Виталію, Веліамину, Маркелу. — Исцѣленіе Іоанна. — Помощь жителямъ Двинскимъ, Варужскимъ, Сумскимъ.	81
---	----

ПРЕПОДОВНЫЙ ЕЛЕАЗАРЪ.

Основатель Троицко-Анзерскаго скита.

Происхожденіе. — Монашество. — Отшельничество на Анзерскомъ остр. въ. — Искушенія. — Схи́ма. — Начало скита — Подвижничество. — Замѣчательные случаи. — Построеніе деревяннаго храма. — Строительство Елеазара. — Дружество съ Препод. Принархомъ. — Извѣстность Царю. — Царская грамота 1633 г. а. — Ученики Елеазара. — Забота объ устройствѣ каменнаго храма. — Понеченіе патріарха Никона о скитѣ. — Оныты духовной жизни Елеазара. — Кончина и чуда — Явленія и чудеса. — Наставленіе инокамъ о постриженіи, келейномъ правилѣ, причащеніи св. Таинъ, погребеніи. — Поученіе въ св. Четырдесятницу. — Состояніе скита со смерти Елеазара. — Строители Никодимъ и Ромашъ. — Причисленіе къ Соловецкому монастырю. — Строитель Сипридонъ. — Обрѣтеніе мощей Препод. Елеазара. — Игумень Мельхиседекъ. — Настоящее состояніе скита	86
--	----

ІЕРОСХИМОНАХЪ ІОВЪ.

Основатель Голгово-Распятскаго скита.

Происхожденіе. — Иерейство. — Посѣтители. — Пищелюбіе. — Придворная жизнь. — Посѣщеніе темницъ. — Уединеніе въ домѣ. — Болѣзнь. — Клевета. — Удаленіе въ Соловецкій монастырь. — Постриженіе. — Послушаніе. — Искушеніе. — Переселеніе въ Анзерскій скитъ. —

Назначеніе строителемъ.—Поученіе братіи.—Скитскій порядокъ.—
Служеніе больнымъ.—Схима.—Явленіе Пресвятыя Богородицы.—
Переселеніе на Голгоѳу.—Основаніе скита.—Построеніе церкви.—
Пожертвованія царскихъ особъ.—Письма царевны Маріи.—Нападе-
ніе разбойниковъ.—Умноженіе скитягъ.—Подвиги Іова.—Скитскій
уставъ.—Явленіе Пресвятыя Богородицы.—Чудеса.—Болѣзнь.—Про-
щаніе.—Кончина.—Погребеніе.—Состояніе скита по смерти Іова.—
Присоединеніе къ Анзерскому скиту.—Причисленіе къ Соловецкому
монастырю.—Построеніе каменнаго храма.—Настоящее положеніе
скита . . . . .

109

ПУСТЫННИКЪ ОЕОФАНЪ.

Пропехождение.—Послушничество.—Путешествіе въ Молдавію.—
Жизнь въ Нямецкомъ монастырѣ.—Возвращеніе въ Кіевъ.—Доси-
еи.—Прибытіе въ Соловецкій монастырь.—Поселеніе въ пустынь.—
Возвращеніе въ монастырь.—Жизнь въ Сумахъ.—Экономство.—Раз-
сказъ знонаря.—Удаленіе на Поморскій берегъ.—Жизнь въ пусты-
нѣ.—Возвращеніе въ Соловецкій монастырь.—Жизнь въ Гол. оео-
раснятскомъ скитѣ.—Наставленіе.—Искушеніе.—Видѣніе.—Бо-
лѣзнь.—Смерть . . . . .

137

СТАРЕЦЪ ПАУМЪ.

Пропехождение.—Спротство.—Прибытіе на Соловецкій островъ —
Поступленіе въ монастырь.—Послушаніе.—Облеченіе въ рясу.—Пе-
ремѣненіе въ Анзерскій скитъ.—Изгнаніе.—Возвращеніе.—Долж-
ность при св. мощахъ.—Вторичное изгнаніе.—Прибытіе въ Кемь.—
Возвращеніе въ Соловецкій монастырь.—Посѣщеніе его архіерея-
ми.—Наставленія.—Прозорливость.—Исцѣленія.—Замѣчательный
случай.—Болѣзнь . . . . .

155

ІЕРОСХИМОНАХЪ МАТӨЕЙ.

Пропехождение.—Жизнь въ м'рѣ.—Поступленіе въ монастырь.—
Помонарство.—Священство.—Казначейство.—Келейныя занятія.—
Схима.—Болѣзнь.—Кончина . . . . .

174

СХИМОНАХЪ ГЕРАСИМЪ.

Пропехождение и жизнь въ м'рѣ.—Удаленіе въ Инкандрову пу-
стынь.—Странствованіе по св. мѣстамъ.—Прибытіе въ Соловецкій
монастырь.—Пустынная жизнь.—Пребываніе въ монастырѣ.—
Смерть . . . . .

177

МОНАХЪ ПАМФИЛЪ.

Жизнь въ пустынѣ.—Опытъ повннованія.—Подвиги.—Видѣ-
нія.—Жизнь въ монастырѣ.—Прозорливость.—Кончина . . . . .

180

СХИМОНАХЪ ЗОСИМА.

стр.

Жизнь въ монастырѣ? — Нестыжательность. — Подвиги. — Кончина. 182

ІЕРОСХИМОНАХЪ ІЕРОНИМЪ.

Жизнь въ мірѣ. — Поступленіе въ Хутынъ монастырь. — Іеромонашествіе. — Служеніе при Московскомъ Синодальномъ домѣ. — Пребываніе въ Черноморской Николаевской пустыни и въ Новгородѣ. — Заключение въ Петропавловскую крѣпость. — Отсылка въ Соловецкій монастырь. — Кончина. — Наставленія его о священствѣ, о добротолуби, о схимѣ, о молитвѣ 184

СХИМОНАХЪ НИКОДИМЪ.

Прибытіе въ монастырь. — Пономарство. — Удаленіе въ пустынь. — Подвиги. — Схима. — Кончина. 192

СХИМОНАХЪ ІОАННЪ.

Происхожденіе. — Поступленіе въ монастырь. — Схима. — Жизнь въ Филипповой пустыни. — Подвиги. — Кончина. 194

СХИМОНАХЪ ѲЕОДОРЪ.

Происхожденіе. — Постриженіе. — Жизнь въ пустыни. — Подвиги. — Искушенія. — Смерть. 196

СХИМОНАХИ АДАМЪ И АНДРЕЙ.

Незлobie Адама. — Рыболовство. — Кончина. — Андрей. — Предсмертное видѣніе — Кончина. 198

СХИМОНАХИ ИЛАРІЙ И МАТѢИ.

Пустынная и монастырская жизнь. — Жизнь Матѣи въ скитѣ. — Кончина въ монастырѣ. 200

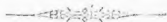
МОНАХЪ МИХАИЛЪ.

Отличительныя черты. — Купечество. — Кончина. 201

ПОСЛУШНИКЪ ІОАННЪ СОРОКИНЪ.

Происхожденіе. — Бѣгство изъ отечества. — Жизнь за границею. — Ссылка въ Соловецкій монастырь. — Знаменательный сонъ. — Обращеніе въ Православіе. — Кончина. 203

Заключеніе. 206

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ теченіе пяти вѣковъ своего существованія, Соловецкая обитель, служа для всего сѣвернаго края нашего отечества разсадникомъ вѣры и благочестія, воспитала много истинныхъ рабовъ Божиихъ. Одни обрѣли спасеніе въ трудахъ послушанія и иночества; другіе оставили по себѣ память просвѣтительною дѣятельностію среди сѣверныхъ инородцевъ; третьи угодили Господу подвижничествомъ въ пустынномъ уединеніи; наконецъ были и такіе, которые, подражая основателямъ Соловецкимъ, Преподобнымъ Зосимъ и Савватию, сами положили начало, подъ охраною и вліяніемъ Соловецкой обители, иноцескимъ обществамъ, существующимъ до сего времени. Не говоримъ уже о безчисленномъ сонмѣ иноковъ, которые, взявъ свой крестъ, послѣдовали за Воже-ственнымъ Крестоносцемъ и достигли блаженной вѣчности, незнаемые міромъ, въ совершенномъ смиреніи и полной безвѣстности. Между тѣмъ, до настоящаго времени не было сдѣлано ни малѣйшей попытки собрать и соединить отрывочныя сказанія о Соловецкихъ подвижникахъ, наиболѣе замѣчательныхъ. Эти сказанія, записанныя ближайшими свидѣтелями и современниками лицъ и событій, или даже рукою самихъ подвижниковъ, продол-

жали переходить изъ рода въ родъ, составляя какъ бы нѣкоторое духовное наслѣдство, дорогое для тѣхъ, которые поставили задачею своей жизни: подражать подвигамъ предковъ.

Наша цѣль — представить благосклонному вниманію читателя то, что сохранилось въ письменныхъ памятникахъ объ особенно замѣчательныхъ Соловецкихъ отцахъ. Наше повѣствованіе, начинаясь съ основателей и первоначальниковъ Соловецкаго иночества, продолжается чрезъ рядъ вѣковъ до настоящаго времени. Святое сѣмя иночества, насажденное подвижническою рукою Преподобныхъ Зосимы и Савватія на дикій и необитаемый островъ Студенаго моря, не переставало приносить плоды до ближайшей къ намъ современности. Надѣмся, что оно, при благословеніи Божиѣмъ, останется также плодоносно и на будущее время.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Иночество. — Характеръ его. — Соловецкое иночество — Испытаніе. — Послушничество. —
Постриженіе — Монашество. — Схи́ма. — Вседневная жизнь. — Утреня. — Литургія. — Тра-
пеза. — Вечерня. — Правило. — Настоятель. — Соборъ. — Должности. — Чреда священнослу-
женія. — Послушанія. — Кончина.

ноческая жизнь, и по назначенію и по свойству сво-
ему, есть внутренняя, сокровенная. Хотя вѣншія
событія, совершавшіяся съ какою-либо обителью, и
привлекають, главнымъ образомъ, вниманіе повѣствователей;
но для исторіи монашества они имѣють значеніе второстепен-
ное, такъ какъ главною цѣлію подвижнической жизни слу-
жить спасеніе души. Не борьба съ вѣншими врагами, не
успѣхи матеріальной и промышленной жизни, не дѣятельность
исключительно среди міра для цѣлей земныхъ — назначеніе
иноковъ, а борьба съ внутренними врагами спасенія, совершаю-
щаяся въ тайной хранилѣ души, успѣхи жизни правствен-
ной, дѣятельность въ высшей степени духовная — вотъ при-
званіе инока. Подвиги на этомъ поприщѣ болышею частію
остаются извѣстны одному всевидящему Богу.

Въ первыя времена христіанства, когда иночество, быстро
развившись въ пустыняхъ Египта, поразило свѣтъ противопо-
ложностію правиламъ мірской жизни, многіе собирали свѣдѣ-
нія о подвижникахъ и описывали ихъ образъ жизни. Изъ этихъ
описаній составилась Патерикъ, Лавсанки, Лугъ духовный.

Посѣтители отшельниковъ были люди благочестивые, искавшіе назиданія и записывавшіе поучительныя изреченія и подвиги благочестія древнихъ отцевъ.

Въ настоящее время монашеская жизнь есть уже явленіе обыкновенное. Многіе не считаютъ подвигомъ того, что люди, отказываясь отъ связей семейныхъ и гражданскихъ, отъ удовольствій міра, заключаются въ стѣны какой-либо обители; не ставятъ въ особую заслугу того, что инокъ проводитъ большую часть дня въ церковной службѣ и молитвахъ. Подчиненный строгому монастырскому уставу относительно пищи и безпрекословнаго повиновенія настоятелю, смиренно проходящій свое званіе безъ особыхъ подвиговъ, инокъ часто сходитъ въ могилу невѣдомымъ никому. Посѣтители обителей говорятъ о зданіяхъ и мѣстоположеніи, личныхъ впечатлѣніяхъ своихъ, иногда о порядкѣ службы, но духовная жизнь иноковъ для нихъ закрыта. Сами иноки, частію по смиренію, а частію по многосложнымъ послушаніямъ, не ведутъ лѣтописей своихъ обителей. Они не предають памяти потомства подвижнической жизни своихъ собратьевъ, и такимъ образомъ черты особенныхъ доблестей, проявляющіяся въ обителяхъ, остаются незамѣченными. Если бы въ каждой обители составляли свѣдѣнія о замѣчательныхъ инокахъ и эти свѣдѣнія сохранялись при монастырскомъ архивѣ, тогда списокъ подвижниковъ былъ бы полнѣе и у многихъ исправились бы неточныя понятія о монашесствѣ.

Если мы прослѣдимъ жизнь Соловецкаго инока отъ поступленія его въ монастырь до кончины, то увидимъ, что и обыкновенная жизнь его есть подвигъ.

Только искренняя, твердая рѣшимость всецѣло служить Богу для спасенія души своей можетъ побудить кого-либо искать пристанища на пустынномъ Соловецкомъ островѣ. Этотъ островъ отдѣленъ отъ обитаемыхъ мѣстъ, цо меньшей мѣрѣ, на сорокъ верстъ волнами Бѣлаго моря, прекращающаго своими льдами на восемь мѣсяцевъ сообщеніе съ берегомъ. Скудная растительность его, восьми-мѣсячная темная зима съ туманами и постоянною сыростію, не особенно привлекательны

для жизни, кромѣ выгоды уединенія и удаленія отъ міра. Казалось бы послѣ этого, одной рѣшимости жить на такомъ островѣ достаточно было бы для доказательства искренняго желанія монашеской жизни: однако никто не принимается прямо въ число послушниковъ. Всякій приходящій въ обитель живетъ первоначально въ качествѣ годового богомольца, какихъ бываетъ постоянно не менѣе 300 человѣкъ, помѣщающихся въ монастыря въ трехъ зданіяхъ, или и внутри монастыря, смотря по нуждѣ и удобству въ разныхъ мастерскихъ. Въ теченіе года ищущій монашества, трудясь въ послушаніяхъ, имѣетъ довольно времени размыслить — способенъ ли онъ къ монастырской жизни, узнать братство, въ средѣ котораго желаетъ подвизаться, и усмотрѣть для себя духовнаго отца, которому могъ бы довѣриться въ духовной жизни. Если, по прошествіи года, намѣреніе его остается неизмѣняемымъ, то монастырское начальство еще внимательнѣе наблюдаетъ за нимъ и лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ приписываетъ къ разряду послушниковъ. Никому изъ приходящихъ не дѣлается предпочтенія; всѣ наравнѣ пользуются одинаковою пищею, въ отдѣльной отъ иноковъ палатѣ, одинаковую имѣютъ одежду, помѣщаются въ общихъ каморахъ, и, по распоряженію нарядниковъ, всѣ наравнѣ выходятъ на труды. Обращается вниманіе только на крѣпость тѣлесныхъ силъ, и малосильнымъ назначаются занятія легчайшія. Среди этихъ послушаній, съ одной стороны, скоро обнаруживаются люди своевольные и легкомысленные, а потому и неспособные къ иноческой жизни; а съ другой — труды, произвольные и не всегда пріятные, приучаютъ духъ къ смиренномудрію, покорности и терпѣнію. Всѣ подвижники, проходившіе съ пользою поприще новоначалія, съ умиленіемъ вспоминаютъ объ этомъ времени. Не скоро труженикъ удостоивается получить особую келью; еще болѣе проходитъ времени до облеченія его въ рясофоръ. Онъ достигаетъ этого долговременными подвигами благочестія и не легкими трудами, и потому принимаетъ съ радостію и веселіемъ. Рѣдкій удостоивается постриженія въ маітію ранѣе 10 лѣтъ по вступленіи въ монастырь. День постриженія бываетъ днемъ

духовнаго торжества для постригаемаго и для всѣхъ, потому что можно ли не радоваться инокамъ, видя сопричисленіе къ ихъ соуму истиннаго раба Божія? Можно ли не веселиться и самому постригаемому, достигающему, послѣ многолѣтнихъ усилій, исполненія своихъ искреннихъ желаній? Сердце и сторонняго зрителя не можетъ не умилиться при трогательномъ обрядѣ постриженія, въ которомъ будущій инокъ, отрицаясь міра и всѣхъ его страстей, въ трогательныхъ обѣтахъ дѣвства, нестяжанія и послушанія, воспріемлетъ на себя благое иго Христово. Какъ поворожденное дитя въ таинствѣ крещенія поручается воспріемнику для наставленія его въ истинахъ вѣры и благочестія, такъ и новопостриженный инокъ торжественно предъ алтаремъ, отъ святаго Евангелія, какъ бы отъ руки Христовой, предается, какъ сынъ, духовному отцу, имѣющему научить его подвижничеству.

Тихо и безмятежно, годъ за годомъ, течетъ жизнь инока, по избранному имъ крестному пути, до послѣдняго предѣла, общаго всѣмъ людямъ. Со дня постриженія начинается обязательное выполненіе обѣтовъ, данныхъ при постриженіи, къ которымъ намѣревавшійся быть инокомъ пріучалъ себя съ самаго вступленія въ монастырь. Особенно обѣтъ послушанія настоятелю и братству управляетъ всѣми мыслями, всѣми душевными и тѣлесными силами Соловецкаго инока до конца его жизни; такъ что большая часть здѣшнихъ инокѣвъ, исполняя многочисленныя послушанія, находятъ покой только на болѣзненномъ одрѣ или въ могилѣ. Священный санъ и разныя монастырскія должности принимаются инокѣми не по желанію, а единственно по обѣту послушанія. Простившійся на всегда съ міромъ, рѣдкіе изъ нихъ выѣзжаютъ на материкъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда нужда и польза общежитія заставляютъ кого-либо оставить монастырь на нѣкоторое время.

Постриженіе въ великую схиму принимаютъ только престарѣлые, немощныя отъ трудовъ или заботливающіе къ смерти; но и схимники, находясь въ тѣсномъ затворѣ, по усердію, занимаются какимъ-либо дѣломъ: иной, вооружаясь очками, дѣйствуетъ иглой; другой вяжетъ новую сѣть или расплетаетъ ста-

рую; немощный щиплет старыя веревки на конопатку судовъ.

Съ той минуты, какъ утромъ, среди ночной тишины, раздается въ обители звукъ колокола, призывающій на утреннее молитвословіе, всеневная жизнь Соловецкаго инока представляетъ постоянную смѣну молитвы и труда.

Величественна ночь въ монастырѣ, замкнутомъ со всѣхъ сторонъ тяжелыми запорами. Повсюду безмолвіе, глубокій мракъ, среди котораго, какъ звѣтная звѣзда, мерцаетъ слабый свѣтъ неугасимой лампы, горящей высоко предъ образомъ Богоматери, пробитымъ выстрѣлами непріятеля. Но вотъ ночь преполовилась: среди повсюдной тишины, за часъ до благовѣста къ утрени, раздается на оградѣ и по корридорахъ бѣглый звонъ будильнаго колокольчика, какъ гласъ архангельской трубы, имѣющей въ послѣдній день міра возбудить умершихъ. Со звономъ колокольчика еще не начинается движеніе въ монастырѣ, потому что иноки, вставая теперь съ одра, послѣ кратковременнаго отдыха отъ трудовъ прошедшаго дня, выполняютъ свое келейное правило и посвящаютъ Богу самыя начатки помысленій и чувствованій наступающаго дня. Утреннее богослуженіе обыкновенно начинается въ три часа, а въ праздники въ два и въ часъ пополуночи. Незадолго до благовѣста съ разныхъ сторонъ показываются иноки, направляясь преимущественно къ храму Преподобныхъ Зосимы и Савватія, такъ какъ, по существующему обычаю, каждый считаетъ для себя долгомъ, прежде всего, поклониться чудотворнымъ мощамъ св. Угодниковъ и испросить ихъ благословенія и помощи на дневное поприще жизни. Трудящіеся братія, большею частью, остаются для слушанія полунощницы въ храмѣ Преподобныхъ; но настоятель и всѣ священнослужители, кромѣ болѣзненныхъ, обязываются находиться при всѣхъ службахъ въ соборѣ. Отъ утренняго богослуженія не освобождается никто; поэтому будильникъ, въ началѣ полунощницы, помолившись предъ мѣстными иконами и принявъ благословеніе настоятеля, оглядываетъ сперва кѣлосы и потомъ обходитъ всю церковь для повѣрки, всѣ ли находятся у службъ; замѣтивъ отсутствующа.

щихъ, отправляется къ нимъ для вторичнаго возбужденія и о неприинедшихъ послѣ сего къ богослуженію, по окончаніи полунощницы, доноситъ настоятелю, съ объясненіемъ причины отсутствія. По пропѣтій тропаря на «Богъ Господь», завѣдующій пекарскою и кухонною службами, сдѣлавъ, по обычаю, поклоненіе предъ мѣстными иконами, принимаетъ у настоятеля благословеніе на приготовленіе пищи, и потомъ, съ огнемъ отъ лампады у храмоваго образа, отходитъ на кухню для возженія очаговъ, на которыхъ готовится пища. Съ началомъ чтенія каонизмъ, ипоки, послушники и богомольцы также уходятъ изъ церкви для занятій въ урочныхъ послушаніяхъ, въ которыхъ и проводятъ цѣлый день; остаются въ храмѣ для продолженія молитвы только священно-церковно-служители, старѣйшіе иноки и больничные. Впрочемъ, старшимъ изъ монашествующихъ позволяется бывать у ранней литургіи, если не дѣлается чрезъ то опущеній въ послушаніяхъ. Служеніе въ соборномъ храмѣ совершается продолжительнѣе, нежели въ другихъ церквахъ; здѣсь всѣ стихирѣ и сѣдальны поются протяжно по диктовкѣ канонарха, и читаются во время утрени два или три поученія: послѣ сѣдальновъ по каонизмахъ, читается въ простые дни толкованіе дневнаго Евангелія изъ благовѣстника блаженнаго Оеофилакта Болгарскаго; въ великій постъ поученія изъ Ефрема Сиріина, въ сырную и страстную седмицу — изъ сборника; въ праздники — изъ разныхъ св. отцевъ; на канонѣ по 6-й ибени предлагаются чтенія изъ пролога, или синаксари, когда они положены. Лѣтвичникъ вычитывается на часахъ великопостныхъ. Утрени въ простые дни продолжается около трехъ часовъ; послѣ нея въ великій постъ отправляется въ притворѣ литія по усопшимъ братіямъ. Послѣ утрени, послѣдовательно одна за другою, совершаются отъ трехъ до пяти раннихъ литургій, такъ что любителю церковныхъ молитвословій можно пребывать въ храмахъ отъ полуночи до полудня. Поздняя литургія бываетъ въ девять часовъ и на ней присутствуютъ настоятель и всѣ священнослужители безъ изыятія. Какъ на утрени и вечерни, такъ въ особенноти на литургіи, производится съ ревностнѣйшимъ усердіемъ и благоговѣніемъ не-

опустительное поминовение почившихъ отецъ и братій и всѣхъ благотворителей обители, которыхъ имена вписаны въ синодики. Это поминовение совершается іеромонахами и благоговѣйшими иноками. Въ соборномъ храмѣ эту благочестивую обязанность отправляютъ четыре старца; въ прочихъ монастырскихъ и скитскихъ церквахъ по одному. Въ концѣ литургіи іеромонахъ окропляетъ богоявленскою водою приготовленные въ трапезахъ столы, а въ поварнѣ всю пищу; равнымъ образомъ освящаетъ въ хлѣбнѣ и просфорнѣ тѣсто или муку, назначенныя къ печенію для будущаго дня. Послѣ поздней литургіи, въ совокупности съ обѣдомъ, совершается ежедневно чинъ о панагії. Въ предшествіи канонарха, громко читающаго 144-й псаломъ, чинно идутъ изъ собора въ трапезу впереди клиросные, за ними несется іеромонахомъ на высокомъ блюдѣ уготованная въ честь Пресвятой Богородицы большая просфора; настоятель, съ послѣдующею за нимъ братіею, заключаетъ это торжественное шествіе. Предъ обѣдомъ всю братіею поется Господня молитва «Отче нашъ», и затѣмъ настоятель, или, въ отсутствіи его, чередной іеромонахъ, благословляетъ предложенное ястіе и питіе. Прежде вкушенія пищи, раздробленная на мелкія части половина Богородичной просфоры разносится по столамъ всей братіи. Братскій обѣдъ всегда состоитъ изъ четырехъ перемѣнъ, между которыми въ мясоестіе, по простымъ днямъ, первенствуетъ соленая треска — кушанье, хотя и не очень любимое непривычными, но для обитателей поморія составляющее пріятнѣйшую, указанную самимъ Промысломъ, основу питанія и здравія. Въ лѣтнее время въ морѣ ловится достаточное количество сельдей, изъ которыхъ готовится уха; въ декабрѣ и январѣ добывается изъ подъ льда навага; но многочисленныя озера острововъ доставляютъ очень мало рыбы, и потому, чаще всего, на братскомъ столѣ появляется похлебка изъ сушеной трески съ мукою; обѣдъ заключается кашей съ молокомъ; въ праздники предлагается и бѣлый хлѣбъ. Постная пища составляется изъ грибовъ, ягодъ и овощей, растущихъ на островахъ. Трапезованіе иноковъ имѣетъ нѣкоторую торжественность, дѣйствующую на умъ и сердце.

Трапеза находится при соборномъ храмѣ Успенія Пресвятыя Богородицы; всѣ стѣны и своды ея украшены изображеніями страстей Господнихъ, Евангельскихъ блаженствъ и ликами преподобныхъ отцевъ въ колоссальномъ видѣ; до 400 иноковъ и послушниковъ возсѣдаютъ за длинными столами; повсюду царствуетъ глубокая тишина, прерываемая звучнымъ голосомъ чтеца, излагающаго добродѣтели и подвиги дневнаго святаго, или трогательныя увѣщанія сладкорѣчиваго Ефрема Сирина, возбуждающія къ воздержанію и покаянію. По окончаніи обѣда совершается возношеніе папегіи, по чину, изложенному въ уставѣ, съ пѣніемъ священныхъ пѣсней. Послѣ трапезы иноки опять расходятся на труды по послушаніямъ. Вино на трапезѣ никогда не предлагается инокамъ; только въ праздничные дни для старѣйшей братіи разрѣшается употребленіе винной порціи, по благословенію настоятеля въ келарской комнатѣ; въ храмовые и высокаторжественные праздники такое угощеніе происходитъ въ кельяхъ настоятеля. Холодный климатъ, продолжительность зимы, сырые туманы, бурные морскіе вѣтры, соленая пища и непрестанные труды, изнурительно дѣйствующіе на тѣло, достаточно извиняють подобное снисхожденіе къ человѣческой немощи.

Въ четыре часа пополудни совершается одна за другою двѣ раннія вечерни; благовѣстъ къ поздней вечерни бываетъ въ шесть, а зимою въ пять часовъ, по окончаніи занятій на всѣхъ послушаніяхъ, и потому въ вечернемъ богослуженіи принимаютъ участіе всѣ трудившіеся днемъ иноки и богомольцы. На повечеріи, по обычаю общежительныхъ монастырей, вычитываются каноны: Сладчайшему Іисусу, Божіей Матери и Ангелу Хранителю, съ акакистомъ Спасителю или Богородицѣ. Вслѣдъ за повечеріемъ бываетъ въ трапезѣ ужинъ, на которомъ предлагаются три перемѣны, и потомъ, не выходя изъ трапезы, братія слушаютъ молитвы на сонъ грядущимъ съ помянникомъ. Всякое богослуженіе совершается съ должнымъ благоговѣніемъ и безъ малѣйшей поспѣшности, почему даже въ простые дни на всѣ церковныя службы приходится 7—8 часовъ.

Ипическое правило, совершаемое въ нѣкоторыхъ обителяхъ въ храмѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ читается, какъ и на Аѳонѣ, каждымъ инокомъ въ кельѣ. Здѣсь въ вечернихъ молитвахъ участвуютъ съ иноками и годовые богомольцы, а въ лѣтнее время и всѣ прїѣзжающіе поклопники: на нихъ нельзя возлагать бремени, обязательнаго собственно для иноковъ. Кроме поклоновъ и упражненій въ умственной молитвѣ, каждый иннокъ и послушникъ обязаны ежедневно прочитывать извѣстное число каѳизмъ, съ поминаніемъ на «славахъ» живыхъ и умершихъ братій и сродниковъ; нѣкоторые имѣютъ въ обычаѣ неопустительно читать по нѣскольку зачалъ изъ Евангелія и Апостола и разные каноны и акаѳисты. Число, мѣра и время келейныхъ молитвенныхъ упражненій зависятъ, при усердіи къ Богу подвижника, отъ воли и назначенія духовнаго его отца.

Многочисленны виды послушаній, въ которыхъ, вмѣстѣ съ духовными занятіями, упражняются Соловецкіе иноки. Отличное отъ другихъ обителей положеніе Соловецкаго монастыря на уединенномъ и безплодномъ островѣ, въ средѣ малолюднаго и непроизводительнаго поморія, вдали отъ торговыхъ городовъ, заставляеть иноковъ собственными руками готовить потребное для жизни. Здѣсь не сѣютъ и не жнутъ, но, вмѣсто того, нужда породила иныя множайшія и болѣе трудныя занятія. Мы перечислимъ монастырскія послушанія, чтобы дать ближайшее понятіе о дѣятельности и жизни обители. Первое послушаніе—должность настоятеля, которымъ бываетъ всегда архимандритъ, избираемый Святѣйшимъ Синодомъ, болѣею частію изъ настоятелей или братства иныхъ монастырей, засвидѣтельствовавшихъ уже себя лично въ достоинствѣ и способностяхъ къ прохожденію вѣрваемой должности. Настоятель есть отецъ, глава и руководитель своей многочисленной семьи, составившейся изъ лицъ, хотя и чуждыхъ другъ другу, различныхъ по званію, характеру, возрасту, состоянію и образованію, но вѣрившихъ себя, ради Бога и собственнаго спасенія, его отеческому руководству, и положившихъ себя за правило творить не свою волю, но волю своего отца. Въ рукахъ настоятеля находятся всѣ части управленія; все отъ него за-

висить; малое и великое дѣлается по его велѣнію и указанію; къ нему обращаются всѣ за вразумленіемъ и наставленіемъ во всѣхъ родахъ монастырской дѣятельности, и всѣ его слова и внушенія приемятся всѣми съ дѣтскою довѣрчивостію, безъ пытливости и разсужденія. По этому и самъ настоятель долженъ имѣть въ себѣ духъ сильный и высокій, обладать преимущественно предъ всѣми знаніемъ священнаго и отеческаго писанія и ипоческихъ законоположеній и уставовъ, быть искуснѣйшимъ въ житіи монашескомъ и украшаться благоразуміемъ и опытностію. Труденъ и тяжелъ жребій настоятельскаго служенія. Не удивительно, что многіе, вкусившіе сладость кельянаго безмолвія и подначальной жизни, со страхомъзирають на высоту этого званія и всѣми мѣрами уклоняются отъ такого тяжелаго и многоскорбнаго креста.

За настоятельской должностію слѣдуютъ послушанія—наи́мѣстника, казначея, благочиннаго, ризничаго и духовника. Во всѣ эти должности настоятель, по совѣту братіи, избираетъ преимущественно старшихъ іеромонаховъ, болѣе благоразумныхъ и трезвенныхъ, послѣ чего они утверждаются въ своихъ должностяхъ указами Московской Святѣйшаго Синода канторы. Эти должностныя лица, вмѣстѣ съ настоятелемъ, составляютъ монастырскій соборъ, носятъ званіе соборныхъ старцевъ и имѣютъ оффиціальныя засѣданія. Въ этомъ соборѣ, подѣлѣннѣмъ настоятеля, разсматриваются и рѣшаются всѣ главнѣйшія дѣла монастырскаго управленія.

Наи́мѣстникъ есть главный помощникъ настоятеля, заботящійся о благоустройствѣ обители по всѣмъ отраслямъ управленія.

Казначей имѣетъ въ вѣдѣніи и распоряженіи денежныя суммы и всѣ хозяйственныя предметы и матеріалы.

Благочинный смотритъ за братіею и богомольцами въ церкви, трапезѣ и по кельямъ.

Ризничій заведываетъ всѣмъ церковнымъ имуществомъ, смотритъ за чистотою и благообразіемъ въ храмахъ и наблюдаетъ за своевременнымъ и благоговѣйнымъ отправленіемъ всѣхъ церковныхъ службъ.

Духовникъ обязанъ исповѣдывать братію во время постовъ. Онъ есть духовный врачъ и наставникъ, поучающій своихъ чадъ духовной жизни; по этому келья его открыта днемъ и ночью для всѣхъ, имѣющихъ нужду въ наставленіи и вразумленіи въ случаѣ недоумѣній, мысленной брани и различныхъ соблазновъ, встрѣчающихся въ жизни всякаго подвижника. Въ лѣтнее время для исповѣди поклонниковъ дается ему помощникъ.

Слѣдующее за тѣмъ послушаніе—чреда священнослуженія, отправляется іеромонахами и іеродіаконами и продолжается шесть недѣль. Всѣ іеромонахи и іеродіаконы, кромѣ занимающихся письмоводствомъ, живописью, позолотою и т. п., освобождаясь отъ общихъ послушаній, обязываются неопустительно ходить въ церковь ко всѣмъ службамъ, а въ кельяхъ съ прилежаніемъ и ревностію заниматься чтеніемъ божественнаго писанія и душеполезныхъ книгъ. Только по временамъ іеромонахи и іеродіаконы посылаются настоятелемъ на рыбную ловлю, уборку сѣна въ окрестностяхъ монастыря и сборъ ягодъ и грибовъ.

Далѣе нужно указать на послушаніе уставщика, которымъ всегда бываетъ іеромонахъ или іеродіаконъ, знающій въ совершенствѣ церковный уставъ и столповое знаменное пѣніе. На каждомъ клиросѣ первенствуетъ головщикъ, или зачинщикъ пѣнія. За ними слѣдуютъ пѣвцы, между коими на половину бываютъ іеромонахи и іеродіаконы, имѣющіе способность къ пѣнію, чтецы, капопархи, пономари, будильникъ.

Кромѣ этихъ, собственно церковныхъ послушаній, есть много должностей и занятій монастырскихъ, таковы: библіотекаръ, правитель дѣлъ въ учрежденномъ соборѣ, письмоводители, звонари, закупщики, экономя и нарядники, келарь, рухольный, амбарный, шкипера и механики (аттестованные по экзамену), живописцы, литографы, серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера, позолотчики, рѣзчики, гравиальщики и полировщики камней, часовщики, свѣчники, красильщики суконъ и ходстовъ, мѣдники, слесари, просфорники, хлѣбники, переплетчики, печатники, столяры, дрожечники, телѣжники, санники,

колесники, купоры, плотники, маляры, стекольщики, рыболовы, кузнецы, портные, сапожники, кожевники, шорники, канатчики, придиельники, сѣтники, валяльщики, каменосѣчцы, каменщики, кирпичники, печники, шуткатуры, матросы, кочегары, мельники, солодовники, салотопники, пильщики, огородники, гостинщики, трансники, повара, квасовары, прачешники, звѣроловы, смолокуры, угольники, дрововозы, копохи, скотники, пастухи и прочіе, исправляющіе простыя и черныя работы. Соловецкое общежитіе своими средствами удовлетворяетъ большей части своихъ потребностей. Каждое отдѣльное занятіе называется послушаніемъ. Въ каждомъ послушаніи старшій и болѣе опытный именуется старостою, который и управляетъ порученнымъ ему дѣломъ и дѣлателями, подлежа самъ надзору и отвѣтственности предъ намѣстникомъ и экономомъ. Иныя послушанія исполняются многими лицами, на примѣръ въ портной и чеботарной до 70 человекъ; до 60 человекъ въ мореходствѣ на пароходахъ, икунахъ и ладьяхъ; 30 мальчиковъ зимой занимаются пряденіемъ пеньки для рыболовныхъ сѣтей и неводовъ; до 40 человекъ, особенно въ лѣтнее время, упражняются въ рыболовствѣ; по 10 иногда горновъ дѣйствуетъ въ кузницѣ. Не говоримъ о сѣнокосѣ, на которомъ между всѣми, вблизи монастыря, является и настоятель. Главное вниманіе обращается на то, чтобы никто не оставался безъ дѣла и, особенно, чтобы никто не дѣлалъ чего либо самовольно.

Въ руководѣльныхъ послушаніяхъ существуетъ благочестивое обыкновеніе—при каждомъ началѣ дѣла съ молитвою обращаться къ Богу, и потомъ, если дѣло совершается вмѣстѣ съ другими, каждый обращается къ старшему съ словомъ: «благослови, отче»,—и, получивъ отвѣтъ: «Богъ благословитъ», выражается крестнымъ знаменіемъ и припимается за дѣло, совершая его съ молитвою въ умѣ, какъ бы предъ очами самого Бога и подъ Его всеильнымъ руководствомъ и помощію.

Блаженныя иноки, которые, по уставу общежитія, отрелись отъ своей воли, въ непрекословной покорности, съ евангельскимъ самоотверженіемъ, проходятъ копнище своей жизни въ непрестанномъ трудѣ и всегдашней молитвѣ. За всѣ свои по-

двиги они не ждутъ себѣ награды на землѣ. Умираетъ инокъ—и три удара въ большой колоколъ возвѣщаютъ братіи о смерти сомолитвенника; останки, окутанные въ мантию, переносятся въ церковь, гдѣ до отпѣванія читается Псалтирь или Евангеліе, если умершій имѣетъ санъ священства. По отпѣваніи, давъ послѣднее цѣлованіе, несутъ усопшаго на кладбище и опускаютъ въ могилу съ большимъ на колоколыиѣ трезвономъ, которымъ выражается радость Церкви, что преставленный, скончавъ теченіе, идетъ на мѣсто покоя. Возвратившись въ храмъ и совершивъ надъ кутіею послѣднюю литію, предстоятель и всѣ иноки полагаютъ 12 поклоновъ съ молитвою: «упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего», и этотъ канонъ долженъ совершать каждый инокъ 40 дней, съ молитвою о преставлявшемся. Имя почившаго вписывается во всѣ церковные синодики для вѣчнаго поминанія, а равнымъ образомъ и каждый братъ вноситъ въ свое поминанье для чтенія при келейномъ правилѣ. Надъ каждою могилою водружается большой деревянный крестъ въ ознаменованіе того, что почившій, отъ рожденія и до кончины, несъ крестъ свой, былъ истиннымъ послѣдователемъ Божественнаго Крестоносца и прешелъ отъ жизни земной въ жизнь нескончаемую въ упованіи на крестныя заслуги своего Искупителя и Спасителя.

ПОДВИЖНИЧЕСТВО.

(Общій взглядъ).

Во главѣ Соловецкаго подвижничества сіяютъ; подобно лучезарнымъ звѣздамъ, Преподобные отцы Савватій, Зосима и Германъ. Они основатели и благоустроители своей обители; они первые жители необитаемаго Соловецкаго острова, разлившіе яркій свѣтъ вѣры и благочестія на весь сѣверный край нашего отечества. Подвиги ихъ неизгладимо начертаны въ исторіи Соловецкой обители и память ихъ свято чтится Православною Церковію. Примѣръ подвижнической жизни Соловецкихъ первоначальниковъ привлекъ къ нимъ многихъ послѣдователей, искавшихъ иноческаго безмолвія на отдаленномъ сѣверѣ, среди неблагопріятныхъ условій жизни, наиболѣе способствовавшихъ подвижничеству. Иночество процвѣло на Соловецкомъ островѣ, и обитель Преподобныхъ Савватія, Зосимы и Германа воспитала многихъ подвижниковъ, достойныхъ памяти потомства. Вліяніе этихъ замѣчательныхъ мужей было весьма благотворно для окружавшей ихъ среды, а жизнь ихъ остается поучительною для всѣхъ.

Кромѣ подвижниковъ, просіявшихъ въ Соловецкой обители, въ ней приняли монашество и духовно возрасли приснопамятные іерархи Россійской Церкви—патріархи Іоасафъ I и Никонъ, митрополиты — Исидоръ новгородскій, Иларіонъ псков-

скій, Игнатій тобольскій, Рафаилъ астраханскій, Іовъ новгородскій; архієпископы — Маркеллъ вологодскій и Варсонофій архангелогородскій. Патріархъ Никонъ, оставившій въ нашей церковной исторіи неизгладимую память, постриженъ въ иночество Преподобнымъ Елеазаромъ, оспователемъ Анзерскаго скита, который и былъ первымъ мѣстомъ строгихъ подвиговъ его. Здѣсь, въ теченіе четырехъ лѣтъ, Никонъ созрѣвалъ для будущихъ великихъ дѣлъ церковнаго управленія и научался терпѣнію, которое было необходимо ему при послѣдующей превратности судьбы его. Такимъ образомъ духовное вліяніе Соловецкой обители, не ограничиваясь ближайшими предѣлами, распространялось на все наше отечество.

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

ПРЕПОДОБНЫЙ САВВАТІЙ, СОЛОВЕЦКІЙ ПЕРВОНАЧАЛЬНИКЪ И ЧУДОТВОРЕЦЪ.

Жизнь въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ.—Переходъ въ Валаамскую обитель.—
Свиданіе съ Германомъ.—Прибытіе на Соловецкій островъ.—Предвѣщательное знаме-
ніе.—Предчувствіе кончины.—Отплытіе къ рѣкѣ Выгъ.—Встрѣча съ игуменомъ Нао-
наиломъ.—Причащеніе.—Всѣда съ Іоанномъ.—Кончина и погребеніе.—Перенесеніе
мощей.—Прославленіе.

Первымъ мѣстомъ иноческихъ подвиговъ Преподоб-
наго Савватія былъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.
Проводя жизнь свою въ постѣхъ, бдѣніи и молитвахъ,
онъ служилъ назидательнымъ примѣромъ для всѣхъ иноковъ.
Послушаніе игумену и братіи и прилежное исполненіе мона-
стырскихъ службъ пріобрѣло ему уваженіе и любовь со сто-
роны знавшихъ его. Но, не терпя славы человѣческой, сми-
ренный инокъ замыслилъ удалиться изъ монастыря въ уеди-
ненное мѣсто. Донесъ до него слухъ, что на озерѣ Невѣ (нынѣ
Ладожское), на островѣ Валаамѣ, есть пустынный монастырь
Преображенія Господня, въ которомъ иноки, пріобрѣтая нуж-
ное для жизни трудами рукъ своихъ, отличаются особенною
строгостію своихъ подвиговъ. Савватій просилъ игумена и бра-
тію отпустить его туда, куда влекло его желаніе сердца, и,
получивъ благословеніе ихъ, перемѣтился въ Валаамскій мо-
настырь. Но смиренная душа его и здѣсь не обрѣла себѣ по-
кой: скоро онъ своими подвигами превзошелъ всѣхъ, и опять

слава и удивленіе со стороны сподвижниковъ его были удѣломъ добродѣтельнаго инока.

Савватій началъ искать еще болѣе уединеннаго мѣста. Возвеселилась пустыннолюбивая душа его, когда онъ узналъ, что на далекомъ сѣверѣ, въ морѣ, есть необитаемый Соловецкій островъ, отстоящій отъ берега на значительное пространство. Настоятель и братія, любя Преподобнаго, не хотѣли лишиться сожителства его и усердно просили не оставлять ихъ. Савватій, поживъ съ ними еще нѣсколько времени, не могъ преодолѣть тайнаго влеченія своего духа и, помолившись Богу, ночью удалился изъ монастыря и направилъ свой путь къ Соловецкому острову.

Достигнувъ морскаго берега, Преподобный получилъ отъ мѣстныхъ жителей подробныя свѣдѣнія о цѣли своего путешествія. Островъ, говорили ему, отстоитъ отъ берега далеко, и путь къ нему по бурному морю весьма опасенъ; въ окружности около ста верстъ и имѣетъ рыбныя озера, прѣсную воду, горы, лѣса, но необитаемъ именно по причинѣ неудобства сообщенія съ берегомъ; изрѣдка посѣщаютъ его рыбаки и, кончивъ свое дѣло, опять оставляютъ. Такіе рассказы болѣе и болѣе воспламеняли духъ Савватія: Преподобный видѣлъ, что именно тамъ—на Соловецкомъ островѣ—онъ достигнетъ желаемаго безмолвія и уединенія. Понявъ намѣреніе инока, прибрежные жители представляли ему неудобства жизни на пустынномъ островѣ: „чѣмъ ты будешь тамъ питаться и одѣваться? какъ ты будешь жить въ такомъ отдаленіи отъ людей?“ Но старецъ всю надежду полагалъ на Господа. Скоро промыслъ Божій указалъ ему и будущаго сожителя на Соловецкомъ островѣ. Пришедши къ рѣкѣ Выгѣ, Савватій нашелъ инока Германа, проживавшаго при часовнѣ, который подтвердилъ все, слышанное старцемъ отъ прибрежныхъ жителей. Тогда они оба уговорились плыть на островъ, и для этого заготовили лодку, съѣстные припасы и орудія, необходимыя для жизни въ пустомъ мѣстѣ. Плаваніе ихъ было спокойное: Господь видимо благословлялъ намѣреніе иноковъ. Съ какою радостію они увидѣли необитаемый островъ, съ какимъ восторгомъ вышли на

берегъ! Съ версту отъ берега, они наплы близъ озера мѣсто, которое показалось имъ удобнымъ для жительства. Здѣсь они водрузили крестъ, поставили келію и поселились. Приобрѣтая себѣ скудное пропитаніе трудами рукъ своихъ, они пребывали въ постоянной молитвѣ и словословіи Господа.

Къ утѣшенію пустынниковъ, Господь особеннымъ знаменіемъ показалъ будущее предназначеніе Соловецкаго острова. Прибрежные жители стали завидовать Преподобнымъ, считая себя наслѣдственными владѣльцами всего побережья и островъ Бѣлаго моря. И вотъ, по общему совѣту, одинъ рыбакъ, съ женою и со всѣмъ домомъ, приплылъ на островъ и поселился недалеко отъ кельи иноковъ. Преподобные Савватій и Германъ не прерывали порядка своей жизни. Разъ, въ воскресный день, рано утромъ, окончивъ келейное правило, о. Савватій съ кадилицею вышелъ изъ кельи покадить крестъ, водруженный по прибытіи на островъ, и услышалъ громкій плачь какъ бы лица, подвергаемаго біенію. Въ ужасѣ, думая, что это мечтаніе, Преподобный возвратился въ келію и разсказалъ своему сожителю о слышанномъ воплѣ. Германъ, выйдя изъ кельи, также услышалъ стоны и крики и, достигши мѣста, откуда они раздавались, нашелъ женщину въ слезахъ, которая разсказала ему слѣдующее: „когда я шла на озеро къ своему мужу, встрѣтили меня два свѣтлые юноши; схвативъ меня, они били меня прутьями, говоря: уходите съ этого мѣста; вамъ нельзя здѣсь жить, потому что, по волѣ Божіей, оно предназначено для проживанія иноковъ.“ Послѣ этого юноши сдѣлались невидимы. Германъ, возвратившись въ келію, передалъ Савватию все слышанное отъ женщины, и оба прославили Бога. Между тѣмъ рыбакъ, утраченный видѣніемъ, взявъ жену и имѣніе свое, отплылъ обратно въ село, гдѣ прежде жилъ. Съ этого времени никто изъ мірскихъ людей не дерзнулъ селиться на островѣ.

Нѣсколько лѣтъ протекло уединенной жизни Преподобныхъ на пустынномъ островѣ. Душа Преподобнаго Савватія наполнилась здѣсь покоемъ и безмолвіемъ, къ которымъ стремилась съ такою твердостію и постоянствомъ. Когда Германъ отплылъ на

рѣку Онегу, для пріобрѣтенія жизненныхъ потребностей, то о. Савватій остался на островѣ совершенно одинъ—предъ лицомъ всевидицаго Бога, Который зрѣлъ его терпѣніе, молитвенныя труды, духовныя подвиги. Утѣшаемый посѣщеніемъ св. ангеловъ, Преподобный упражнялся въ непрестанномъ богомысліи, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе созрѣвалъ для вѣчности.

Предчувствуя приближеніе своей кончины, Пр. Савватій пожелалъ причаститься св. Таинъ, и для сего, сѣвъ въ небольшую лодку, поплылъ къ берегу. Послѣ двухдневнаго плаванія, онъ вышелъ на сушу и направился къ часовнѣ на рѣкѣ Выгѣ, гдѣ въ то время находился игуменъ Наонаанъ, прибывшій для посѣщенія православныхъ христіанъ. По устроенію Божію, игуменъ, идучи къ одному больному для Причащенія, встрѣтилъ Соловецкаго пустынника на пути къ Выгѣ—и эта встрѣча много обрадовала того и другого: Савватій утѣшался, что нашелъ искомос, а Наонаанъ съ веселіемъ смотрѣлъ на сѣдины и постыческое лицо Преподобнаго, о которомъ такъ много слышалъ. „Пропу тебя, отецъ, говорилъ Пр. Савватій отъими грѣхи, которые исповѣдую тебѣ, властію, данною тебѣ отъ Бога, и сподоби меня причащенія св. Таинъ—данно я уже желаю уладить свою душу этою Божественною ницею. Напитай меня Ею теперь. Христосъ Богъ указалъ мнѣ тебя для очищенія согрѣшеній, сдѣланныхъ мною во всю жизнь мою—словомъ, дѣломъ и помысленіемъ.“ Наонаанъ отвѣчалъ: „Богъ проститъ тебѣ, братъ,“ и, помолчавъ, въ удивленіи, со слезами произнесъ: „О, если бы я имѣлъ грѣхи твои, Преподобный!“ Савватій продолжалъ: „конецъ жизни моей приближился, пропу тебя, немедля сподоби меня Божественнаго причащенія.“ Игуменъ предлагалъ Преподобному идти къ часовнѣ и пождать тамъ до утра, пока онъ возвратится отъ больнаго. „Отецъ, говорилъ Савватій, не откладывай до завтра, мы не знаемъ, будемъ ли еще живы сегодня, а что будетъ дальше, какъ намъ знать?“ Наонаанъ, исполняя желаніе Преподобнаго, Причастилъ его и, братски облобызавъ, просилъ подождать въ часовнѣ своего возвращенія. Долго и усердно Преподобный молился, благодаря Бога за Причащеніе и всѣ милости

Его, и погомъ, войдя въ келью, сталъ приготовляться къ отшествію изъ этой жизни.

Въ то время присталъ къ берегу, близъ часовни, плывшій съ товаромъ новгородскій купецъ Іоаннъ. Онъ нашелъ въ кельѣ Преподобнаго Савватія, который, вступивъ въ бесѣду съ купцомъ, поучалъ его нищелюбію, милосердію и другимъ добрымъ дѣламъ. Іоаннъ предлагалъ старицу на пужды отъ своего имѣнія, но Преподобный ничего не хотѣлъ взять и сказалъ ему: «сынъ мой, останься здѣсь до утра,—увидишь милость Божію и благополучно отправишься въ путь». Іоаннъ не хотѣлъ ждать другого дня, сталъ собираться въ дорогу; но вдругъ поднялась буря, которая развела сильное волненіе въ рѣкѣ и морѣ; купецъ, хотя и противъ воли, заночевалъ. На другой день вѣтеръ стихъ, и Іоаннъ пришелъ въ келью принять отъ Преподобнаго Савватія напутственное благословеніе. Толкнувъ нѣсколько разъ съ молитвою въ дверь, онъ не получилъ отвѣта, и когда затѣмъ вошелъ въ келью, то увидѣлъ Преподобнаго сидящимъ въ монашескомъ одѣяніи и кадильницу стоящую близъ него. Іоаннъ сказалъ: „прости меня, рабъ Божій, что я вошелъ къ тебѣ; прошу, дай мнѣ благословеніе, чтобы мнѣ благополучно идти въ свой путь.“ Но отвѣта не было. Думая, что Преподобный спитъ, Іоаннъ подошелъ къ нему, коснулся рукою, и только тогда понялъ, что святая душа его уже воспарила къ Отцу Небесному. Въ то время возвратился отъ больного игуменъ Наонаилъ и, увидѣвъ Преподобнаго скончавшимся, со слезами лобызалъ честное тѣло его. Оба они, Наонаилъ и Іоаннъ, съ удивленіемъ припоминали, какъ одинъ преподавалъ ему св. Тайны на пути, по указанію промысла Божія, и какъ другой—тѣмъ же промысломъ Божиимъ—былъ удостоенъ слышать предсмертныя наставленія Преподобнаго Савватія. Кончина его произошла 27 сентября, 1435 г. Тѣ же—игуменъ Наонаилъ и купецъ Іоаннъ—совершивъ по чину церковному отпѣваніе Преподобнаго, предали честное тѣло его погребенію. Мощи Преподобнаго Савватія были перенесены въ Соловецкій монастырь при Препод. игуменѣ Зосимѣ и положены въ землю за алтаремъ Успенскаго собора, гдѣ и почивали до

1566 года. Въ этомъ году, 8 августа, онѣ, вмѣстѣ съ мощами Препод. Зосимы, перенесены въ придѣлъ, устроенный во имя сихъ Чудотворцевъ. На московскомъ соборѣ, бывшемъ при митрополитѣ Макаріи, въ 1547 году, установлено на ряду съ другими отечественными святыми совершать память Преподобнаго Савватія 27 сентября. Въ настоящее время св. Мощи его покоятся въ Зосимо-Савватіевской церкви, въ богато украшенной ракѣ.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИГУМЕНЪ ЗОСИМА, СОЛОВЕЦКІЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ.

Происхожденіе. — Тайное плеченіе къ инокству. — Встрѣча съ Германомъ. — Прибытіе на Соловецкій островъ. — Видѣніе. — Построеніе монастыря. — Житіе въ одиночествѣ. — Чудесная помощь. — Построеніе Преображенской церкви. — Игумены Павелъ и Осодосій — Игуменъ Преподобный Зосима. — Чудо съ просфорою. — Распространеніе монастыря — Перенесеніе мощей Преподобнаго Савватія. — Обиды прибрежныхъ жителей. — Путешествіе Зосимы въ Новгородъ. — Пророчество и видѣніе — Предсмертныя бесѣды. — Назначеніе игумена. — Кончина. — Погребеніе. — Прославленіе.

пустя одинъ годъ по смерти Преподобнаго Савватія, продолжателемъ подвиговъ его на пустынномъ Соловецкомъ островѣ явился Преподобный Зосима. Если Преподобный Савватій былъ Соловецкимъ первоначальникомъ, первымъ инокомъ, пожившимъ на островѣ въ подвигахъ поста и молитвы, то Преподобнаго Зосиму должно признать основателемъ Соловецкой обители и первымъ благоустроителемъ ея.

Преподобный Зосима происходилъ изъ новгородской области, села Толвуя, близъ озера Онеги. Родители его, Гавріилъ и Варвара, воспитали своего сына въ благочестіи и добрыхъ нравахъ. Съ молодыхъ лѣтъ Зосима былъ смиренъ, тихъ и кротокъ и, научившись грамотѣ, особенно любилъ чтеніе божественныхъ книгъ. По достиженіи совершеннолѣтія, онъ не хотѣлъ вступити въ бракъ и, покоряясь тайному влеченію, ушелъ изъ родительскаго дома, надѣлъ черное платье и поселился въ одномъ пустынномъ мѣстѣ. Здѣсь Пр. Зосима, вдали отъ людей, какъ отшельникъ, предался молитвѣ, посту и богомыс-

лію. Скоро промысль Божій указавъ ему путь жизни. Познакомившись съ инокомъ Германомъ, жившимъ съ Преподобнымъ Савватіемъ на Соловецкомъ островѣ, Пр. Зосима слышалъ отъ него, какъ этотъ островъ, со своими лѣсами и озерами, пригоденъ для монашеской и пустынной жизни. Въ юномъ отшельникѣ появилось желаніе быть преемникомъ подвиговъ Преподобнаго Савватія, и онъ просилъ о. Германа проводить его на Соловки. Въ это время родители Пр. Зосимы умерли. Похоронивъ ихъ и раздавъ имѣніе ихъ бѣднымъ, о. Зосима съ Германомъ отправился къ Соловецкому острову. Путешествіе ихъ было благополучно, и они пристали къ острову, близъ прѣсноводнаго озера. Здѣсь, поставивъ себѣ изъ древесныхъ вѣтвей куцу, пустынники совершили всенощное бдѣніе, моля Господа благословить намѣреніе ихъ. Господь утѣшилъ ихъ пророчесственнымъ видѣніемъ: утромъ Преподобный Зосима, выйдя изъ куцы, увидѣлъ необыкновенный свѣтъ, осіявающій всю окрестность, и на востокѣ, на воздухѣ, прекрасную и великую церковь. Удивленный этимъ видѣніемъ, пустынникъ поспѣшилъ въ куцу. О. Германъ, замѣтивъ переменѣу въ лицѣ своего сожителя, спросилъ его, не видѣлъ ли онъ чего-либо необыкновеннаго? Пр. Зосима разсказалъ ему все, что видѣлъ. При этомъ о. Германъ, вспомнивъ о чудесномъ прогнаніи мірянъ съ острова еще при Савватіи и о пророчествѣ, что здѣсь будутъ жить иноки, сказалъ Пр. Зосиму: «не ужасайся и будь внимателенъ; мнѣ кажется, что чрезъ тебя Господь собереть множество монаховъ». Разсказъ о. Германа о событіи при Савватіи утѣшилъ Пр. Зосиму, и они рѣшились строить монастырь. Помолвившись Богу, пустынники принялись рубить лѣсъ для построекъ, поставили ограду и кельи. Своими руками они добывали себѣ пропитаніе, воздѣлывая и засѣвая землю. Но эти тѣлесные труды несколько не ослабляли молитвенныхъ подвиговъ ихъ.

Впрочемъ, пустынники должны были перенести много испытаній, прежде чѣмъ увидѣли свою обитель населенною инокami. О. Германъ отправился на приморскій берегъ и замедлилъ тамъ нѣкоторое время. Когда онъ хотѣлъ отплыть на

островъ, то уже не могъ слѣдовать туда, по причинѣ бурной осенней погоды; ужасный вѣтеръ поднялъ въ морѣ сильное волненіе и нагналъ множество льду, такъ что всякое сообщеніе съ Соловецкимъ островомъ было пресѣчено. Такимъ образомъ о. Германъ зазимовалъ на берегу, а . р. Зосима одинъ остался на островѣ. Одному Богу, вѣдущему сокровенное и тайное, извѣстны труды и подвиги, понесенные Преподобнымъ Засимою въ эту зиму. Его укрѣпляла непоколебимая надежда на Бога, къ Которому онъ былъ приверженъ «отъ ложеши, отъ чрева матере» своея (Псал. 70, 6). Много онъ принялъ искушеній и отъ ненавистника всякаго добра-духа злаго, который старался устранить его различными привидѣніями. Мужественный воинъ Христовъ ограждался крестомъ и молитвою, какъ непреодолимымъ оружіемъ, и усилія вражьи оставались тщетными.

Къ духовной брани присоединились заботы о пропитаніи въ мѣстѣ, столь отдаленномъ отъ человѣческихъ жилищъ. Зима была продолжительная и суровая; припасы, заготовленные лѣтомъ, истощились. Преподобный недоумѣвалъ, чѣмъ ему прокормиться до лѣта; отъ времени до времени смущала его мысль—умереть голодною смертію. О. Зосима не поддавался унынію и утѣшался упованіемъ на промыслъ Божій, столько разъ уже благодѣявшій ему. Скоро Господь помогъ Своему подвижнику. Къ Зосимѣ пришли два незнакомца и вручили ему запасъ хлѣба, муки и масла, говоря: «возьми, отецъ, и употребляй, а мы, если Господь повелитъ, придемъ къ тебѣ». Преподобный въ изумленіи не спросилъ, откуда они, а незнакомцы ушли и болѣе не возвращались. Ясно было, что это посѣщеніе Божіе, и что промыслъ Божій хранилъ своего избранника.

По окончаніи зимы, Германъ приплылъ съ рыбакомъ Маркомъ, пожелавшимъ раздѣлить съ Преподобными уединеніе, а также привезъ достаточное количество нищи и мрежи для рыбной ловли. Вскорѣ Маркъ принялъ монашеское постриженіе и былъ первымъ ученикомъ Преподобныхъ. Примѣру его послѣдовали многіе прибрежные жители, которые, приплывая на

островъ, строили себѣ кельи подлѣ келій Пр. Зосимы и Германа, и снискивали пропитаніе трудами рукъ своихъ. Преподобный Зосима, видя умноженіе учениковъ, построилъ небольшую дѣревянную церковь въ честь Преображенія Господня, на томъ мѣстѣ, гдѣ было ему пророчесственное видѣніе храма въ воздухѣ; къ церкви придѣлалъ небольшую трапезу и открылъ общежитіе. Такимъ образомъ основалась Соловецкая обитель, до нынѣ сохраняемая милостію Божіею, не смотря на всѣ пережитыя ею испытанія.

Устроивъ монастырь, Пр. Зосима послалъ одного инока въ Новгородъ, къ архіепископу Іонѣ, съ просьбою о назначеніи игумена и за благословеніемъ на освященіе храма. Архіепископъ опредѣлилъ Соловецкимъ игуменомъ іеромонаха Павла, который, по прибытіи въ Соловки, освятилъ церковь Преображенія Господня. Но этотъ игуменъ, не вынося трудностей пустынной жизни, скоро возвратился въ Новгородъ. То же случилось и съ преемникомъ его—игуменомъ Теодосіемъ. Тогда братія Соловецкаго монастыря положили на общемъ совѣтѣ—не брать себѣ игуменовъ изъ другихъ монастырей, а избирать изъ среды своей. Приводя въ исполненіе свое рѣшеніе, они отправили къ новгородскому архіепископу посланныхъ, съ просьбою, чтобы онъ призвалъ отца ихъ—Зосиму и рукоположилъ его въ священство и игуменство, хотя бы и не безъ сопротивленія со стороны смиреннаго старца. Архіерей такъ и сдѣлалъ: вызвавъ къ себѣ письмомъ Преподобнаго, убѣдилъ его принять священство и игуменство. Получивъ для своей обители богатая жертвы гражданъ, состоящія изъ денегъ, одеждъ, сосудовъ, съѣстныхъ припасовъ, Преподобный съ честью былъ отпущенъ владыкою въ Соловки. Съ радостію братія привѣтствовали возвращеніе своего уважаемаго и любимаго настоятеля. Знаменіе благодати Божіей еще болѣе усилило общее почтеніе къ Препод. игумену. Когда онъ совершалъ въ своей обители первую литургію, то лицо его свѣтилось, какъ лицо ангела, и церковь исполнилась особеннаго благовопія. Преподобный, по окончаніи богослуженія, благословилъ просфорю пѣкоторыхъ купцовъ, бывшихъ въ то время въ обители,

а они, выйдя изъ церкви, по неосторожности, обронили ее. Проходя мимо, инокъ Макарій замѣтилъ еса, который старался схватить что-то и не могъ, по причинѣ поднимавшагося пламени. Приблизившись, Макарій увидѣлъ, что это просфора, потерянная купцами. Поднявъ ее, инокъ припесъ къ Преподобному игумену и, къ немалому удивленію всѣхъ, разсказалъ свое видѣніе.

Съ умноженіемъ братій, прежняя деревянная церковь оказалась тѣсною. Пр. Восима построилъ новую, большихъ размѣровъ, въ честь Успенія Божіей Матери, а также поставилъ много келій и распространилъ монастырь. Кроме того, въ благословеніе увеличивающейся обители своей, онъ рѣшился перенести мощи Преподобнаго Савватія, скончавшагося на рѣкѣ Выгѣ и погребеннаго при тамошней часовнѣ. Въ этомъ намѣреніи Преподобный окончательнo утвердился посланіемъ иноковъ Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря. «Мы слышали—писали иноки—отъ пришельцевъ изъ вальной страны о Соловецкомъ островѣ, что онъ надревле былъ необитаемъ, по причинѣ неудобства морскаго пути, а теперь на этомъ островѣ, по волѣ Божіей и ходатайству Пресвятой Богородицы, вашимъ стараніемъ сооруженъ монастырь честнаго Преображенія Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, собралось множество братій и все устроилось прекрасно. Только вы лишены одного блага,—именно забыть вами Препод. Савватій, прежде васъ жившій на этомъ мѣстѣ, скончавшійся въ постѣ и трудѣ, — подобно древнимъ преподобнымъ отцамъ, — совершенный въ добродѣтели. Онъ всею душею возлюбилъ Христа, удалился отъ міра и получилъ блаженную кончину. Нѣкоторые иноки нашего монастыря, будучи въ Новгородѣ, слышали повѣствованіе боголюбиваго Іоанна, какъ онъ на рѣкѣ Выгѣ сподобился видѣть Преподобнаго Савватія и получилъ отъ него духовное наставленіе, и, по кончинѣ, похоронилъ его съ игуменомъ Паонаиломъ. Разсказалъ Іоаннъ нашимъ братіямъ, какъ Богъ, по молитвамъ Преподобнаго Савватія, чудесно сохранилъ его съ братомъ Теодоромъ отъ потопленія въ морѣ. Мы слышали, что у гроба его совершились и другія знаменія

и чудеса. Онъ угодникъ Божій, и мы свидѣтели добродѣтельной жизни его, потому что этотъ блаженный отецъ довольно пожилъ съ нами въ Кирилловскомъ монастырѣ. По этому мы даемъ вамъ духовный совѣтъ,—не лишайтесь такого дара, поспѣшите перенести къ себѣ Преподобнаго и блаженнаго Савватія, чтобы мощи его находились тамъ, гдѣ онъ потрудился много лѣтъ». / Такое посланіе, какъ пелъся болѣе, согласовалось съ желаніемъ самого Препод. Зосимы и Соловецкой братіи. Приготовивъ корабль, они отправились съ попутнымъ вѣтромъ на поморское побережье. Достигнувъ рѣки Выги и откопавъ гробъ Препод. Савватія, они нашли мощи нетлѣнными, невредимою и самую одежду,—въ воздухѣ разлилось необычайное благоуханіе. Съ лѣніемъ священныхъ иконъ, Соловецкіе иконы перенесли св. раку на корабль и съ попутнымъ вѣтромъ благополучно достигли своей обители. Первоначально честныя Мощи были положены въ землѣ, за алтаремъ Успенскаго собора, и надъ ними устроена часовня. Многіе болящіе, приходи сюда съ вѣрою, получали исцѣленіе по молитвамъ Преподобнаго. Самъ о. Зосима каждую ночь горячо молился въ этой часовнѣ, и часто утренняя заря вставала его на молитвѣ. Купецъ Іоаннъ, бывший при погребеніи Савватія, и съ братомъ своимъ Осодоромъ, имѣя къ нему особенную любовь, написавъ образъ Преподобнаго и съ щедрымъ подаяніемъ вручилъ его игумену Зосимѣ. Съ благоговѣніемъ, принявъ и лобызавъ изображеніе первоначальника Соловецкаго, о. Зосима поставилъ его въ надгробной часовнѣ и обратился къ Преподобному съ слѣдующими словами: «хотя ты и окончилъ временную жизнь тѣломъ, но не отступай отъ насъ духомъ, руководи насъ ко Христу Богу, наставляя соблюдать заповѣди Господни, носить крестъ свой и послѣдовать нашему Владыкѣ. Имѣя дерзновение ко Христу и Пречистой Богородицѣ, будь молитвенникомъ и ходатаемъ о насъ недостойныхъ, живущихъ въ этой обители, которою ты начальствуешь; будь помощникомъ и заступникомъ предъ Богомъ нашему братству, чтобы мы, по твоимъ молитвамъ, пребыли невредимыми

отъ злыхъ духовъ и людей, прославляя св. Троицу, Отца, Сына и св. Духа»}

Поселеніе иноковъ на пустынномъ островѣ, основаніе и распространеніе Соловецкой обители возбудили зависть корыстолюбивыхъ и недоброжелательныхъ людей. Многіе изъ Корельскихъ жителей, а также поселенцевъ боярскихъ и служителей вельможныхъ господъ, приплывали къ острову, ловили въ озерахъ рыбу, а монастырю ловить не позволяли, называя себя хозяевами и владѣльцами Соловецкихъ острововъ. Въ жару спора они обижали Препод. Зосиму и всѣхъ иноковъ досадными словами и дѣлали имъ всякія неспріятности; даже грозили разорить обитель и выгнать оттуда монаховъ. Преподобный игуменъ рѣшился отправиться къ новгородскому архіепископу Феофилу и просить у него помощи и защиты. Прибывъ въ Новгородъ, Пр. Зосима былъ благосклонно принятъ архіепископомъ, который совѣтовалъ ему изложить свои нужды предъ главными боярами, управлявшими городомъ. Препод. Зосима обошелъ ихъ дома и просилъ не допустить обители своей до разоренія: всѣ знатные люди обѣщали ему свою помощь. Но между всѣми новгородскими боярами въ то время отличалась богатствомъ и вліяніемъ на дѣла Марѳа Борецкая: ея то поселенцы и рабы особенно часто причиняли разныя обиды Соловецкому монастырю. Заслышавъ о Соловецкомъ игуменѣ и предубѣжденная противъ него лгаворами своихъ домашнихъ, она повелѣла съ безчестіемъ отогнать его отъ своего дома. Съ терпѣніемъ и кротостію принялъ Препод. Зосима это безчестіе и пророчески сказалъ своимъ ученикамъ: «настанетъ время, когда жители этого дома не будутъ ходить по своему двору; двери дома затворятся и уже не отворятся: этотъ дворъ опустѣетъ». Видя доброе расположеніе бояръ къ Соловецкой обители, архіепископъ созвалъ ихъ къ себѣ, вновь изложилъ имъ обиды монастырю отъ приплывшихъ людей и убѣдилъ помочь монастырю. Игуменъ получилъ отъ dobroхотныхъ дателей много пожертвованій на нужды обители церковными сосудами, св.

одеждами, золотомъ, серебромъ, хлѣбомъ. Скоро и сама Марѳа раскаялась, что оскорбила Преподобнаго и желая загладить причипенную ему обиду, пригласила его къ себѣ на обѣдъ. О. Зосима, по своему незлобію, принялъ это приглашеніе, и когда вошелъ въ домъ боярыни, то былъ съ честію встрѣченъ самою хозяйкою и всѣмъ семействомъ ся и посаженъ на почетномъ мѣстѣ. Всѣ ѣли и пили съ знаками живѣйшаго удовольствія, а Преподобный сидѣлъ молча и, по обыкновенію, мало вкушалъ отъ предлагаемой пищи. Взглянувъ на гостей, онъ въ изумленіи опустилъ глаза; взглянувъ въ другой и третій разъ, онъ видѣлъ то же самое, именно: шесть главѣйшихъ бояръ сидящими безъ головъ. Понявъ, что означаетъ это видѣніе, Преподобный вздохнулъ и прослезился, и уже не могъ вкушать ничего изъ снѣдодъ, какъ ни просили его собесѣдники. Послѣ обѣда Марѳа, испросивъ у Пр. Зосимы прощеніе за прежнее оскорбленіе, дала монастырю во владѣніе землю, утвердивъ это пожертвованіе грамотою. Когда Преподобный вышелъ изъ дома ея, то ученикъ его, Даніилъ, спрашивалъ его о причинѣ скорби и слезъ во время обѣда; о. Зосима объяснилъ ему свое видѣніе, замѣтивъ, что эти шесть бояръ будутъ со временемъ обезглавлены, и просилъ никому не говорить объ этомъ. Немного спустя по возвращеніи Преподобнаго въ обитель, исполнилось и пророчество его о запустѣніи дома Борецкой, и видѣніе во время обѣда. Смиривъ Новгородъ силою оружія, великій князь Іоаннъ III повелѣлъ казнить тѣхъ шесть бояръ, которыхъ Преподобный Зосима видѣлъ обезглавленными, а Марѳу Борецкую отправить въ ссылку. Имѣніе ея было разграблено, домъ и дворъ запустѣли.

Преподобный Зосима, достигнувъ маститой старости и предчувствуя приближеніе кончины, сталъ приготовляться къ переходу въ вѣчность. Онъ устроилъ себѣ гробъ и часто со слезами смотрѣлъ на него, памятуя свою смерть. Когда постигла его болѣзнь, то, призвавъ братію, говорилъ имъ: «вотъ я отхожу изъ этой временной жизни, а васъ предаю всемілостивому Богу и Пречистой Богородицѣ; скажите, кого желаете

имѣть игуменомъ вмѣсто меня?" При этомъ случаѣ выравилась общая любовь учениковъ къ своему учителю. Все со слезами говорили умирающему игумену своему: «мы хотѣли бы, отецъ нашъ, съ тобою быть погребенными, но это не во власти нашихъ; пусть же Тотъ, Кто возвѣстия тебѣ отпѣстіе изъ этой жизни, Христосъ Богъ нашъ, пусть Онъ дастъ намъ чрезъ тебя наставника, который управлялъ бы нами ко спасенію; да почіютъ надъ нами благословеніе и молитвы твои,—позаботившись о насъ въ этой жизни, не оставяи насъ сиротами по отпѣстіи твоемъ къ Богу». Преподобный отвѣчалъ: «я сказалъ вамъ, дѣти, что предаю васъ въ руки Господа и Пречистой Богородицы, а такъ какъ вы относительно игумена возложили свое упованіе на Бога, Пречистую Богоматерь и мое смиреніе, то дабудетъ вамъ игуменомъ Арсеній,—онъ способенъ къ управленію монастыремъ и братіею»,—этими словами Препод. Зосима вручилъ игуменство благочестивому иноку Арсенію. «Вотъ я поставлю тебя, братъ, строителемъ и управителемъ св. обители этой, и всей братіи, собранной любовію къ Богу. Берегись, чтобы не утратилось что либо изъ монастырскихъ законоположеній, какъ то: относительно соборной церковной службы, ястія и питія въ трапезѣ, и другихъ монастырскихъ обычаевъ, уставленныхъ мною; пусть все это будетъ цѣлымъ и ненарушимымъ. Господь да направитъ стопы ваши къ дѣланію заповѣдей Своихъ, молитвами пречистой госпожи Владычицы нашей Дѣвы Богородицы и всехъ святыхъ, а также и угодника своего Препод. Савватія. Господь нашъ Іисусъ Христосъ да защититъ васъ отъ всехъ пражескихъ навітовъ и утвердитъ въ божественной любви. И, хотя и разлучаюсь отъ васъ тѣломъ, отдавая долгъ природѣ, но духомъ пребуду съ вами неотступно. Вы узнаете, что я обрѣлъ благодать предъ Богомъ, когда, по моемъ отпѣстіи, обитель распространится, соберется множество братіи, это мѣсто процвѣтетъ духовно, и въ тѣлесныхъ потребностяхъ небудетъ имѣть скудости». Сказавъ все это братіи, онъ цѣловалъ ихъ въ послѣдній разъ, всехъ благословилъ, съ воздвигніемъ рукъ молился о монастырѣ, своей духовной паствѣ и о себѣ; наконецъ пере-

крестился и произнесъ: «миръ вамъ!» Послѣ этого, поднявъ потухающіе глаза вверхъ, проговорилъ: „Владыко Человѣколюбче, сподоби меня стать одесную Тебя, когда Ты придешь во славу судить живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ“! Затѣмъ Преподобный Зосима легъ на одръ и продалъ душу свою Господу, для Котораго трудился всю свою жизнь. Это было 18 апрѣля 1478 г. Совершивъ отпѣваніе, иноки похоронили своего игумена въ гробѣ, который онъ самъ приготовилъ, за алтаремъ Преображенскаго собора, а въ послѣдствіи устроили надъ его могилою часовню, въ которой поставили св. иконы. Всѣ вѣрующіе, притекая сюда съ молитвою, получали, по молитвамъ Преподобнаго, облегченіе скорби и исцѣленіе болезней. Московскій соборъ, бывшій при митрополитѣ Макаріѣ въ 1547 году, положилъ, на ряду съ другими отечественными святыми, совершать память Преподобнаго Зосимы въ день его кончины 17 апрѣля. 8 августа 1566 года св. Мощи его, вмѣстѣ съ мощами Преп. Савватія, перенесены въ придѣлъ, устроенный въ честь сихъ Чудотворцевъ. Въ настоящее время мощи Преподобнаго Зосимы находятся, въ богато украшенной ракѣ, въ Зосимо-Савватіевской церкви.

ПРЕПОДОБНЫЙ ГЕРМАНЪ, СОЛОВЕЦКІЙ ЧЕЛТОВЕРЕЦЪ.

Происхожденіе. — Простота и благочестіе. — Посѣщеніе Соловецкаго острова. — Жизнь на рѣкѣ Выгѣ при часовнѣ. — Встрѣча съ Преподобнымъ Савватіемъ. — Пробываніе на Соловецкомъ островѣ съ Преподобными Савватіемъ и Зосимомъ. — Труды для обители. — Кончина. — Перенесеніе св. мощей въ обитель. — Личеніе Преподобнаго.

Препод. Германъ былъ родомъ изъ города Тотмы. Родители его были люди простые и благочестивые, по чему Германъ въ юности своей не былъ наученъ даже и начаткамъ образованія и на всю жизнь остался неграмотнымъ; но умъ и сердце его безъ школы и книгъ были воспитаны въ строгихъ правилахъ христіанской нравственности и благочестія. Съ юныхъ лѣтъ, стремясь къ Богоугодію и спасенію, онъ, по достиженіи зрѣлаго возраста, посвятилъ себя всецѣло на служеніе Богу въ иноческой жизни. Молва о чрезвычайномъ удобствѣ Соловецкаго острова для пустыннаго подвижничества привлекла его на Вѣломорскій берегъ, и съ рыболовами лѣтомъ, вѣроятно 1428 года, онъ посѣтилъ мѣсто своихъ будущихъ подвиговъ. Хотя Соловецкій островъ исполнѣнъ соотвѣтствовалъ влеченіямъ его души и представлялся ему совершенно удобнымъ для глубокаго безмолвія, однакоже онъ не рѣшился остаться тамъ на жительство одинъ. По окончаніи лѣта, Германъ возвратился съ рыболовами на Поморскій берегъ и, поселившись на рѣкѣ Выгѣ при часовнѣ, подвизался въ молитвѣ и постѣ.

Но, узнавъ и полюбивъ Соловецкій островъ, Препод. Германъ сдѣлался проводникомъ и сожителемъ первымъ обителямъ его — Преподобнымъ Савватію и Зосимъ. Удалившись изъ Валаамскаго монастыря и отыскивая болѣе уединенное мѣсто, шлокъ Савватій, объятый огнемъ божественной любви

и смиренномудрія, устремился къ Бѣлому морю, съ непреодолимымъ желаніемъ достигнуть Соловецкаго острова. На рѣкѣ Выгѣ онъ встрѣтился съ Препод. Германомъ, отъ котораго еще болѣе услышалъ объ удобствѣ Соловецкаго острова для пустынножительства. Заготовивъ ладью, съѣстные припасы и орудія для воздѣлыванія земли, ипоки поплыли на островъ и поселились въ кельѣ съ верету отъ берега. Здѣсь они были утѣшены особеннымъ знаменіемъ, предвѣщавшимъ будущее предназначеніе острова. На островѣ поселился рыбакъ съ женою. Въ одинъ воскресный день, рано утромъ, Препод. Савватій услышалъ плачь и стоны, и когда Препод. Германъ пошелъ къ мѣсту, откуда они слышались, то увидѣлъ женщину въ слезахъ, которая и рассказала ему, что два свѣтлые юнны били ее, повелѣвая оставить островъ, опредѣленный, по волѣ Божіей, для жительства иноковъ. Послѣ этого рыбакъ съ женою отплылъ съ острова.

Нѣсколько лѣтъ продолжалось это пустынное сожителство Преподобныхъ Германа и Савватія. Оно кончилось вмѣстѣ съ смертію Преп. Савватія, которая случилась въ отсутствіе Преп. Германа на рѣку Онегу за припасами, и случилась не на островѣ, а на рѣкѣ Выгѣ, куда Препод. Савватій приплылъ, въ предчувствіи кончины, для причащенія св. Таинъ. По смерти Препод. Савватія, Германъ нашелъ другаго ревнителя пустынной жизни въ юномъ отшельникѣ Зосимѣ, котораго ялѣнилъ своимъ повѣствованіемъ о Соловецкомъ островѣ. Пустынники прибыли въ 1436 году на островъ и поселились близъ прѣсповоднаго озера. Препод. Зосима поставилъ себѣ келью, а въ полверстѣ отъ него Германъ устроилъ для себя куцу. Съ этого времени Препод. Германъ дѣлается постояннымъ обитателемъ острова, участникомъ молитвенныхъ подвиговъ Препод. Зосимы и ревностнымъ помощникомъ его въ основаніи монастыря. Будучи человекомъ не книжнымъ, но убѣжденный въ томъ, что жизнь великихъ подвижниковъ весьма назидательна, Германъ впослѣдствіи велѣлъ записать клирикамъ для памяти все, что онъ видѣлъ при жизни Препод. Савватія, о пришествіи своемъ съ нимъ на островъ и о разныхъ событіяхъ изъ

жизни блаженныхъ отцевъ. Такихъ записокъ составилось немало: ими воспользовался ученикъ Препод. Германа, Досносей, при составленіи житія Преподобныхъ Зосимы и Савватія.

Болѣе 50 лѣтъ Препод. Германъ прожилъ на холодномъ островѣ, стараясь, какъ можно болѣе, быть полезнымъ для обители. И при жизни Препод. Зосимы, и по смерти его, онъ по нуждамъ монастыря не разъ путешествовалъ на твердую землю. Святая любовь не взидала ни на опасности плаванія по обманчивому морю, ни на другія неудобства пути, нелегкія особенно для дряхлой старости. Самая смерть застигла его на службѣ обители. При игуменѣ Арсеніѣ, преемникѣ св. Зосимы, Препод. Германъ, бывъ посланъ въ Новгородъ по дѣламъ монастыря, въ обители св. Антонія Римлянина почувствовалъ близость кончины и, послѣ исповѣди и причащенія св. Таинъ, мирно предалъ духъ свой Богу. Ученики его возли тѣло почившаго въ Соловецкій монастырь, но за распутицею оставили его на берегу рѣки Свири у часовни деревни Хавроушиной. Чрезъ пять лѣтъ, при игуменѣ Исаіи, братія рѣшились перевезти гробъ Препод. Германа въ Соловецкую обитель. Посланные, откопавъ въ землѣ и открывъ гробъ его, нашли мощи нетлѣнными. Гробъ, встрѣченный въ обители съ великою честію, сначала былъ поставленъ близъ алтара, по правую сторону церкви св. Николая, рядомъ съ мощами Преп. Савватія; потомъ надъ мѣстомъ погребенія Препод. Германа устроена часовня, а въ 1860 году каменная церковь во имя его.

Преданіе сохранило память о явленіи Препод. Германа пресвитеру Григорію на старой Тотмѣ; почему въ 1602 году этимъ пресвитеромъ былъ составленъ древній тропарь Преподобному и написанъ образъ, гдѣ Преподобный представленъ вмѣстѣ съ св. Зосимою и Савватіемъ. Притекавшіе къ сей иконѣ получали исцѣленія въ тяжкихъ болѣзняхъ. Церковная память Препод. Германа, съ 1692 года, совершается мѣстно въ Соловецкой обители 30-го іюля, по благословенной грамотѣ московскаго и всея Россіи патріарха Іоакима.

ПРЕПОДОБНЫЙ ЕЛИСЕЙ СКАНСКИЙ.

Время жизни.—Скудость свѣдѣній.—Волѣзнь.—Схима.—Искушеніе.—Вуря.—Прибытіе въ Суму.—Кончина.—Свидѣтельствовапіе гроба.—Могила Преподобнаго.

реподобный. Елисей жилъ и подвизался въ Соловецкой обители во времена близкія къ Преподобному Зосимѣ и, быть можетъ, былъ его сподвижникомъ, если время земныхъ его подвиговъ въ обители продолжалось довольно долго, ибо о совершившемся надъ Елисеемъ чудѣ Преподобнаго Зосимы повѣствуетъ игуменъ Вассіанъ, настоятельствовавшій въ обители спустя не болѣе 40 лѣтъ послѣ кончины Преподобнаго Зосимы, и повѣствуетъ какъ о давно бывшемъ и слышанномъ имъ отъ древняго старца, бывшаго сотрудникомъ Елисея по послушанію. Изъ жизни Елисея только и извѣстенъ одинъ предсмертный его подвигъ, въ которомъ ясно выразились великое благочестіе старца и помощь горяча, осѣнившая его по заступленію Пр. Зосимы.

Четыре брата, Елисей, Данилъ, Филаретъ и Савватій, по благословенію своего настоятеля, трудились въ рыбной ловлѣ на рѣкѣ Выгѣ у порога Золотца, въ 60 верстахъ отъ монастыря. Въ одинъ день, когда всѣ они исправляли рыболовныя сѣти, Данилъ, по откровенію ли Божію, или по какимъ либо виѣшнимъ признакамъ, вдругъ началъ говорить Елисею: „напрасно, братъ, ты трудишься въ исправленіи этихъ сѣтей: не будешь ловить ими рыбу; къ тебѣ приближилась смерть и

ловля твоя окончилась". Отъ этихъ словъ ужасъ и страхъ объяли Елисея; онъ началъ скорбѣть и тужить, не потому чтобы боялся смерти, а отъ того, что не былъ еще постриженъ въ великій ангельскій образъ (схиму), на мѣстѣ же томъ не было священнопока, который бы совершилъ постриженіе *). Уныніе возрасло въ душѣ старца до изнomoженія тѣлесныхъ силъ. Сердобольные братія утѣшали его, убѣждая положиться на волю Божию, Который всюду и всѣхъ назираетъ всевидящимъ окомъ, видитъ и ихъ нужду и силенъ исполнить всякое желаніе, когда призываютъ Его отъ всей души и чистымъ сердцемъ. Въ заключеніе, видя въ старцѣ умножающіеся скорби и болѣзни тѣла, предложили ему, чтобъ онъ, ставъ предъ невидимое присутствіе Божіе и прочитавъ „Достойно есть“, съ крестнымъ знаменіемъ, самъ возложилъ на себя схиму, призывая въ помощь и содѣйствіе молитвы и благословеніе Преп. Зосимы и Савватія. Совѣтъ былъ принятъ и исполненъ. Настала ночь; больной положенъ былъ въ постель; упокоились подлѣ него и утомленные сотрудники, но когда они встали отъ краткаго сна, то больного уже не было съ ними въ кельѣ. Обратились къ поискамъ и нашли его идущимъ къ нимъ на встрѣчу изъ лѣса и бовъ схимы. На вопросъ о случившемся, онъ объявилъ: „множество бѣсовъ пришли къ намъ въ келью, напали на меня съ яростію, силою увлекли отъ васъ, сорвали съ меня схиму, но Преп. Зосима отъялъ меня у нихъ“. Схима была найдена заброшенною на деревѣ. Стар-

---

*) Печаль и заботливость старца о постриженіи въ схиму весьма понятельны. На Афонѣ и нынѣ принимаютъ всѣ схиму; въ прежнее время было такъ и у насъ. Побужденіе къ сему заключается въ ученіи Отцевъ Церкви. Св. Симеонъ Оссалоуитскій пишетъ: «предъ смертію иже не совершилъ есть схимы; да совершится, да несовершенъ бовъ совершеннѣйшаго совершенія отидеть. Суть бо мнози не радиліе о семъ, яко же и прежде ко крещенію закосивавшіи. Но яко не крестившіи по христіанинѣ, еще и по имѣи схимы не монахи. Тѣмъ же не достигнувши бити монахъ, къ концу своему да будетъ. Величайшій бо есть даръ: царская печать, второе крещеніе, отъ грѣховъ очищаетъ, дары подаютъ, благодатію вооружаетъ, изъымаетъ отъ враговъ. Царю предстаетъ, любящихъ Тому устрояетъ. (Сим. Ос. гл. 360, по рукописи).

цы рѣшились во чтобы то ни стало везти Елисея въ Суму (60 верстъ), гдѣ при монастырскомъ подворьѣ находился іеромонахъ. Положили болящаго въ судно и пустились внизъ по рѣкѣ Выгѣ. Эта рѣка весьма неудобна къ плаванію по сильной быстротѣ и множеству подводныхъ каменныхъ пороговъ; старцы часто приходили въ смятеніе отъ опасностей, но болящій ободрялъ ихъ, говоря: „не бойтесь, здѣсь съ нами отецъ нашъ Зосима“. Безъ вреда проплыли они опасную рѣку, вышли въ море и достигли пристанища въ рѣкѣ Вирмѣ. Большой между тѣмъ болѣе и болѣе изнемогалъ отъ болѣзни и не преставаъ сокрушаться о лишеніи снѣды. Опять настала ночь; на Вирмѣ старцы перемѣнили судно, взяли въ помощь себѣ нѣсколько наемниковъ для ускоренія плаванія. Когда они находились на среднѣхъ Сумской губы, возсталъ великая буря; волны подобились горамъ, на суднѣ разорвался парусъ, сломилась мачта, весла выбило волнами изъ рукъ гребцовъ; къ тому же палагала такая тьма, что плаватели едва видѣли другъ друга. Всѣ были въ отчаяніи, наемники роптали и укоряли иноковъ; но болящій не малодушествовалъ и его успокоивало дивное видѣніе изъ иного міра. „Не бойтесь и не скорбите, братія, говоритъ онъ сплавателямъ, едина дыша отъ изнеможенія; я вижу нашего отца Зосиму съ нами въ суднѣ,—онъ поможетъ намъ; все это случилось съ нами по дѣйству діавола, желающаго погубить мою душу, но Богъ, по молитвамъ Преп. Зосимы, истребитъ сопостата“. Векоръ за тѣмъ вѣтеръ мало по малу началъ утихать, волны улеглись, на морѣ водворилась тишина; плаватели очутились близъ сумскаго пристанища, котораго не надѣялись видѣть, отдавшись на волю волнамъ, во тѣмъ почной, безъ паруса и веселъ. Приставъ къ берегу, старцы съ ужасомъ увидѣли, что болящій скончался, и радость ихъ мгновенно превратилась въ плачь. Съ горькими слезами они зывали къ Преп. Зосимѣ: „Преподобный Отецъ нашъ, надѣясь на твои молитвы, какой мы вынесли трудъ, какую вытерпѣли въ морѣ бѣду,—и вотъ теперь все это напрасно: что надѣялись получить не получили!“ Но, спустя немного време-

ни, въ мертвомъ обнаружилось движеніе, отворились его уста и онъ началъ говорить здраво и смысленно. Взятый на подворье, онъ былъ постриженъ въ великій ангельскій образъ и сподобился причаститься Божественныхъ Таинъ тѣла и крови Христовыхъ; затѣмъ, прославивъ Бога и простившись со всѣми, опять почилъ о Господѣ. Тѣло его погребено было за алтаремъ церкви Святителя Николая съ южной стороны. Проходили годы; многими было забыто и имя его. Спустя болѣе столѣтія, вниманіе къ почившему возбуждено было тѣмъ, что гробъ его обнаружился на поверхности земли—и вскорѣ послѣдовали явленія Преподобнаго и исцѣленія отъ него болящихъ. Для удостовѣренія въ дѣйствительности всего происходившаго въ 1668 году былъ посланъ въ сумскій острогъ царскій стольникъ Александръ Севастьяновичъ Хитрово, который по изслѣдованіи поставилъ надъ гробомъ Преподобнаго небольшую часовню. Второе изслѣдованіе о Преподобномъ Елисеѣ происходило въ 1710 году, по указу архіепископа холмогорскаго Рифаила, при Соловецкомъ архимандритѣ Оиреѣ.

Въ настоящее время могила Преподобнаго Елисея находится подъ алтаремъ новой деревянной церкви; надъ могилой поставлена новая деревянная рака съ изображеніемъ на верхней доскѣ лика Преподобнаго. Служать ему молебны, по также и панихиды, когда богомольцы съ именемъ Преподобнаго желаютъ помянуть своихъ преставленныхъ сродниковъ. Послѣ каждой литургіи сумяне долгомъ почитаютъ сходить на поклоненіе Преподобному въ его часовнѣ; равнымъ образомъ, отправляясь на море для звѣринныхъ промысловъ, у него же испрашиваютъ въ отсутствіе благословенія и молитвъ. Явленія и исцѣленія совершаются и понынѣ съ вѣрою приходящимъ. Память Преподобнаго Елисея совершается мѣстною мѣсяца іюня въ 14-й день.

БЛАЖЕННЫЙ АВОДОРИТЪ, ПРОСВѢТИТЕЛЬ ЛАПРЕЙ.

Происхожденіе. — Воспитаніе. — Постриженіе. — Іеродіаконство. — Посѣщеніе монастырей — Возвращеніе. — Пропоиѣдъ у лапарей. — Іеромонашество. — Игуменство. — Архимандритство. — Заточеніе. — Посѣщеніе Царсграда. — Кончина.

рожденецъ Ростова, Оеодоритъ ушелъ изъ дома своихъ родителей въ Соловецкій монастырь, и чрезъ годъ, 14-ти лѣтъ, принявъ постриженіе, былъ порученъ на послушаніе престарѣлому и весьма мудрому пресвитеру Зосимѣ *). Оеодоритъ прослужилъ неотходно при обители пятнадцать лѣтъ, и, наыкнувъ всякой духовной мудрости, укрѣпился въ подвигахъ добродѣтели. Тогда онъ былъ рукоположенъ новгородскимъ архіепископомъ въ іеродіакона, и, пробывъ одинъ годъ у своего старца, испросилъ у него дозволеніе посѣтить другіе монастыри. Прежде всего онъ направилъ свой путь къ Преподобному Александру Свирскому, который принялъ его любезно, назвавъ при встрѣчѣ по имени; потомъ, обойдя другіе монастыри, поселился въ Кирилло-Бѣлозерскомъ, гдѣ напелъ старца Сергія и другихъ святыхъ мужей. Пробывъ года два въ Кирилловской обители, онъ углубился въ пустыни, окру-

*) Вѣроятно, это былъ тотъ Зосима, о которомъ, около 1486 года, упоминается въ житіи Соловецкихъ угодниковъ: онъ жилъ на рѣкѣ Шуѣ и чрезъ него Преподобные Зосима и Савватій явили помощь своей погребшей обители.

жающія этотъ монастырь, и здѣсь нашелъ Порфирія, бывшаго (1521—1534) игумена Сергіева монастыря, Артемія, Іоасафа и другихъ пустынниковъ высокой жизни, уже состарѣвшихся въ иноческихъ подвигахъ. Теодоритъ, проживъ здѣсь около четырехъ лѣтъ, получилъ отъ своего Соловецкаго наставника письмо, въ которомъ онъ, предчувствуя кончину, призывалъ своего ученика къ себѣ. Ни отдаленность разстоянія, ни трудности пути не удержали Теодорита: онъ поспѣшилъ къ своему учителю, чтобы обнять многолѣтняго старца, обლობать его священныя сѣдины, и съ годъ служилъ ему въ его немощахъ и недугахъ, до блаженной его кончины. Послѣ этого Теодоритъ рѣшился принять на себя подвигъ апостольскій: онъ отправился на устье Колы, въ землю дикихъ Лопарей. Съ языкомъ ихъ онъ успѣлъ познакомиться въ Соловецкомъ монастырѣ, потому что, по свидѣтельству житія Преподобныхъ Зосимы и Савватія, многіе сосѣдніе инородцы: Ижора, Чудь, Лопье, Каяне и Мурмане приходили въ обитель Преподобныхъ и, принимая св. крещеніе, дѣлались монахами.

Лопари были самыя грубые идолопоклонники, кланялись истуканамъ, боготворили починыхъ петопырей, гадовъ и разныхъ пресмыкающихся, ѣли нечистое и скверное, не знали жизни городской и селеніями, а жили отдѣльными семьями. Но это были простыя сердца, на которыхъ сѣмя слова Божія могло принести добрые плоды. Теодоритъ перевелъ нѣкоторыя славянскія молитвы на языкъ Лопарей и обучилъ ихъ истинамъ вѣры. Помощникомъ ему въ христіанскомъ просвѣщеніи Лопарей былъ старецъ Митрофанъ *). Двадцать лѣтъ Теодоритъ трудился въ этомъ святомъ дѣлѣ. Въ Новгородѣ онъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха, нѣсколько времени былъ духовникомъ митрополита и, возвратившись къ Лопарямъ, основалъ тамъ монастырь, который, впрочемъ, принужденъ былъ вскорѣ оставить по неависти иноковъ, не желавшихъ строгихъ правилъ устава его. Между Лопарями онъ оставилъ уже двѣ

---

*) См. «Просвѣтителѣ Лопарей, архимандритѣ Теодоритѣ и св. Трифонѣ Печенгскій», Шестакова. Спб., 1868, стр. 23, 24, примѣч.

тысячи крещеныхъ. Удалившись въ новгородскую область, онъ около двухъ лѣтъ былъ игуменомъ одного монастыря, и потомъ, вызванный въ Москву, поставленъ архимандритомъ Суздальскаго Спасо-Евѣиміева монастыря. Ѳеодоритъ въ санѣ архимандрита 5 лѣтъ настоятельствовалъ въ Суздальской Спасо-Евѣиміевой обители (до 1554 года), но, по клеветѣ еретиковъ, единомышленныхъ съ Бакинымъ, старецъ-труженикъ подвергся двухлѣтнему заточенію въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Освобожденный изъ заточенія, онъ нѣсколько времени жилъ въ Ярославскомъ монастырѣ, откуда былъ вызванъ въ Москву и въ 1558 году отправленъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ въ Царьградъ съ вопросомъ къ патріарху о коронованіи. Возвратившись изъ Греціи, Ѳеодоритъ принесъ Царю отвѣтное посланіе патріарха, и за эту услугу ему была назначена награда, состоящая изъ 300 сребренниковъ и собольей шубы, крытой аксамитомъ (парчею). Но нелюбопытствующій Ѳеодоритъ пожелалъ принять только 25 сребренниковъ, и когда Царь прислалъ ему и шубу, то иннокъ продалъ шубу, деньги роздалъ бѣднымъ, а самъ удалился на покой въ Прилуцкій монастырь, вологодской губерніи. Отсюда онъ два раза посѣщалъ просвѣщенныхъ имъ Лопарей и, наконецъ, послѣ многотрудныхъ подвиговъ и скорбей, почилъ мирно сномъ смерти на мѣстѣ своего постриженія въ Соловецкомъ монастырѣ и погребенъ близъ южной стѣны Преображенскаго собора. Надъ могилой его доселѣ сохранилась бѣлая плита съ слѣдующею надписью: «Лѣта 7079 (1571) августа 17 дня преставися рабъ Божій священно-архимандритъ Суздальскій Евѣиміева монастыря, священно-иннокъ Ѳеодоритъ, Соловецкій постриженникъ». Церковь за подвижническую жизнь и просвѣтительскіе труды дала ему титуло Блаженнаго.

ПРОСЛАВЛЕННЫЙ ИГУМЕНЪ ФИЛИППЪ,

ВПОСЛѢДСТВІИ СВ. МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКІЙ И ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Происхожденіе. — Воспитаніе. — Служба при дворѣ 5 іюля 1537 г. — Удаленіе изъ Москвы. — Пробываніе въ Хижихъ. — Прибытіе въ Соловецкій монастырь. — Послушаніе. — Монашество. — Отшельничество. — Игуменство. — Улучшеніе монастырскаго хозяйства. — Постройки. — Сооруженіе Успенскаго собора. — Закладка Преображенскаго собора. — Управленіе волостями. — Примѣръ подлинничества. — Почеть отъ Царя. — Приглашеніе въ Москву. — Отъѣздъ. — Избраніе на митрополию. — Посвященіе. — Память о Соловецкой обители. — Беседа съ Царемъ. — Утѣшеніе скорбящихъ. — 21-е марта и 28-е іюня 1568 года. — Слѣдствіе. — Судъ 8-го ноября. — Последнее увѣщаніе Царю. — Заключеніе въ темницу. — Опалъ Козычевыхъ. — Заточеніе въ Отрочь-монастырь. — Предсмертная молитва. — Мученическая кончина. — Кара клеветниковъ. — Перенесеніе св. мощей въ Соловецкій монастырь. — Прославленіе. — Перенесеніе св. мощей въ Москву.

Въ Соловецкой обители духовно воспитался и принялъ иночество великій свѣтильникъ Россійской Церкви, украсившійся вѣнцемъ мученичества, св. Филиппъ, митрополитъ московскій. Въ этой обители онъ не только самъ навѣкъ духовнымъ подвигамъ, но много лѣтъ, какъ опытный и искусный, руководилъ и другихъ иноковъ на пути спасенія, въ санѣ игумена. Поэтому справедливо Соловецкій монастырь считаетъ его между своими подвижниками и съ особенною любовію прославляетъ имя его.

Этотъ великій мужъ Церкви происходилъ изъ знатнаго дома Козычевыхъ. Отецъ его, Стефанъ, былъ ближнимъ челоувѣкомъ великаго князя Василія Іоанновича, а мать, Варвара, отличалась благочестіемъ и нищелюбіемъ. 11 февраля 1507 года родился у нихъ первенецъ, названный Θεодоромъ. Съ чрезвычайною заботливостію родители воспитывали своего сына, и, какъ только онъ достигъ семилѣтняго возраста, ста-

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
И. П. А. Давыдов

ли учить его грамотѣ, по обычаю того времени, по церковнымъ книгамъ. Въ училищѣ, куда отрокъ былъ отданъ для „книжнаго ученія“, онъ особенно полюбилъ духовное чтеніе и въ раннихъ лѣтахъ выказывалъ особенное благочестіе.

По смерти великаго князя Василія Іоанновича, въ правленіе супруги его Елены, Феодоръ поступилъ на службу къ великокняжескому двору. Положеніе его было блестящее: прачительница ласкала его, а малолѣтній Іоаннъ IV считалъ его между своими приближенными. Но сердце Феодора не обольщалось славою и вѣнчаннымъ блескомъ, и не было привязано къ міру. 5-го іюля 1537 года, въ третье воскресенье по пятидесятницѣ, онъ пришелъ въ храмъ, и на литургіи услышалъ Евангельскій гласъ: „никто не можетъ служить двумъ господамъ, ибо или одного будетъ онъ ненавидѣть, а другаго любить, или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть“ (Матѣ. 6, 24). Конечно, слова эти были неоднократно слышаны Феодоромъ и въ прежнѣе время; но на сей разъ они благодатно подѣйствовали на него: сердце его распалось огнемъ божественной любви: отвергнувъ все мірское, онъ рѣшился удалиться въ пустыню и тамъ посвятить себя на служеніе Богу.

Феодоръ вознамѣрился далеко и навсегда бѣжать отъ міра и всѣхъ соблазновъ его. Посреди этихъ размышленій, пришла ему на память Соловецкая обитель, расположенная на дикомъ островѣ Студенаго моря, самою природою какъ бы отдѣленная отъ міра; припомнились ему и подвиги основателей ея—Препод. Савватія, Зосимы и Германа, припесшихъ христіанство въ сѣверные предѣлы. Туда устремились тайныя думы благочестиваго Феодора. Собираясь въ далекій путь, онъ поклонился въ Москвѣ св. мощамъ Чудотворцевъ, съ тихою молитвою: „Господи Боже, Спаситель мой и Защититель живота моего! наставь меня на путь Твой, да пойду во истинѣ Твоей“. Потомъ, выждавъ удобное время, втайнѣ отъ всѣхъ, вмѣсто богатой одежды царедворца, надѣлъ убогій кафтанъ простолюдина и скрылся изъ Москвы. Направляясь къ сѣверу и блуждая по пустыннымъ тропамъ ему невѣдомымъ, Феодоръ

достигъ Онежскаго озера. Въ одной изъ многочисленныхъ побережныхъ деревень — Хижи (хижинны)—онъ остановился на отдыхъ, а можетъ быть съ цѣлію скрыть свой слѣдъ, и былъ радушно принятъ добрымъ селяниномъ Субботою. Разказы о дальности Соловецкаго острова и, конечно, немѣніе средствъ продолжать путь—побудили Осодора воспользоваться страннопріимствомъ Субботы. Но онъ не хотѣлъ быть въ тягость тому, у кого водворился, и предпочелъ снискивать хлѣбъ трудами рукъ своихъ, ревностно исполняя всѣ возлагаемыя на него работы. Осодоръ вскорѣ заслужилъ довѣренность хозяина, и тотъ поручилъ ему стеречь овецъ своихъ. Въ такихъ сельскихъ занятіяхъ протекло немалое время. Образъ жизни измѣнилъ наружность пришельца, который уже привыкъ къ простымъ и дотошъ несроднымъ ему трудамъ: нелегко было узнать прежняго царедворца въ сельскомъ пастухѣ. Наступала осень,—и бури, а потомъ льды, прекращающіе на всю зиму сообщеніе съ Соловецкимъ островомъ. Осодоръ простился съ своимъ хозяиномъ и устремился къ желанной цѣли своего путешествія. Между тѣмъ родители, долго и напрасно отыскивая его повсюду, оплакали его, какъ мертваго.

Соловецкій игуменъ Алексій и братія съ любовію приняли пришельца, не вѣдая высокаго рода его, и причли его къ послушникамъ, трудившимся въ обители. Осодоръ съ покорностію принялъ возложенныя на него обязанности, и, не ослабѣвая въ усердіи, проходилъ болѣе полуторыхъ лѣтъ свои тяжкія послушанія. «Удивительно было видѣть, повѣствуетъ современный ему жизнеописатель, какъ этотъ юноша, сынъ знаменитыхъ и славныхъ родителей, воспитанный въ нѣгѣ и покоѣ, предавался суровымъ трудамъ: рубилъ дрова, копалъ землю на огородѣ, таскалъ камни, поднималъ тяжести при рыбной ловлѣ, и все это дѣлалъ съ усердіемъ; часто носилъ на плечахъ своихъ рюкзакъ и на мельницѣ работалъ со всякимъ прилежаніемъ. Случалось, что онъ испытывалъ отъ неразумныхъ людей упреки и побой, но, подражая Владыкѣ Христу, все переносилъ со смиреніемъ и никто не зналъ, чей рѣтъ и откуда. „Въ тоже время Осодоръ со вниманіемъ наблю-

далъ образъ жизни Соловецкихъ иноковъ и приводилъ всѣхъ въ удивленіе тою рѣшительностію, съ какою старался подражать имъ, отсѣвая отъ себя мірскія страсти. Наконецъ, болѣе и болѣе разгораясь огнемъ божественной любви, онъ припалъ къ нгумену и братіи съ просьбою — причислить его къ избранному стаду ихъ. Извѣдавъ на опытѣ благое произволеніе его, настоятель и иноки съ любовію вняли прошенію его. Осодоръ былъ постриженъ и названъ Филиппомъ.

Повоначальныйнокъ былъ отданъ на обычное послушаніе своему воспріемнику, высокому по духовной жизни, іеромонаху Іонѣ, который былъ въ юности своей собесѣдникомъ Препод. Александра Свирскаго, тогда уже прославленнаго въ ликѣ святыхъ. Филиппъ помѣстился въ кельѣ благочестиваго старца, научаясь отъ него всякой добродѣтели. Дни онъ проводилъ въ трудахъ и пощепіи, а ночи въ молитвѣ, часто забывая сонъ. Іона радовался о своемъ ученикѣ и пророчески говорилъ о немъ братіи: „этотъ будетъ настоятелемъ въ святой нашей обители“. Между тѣмъ Филиппа то назначали надзирателемъ монастырской кузницы: тутъ онъ исправлялъ разныя тяжелыя работы и постоянное обращеніе около огня приводило ему на мысль геенскій огонь; то посылали его въ хлѣбню: и здѣсь онъ не предавался лѣности, но охотно носилъ воду и дрова, являясь къ богослуженію по первому удару колокола. Господь возвеличилъ смиреніе труженика: въ Преображенскомъ соборномъ храмѣ обители донынѣ указываютъ образъ Богоматери „Хлѣбный“, явившійся Филиппу, когда онъ проходилъ послушаніе въ хлѣбнѣ, какъ бы въ знаменіе того, что собственно не высота служенія, а чистосердечная ревность въ прохожденіи его приближаетъ насъ къ Богу. Наконецъ дали ему послушаніе при храмѣ, въ качествѣ эккліасіарха,—и здѣсь онъ заслужилъ общую похвалу, почтеніе и любовь.

Но Филиппу страшна была и самая тѣнь человѣческой славы и въ смиренной душѣ его возникло желаніе пустыннаго безмолвія. Онъ удалился изъ монастыря въ глубину острова, въ непроходимый и дикій лѣсъ. Тамъ, измождая тѣло и

побѣждая помислы, онъ предался молитвенному собесѣдованію съ единымъ Богомъ. Продолжителемъ, многолѣтнемъ былъ подвижъ его. Навыкнувъ безмолвію и богомыслію въ тиши уединенія, онъ возвратился въ обитель для того, чтобы трудиться вмѣстѣ съ братією. Благочестивый игуменъ утѣшался имъ и, приблизивъ къ себѣ, сдѣлалъ своимъ помощникомъ по разнымъ частямъ управленія. Филиппъ былъ правою рукою его, жезломъ старости его: съ пѣжною любовію покорнаго сына онъ покоилъ старца въ болѣзняхъ, утѣшалъ въ скорбяхъ. Въ 1548 году, предчувствуя близость своей кончины и видя достоинство Филиппа, Алексій сталъ намекать о желаніи своемъ передать ему настоятельство; но Филиппъ и слышать не хотѣлъ о предлагаемой власти: ни увѣщанія Алексія, ни просьбы братіи не имѣли надъ нимъ никакого успѣха. Игуменъ, похваляя въ душѣ смиреніе избираемаго, еще сильнѣе желалъ преодолѣть сопротивленіе его. Онъ созвалъ къ себѣ ппоковъ и, сказавъ о своей старости и немощахъ, спросилъ ихъ: «кого по немъ изволятъ они въ настоятели?» Всѣ единогласно отвѣчали, что никто не можетъ сравниться съ Филиппомъ житіемъ, разумомъ и опытностію. Тогда Филиппъ не смѣлъ прекословить общему избранію. Игуменъ отправилъ его съ нѣсколькими братіями въ Новгородъ съ просительною грамотою къ архіепископу Оеодосію, который былъ предваренъ о цѣли ихъ путешествія. «Отчего не вижу его между вами?» спросилъ онъ посланныхъ, когда они представлялись ему съ грамотою, одни безъ Филиппа. При свиданіи, которое въ слѣдъ за этимъ имѣлъ Филиппъ съ архіепископомъ, Оеодосій, усмотрѣвъ въ немъ свѣтлый и обширный умъ и великую духовную опытность, рукоположилъ его въ пресвитера и вручилъ ему игуменскій жезлъ. Получивъ отъ архіепископа для обители церковную утварь и отъ гражданъ щедрую милостыню, Соловецкіе пришельцы съ новымъ игуменомъ отправились въ обратный путь.

Престарѣлый игуменъ Алексій, со всею братією, торжественно встрѣтилъ Филиппа на пристани съ крестнымъ ходомъ, ввелъ его въ храмъ и поставилъ на свое мѣсто. Но прочте-

ни граматы архієпископа, новый игумень сказалъ братіи первое поученіе и предложилъ іереямъ и діаконамъ готовиться къ божественной службѣ. 17 августа 1548 года онъ соборно совершилъ первую литургію. Но и теперь Филиппъ еще не рѣшился принять на себя всю тяжесть старѣйшинства, и видя, что силы Алексія возстапавлиются, упросилъ старца продолжать управленіе, обѣщая ему совершенную покорность. Хотя и противъ воли, Алексій вторично принялъ жезлъ правленія, а Филиппъ ушелъ въ свою любимую пустыню,—и еще строже, чѣмъ прежде, было уединеніе его. Такъ прошло полтора года, пока изнемогъ совершенно Алексій. Филиппъ опять призванъ былъ къ начальствованію. Похоронивъ старца и, по желанію иноковъ, принявъ надъ ними старѣйшинство, Филиппъ съ прежнею строгостію продолжалъ подвиги, подавая всѣмъ примѣръ добродѣтели, не только словомъ, но и дѣлами, превосходя въ трудахъ каждаго послушника.

Игуменство св. Филиппа продолжалось восемнадцать лѣтъ, считая со дня поставленія его до призванія на Всероссійскую митрополію, и напечатлѣлось въ Соловецкой обители неизгладимыми чертами: тамъ, по истинѣ, если бы умолкли люди, возопили бы самые камни. На всемъ легла печать мудрой прозорливости его, не только для тогдашняго, но и для будущаго благоустройства обители. Распорядительный хозяинъ, кроткій правитель, мудрый наставникъ духовной дѣятельности — вотъ главныя черты св. Филиппа въ качествѣ игумена.

Въ то время монастырскія дѣла были въ затруднительномъ положеніи: число братіи увеличилось, а средства содержанія были скудны; при томъ монастырь не успѣлъ еще обстроиться послѣ пожара 1538 года. Главный источникъ монастырскихъ доходовъ изстари былъ солевареніе, и на него-то Филиппъ обратилъ свое вниманіе, увеличивъ число варницъ на морскомъ берегу шестью. Благоволеніе Царя Іоанна Васильевича выразилось въ 1548 году разрѣшеніемъ продавать 10 тысячъ пудовъ соли (вмѣсто 6 т.) безпошлинно и на вырученную сумму дѣ-

лать, также безпошлинно, необходимыя закуски для монастыря. Устроивъ скотный дворъ въ 10 верстахъ отъ обители, на Муксальскомъ островѣ, Филиппъ улучшилъ братскую трапезу, а въ лѣса пустилъ лапландскихъ оленей для того, чтобы изъ шкуръ ихъ выдѣлывать платье и обувь. Приготовляясь къ возведенію каменныхъ зданій вмѣсто сгорѣвшихъ деревянныхъ, онъ устроилъ кирпичный заводъ, указавъ мѣста для порубки дровъ на заводъ и монастырь, съ тѣмъ, чтобы эта порубка не только не истребляла безъ нужды лѣсъ, но своею правильностію очищала его и способствовала дальнѣйшему размноженію его. Черезъ лѣса, горы и болота проводились дороги: рука человѣческая приспособляла пустынный островъ для жительства. Въ монастырѣ была устроена мельница; чтобы доставить колесамъ ея необходимое количество воды, игумень избралъ изъ многочисленныхъ озеръ острова 52, болѣе удобныя по своему положенію и качеству водъ, соединилъ ихъ каналами, свелъ къ монастырю, гдѣ началъ копать огромный прудъ, который и донинѣ, подъ именемъ Снятаго озера, доставляетъ монастырю въ обиліи свѣжую прѣсную воду. Для указанія входа въ заливъ, въ углубленіи котораго стоитъ Соловецкій монастырь, игумень сдѣлалъ большія насыпи и на нихъ поставилъ высокіе кресты. Онъ построилъ въ гавани большаго Заяцкаго острова каменную пристань съ палатою и поварнею, а въ монастырѣ двухъ-этажные и трехъ-этажные корпуса для братскихъ келій.

Среди такихъ заботъ св. Филиппъ не усомнился, въ надеждѣ на милость Божію, приступить въ 1552 году къ сооруженію соборнаго храма въ честь Успенія Божіей Матери, съ придѣломъ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи и обиліею трапезою. Не имѣя достаточно средствъ для выполненія такого огромнаго предпріятія, игумень предварительно обратился къ Царю Іоанну IV, который былъ особенно щедръ къ Соловецкой обители. Государь въ 1550 году пожаловалъ монастырю Колжежскую волость, съ деревнями, угодьями и соляными варницами, а въ слѣдующемъ году приморскую деревню Сорочку, гдѣ при Троицкой церкви былъ первоначально погребенъ

Препод. Савватій. Для строенія Успенскаго собора были призваны изъ Новгорода искусные зодчіе. Въ 1557 году, въ праздникъ Успенія, Филиппъ имѣлъ радость освятить новый храмъ. Едва кончивъ эту постройку, неутомимый игумень объявилъ братіи намѣреніе приступить къ созиданію еще болѣе обширнаго и великолѣннаго храма въ честь Преображенія Господня. Нѣкоторые изъ братіи рѣшились было представить игумену свои опасенія и говорили ему: «Отецъ, монастырь терпитъ недостатки, казна его въ оскудѣніи, отъ городовъ мы удалены; откуда мы возьмемъ злата на совершеніе огромнаго храма»? «Братіе, отвѣчалъ Филиппъ, упованіе на Бога неманчиво; если будетъ угодно Господу дѣло наше, Онъ невидимо подастъ намъ отъ неоскудныхъ своихъ сокровищъ, и домъ святому имени Его воздвигнется несомнѣнно». Инокъ успокоился. «Да будетъ, какъ изволишь, сказали они, все, чего просишь у Бога, подастъ тебѣ Богъ». Преображенскій соборъ заложенъ въ 1558 году. Съ особенною любовію занимался Филиппъ сооруженіемъ этого храма; все дѣлалось подъ неусыпнымъ надзоромъ его: своими руками онъ участвовалъ въ работахъ, примѣромъ своимъ возбуждая ревность въ работавшихъ. Царь былъ вкладчикомъ и этого храма: въ 1558 году онъ далъ на строеніе 1000 рублей, а въ 1559 году разрѣшилъ безпонишный провозъ соли и также безпонишную закупку для монастыря разныхъ запасовъ. Впрочемъ, Филиппъ не успѣлъ при себѣ окончить строеніе, но приготовилъ утварь, разноцвѣтныя стекла для оконъ, сосуды, книги, ризы, образа, драгоценныя ткани, серебряныя подсвѣчники, кадила, и подѣ палертію, съ сѣверной стороны, ископалъ себѣ могилу.

Кромѣ благоустроенія обители, св. Филиппу надлежало учредить внутренній порядокъ въ управленіи волостей. Въ то время Соловецкій монастырь владѣлъ многочисленными волостями и пользовался несудимою грамотою, по которой всѣ дѣла, кромѣ уголовныхъ, подлежали духовному суду монастырскаго начальства. Первою заботою игумена было дать правильное устройство волостному управленію, сообразно съ духомъ времени; онъ назначилъ по волостямъ изъ монастырскихъ

старцевъ приказчика, келаря и доводчика, обезпечивъ содержаніе ихъ общественными сборами и нѣкоторыми случайными пошлинами, и издалъ новыя правила судопроизводства и сбора повинностей. Знаніе нуждъ поселянъ и заботливость о благосостояніи ихъ обнаруживаются въ мѣрахъ благочинія, предписанныхъ св. игуменомъ для поддержанія доброй нравственности въ деревняхъ. Онъ старался изгнать вредную праздность, хотѣлъ, чтобы каждый былъ чѣмъ нибудь занятъ и съ юныхъ лѣтъ приученъ къ труду. Искоренія другой источникъ зла—пьянство и игру въ зернь, обычную забаву того времени, онъ запретилъ то и другое, подъ угрозою тяжкой пени и изгнанія изъ монастырскихъ волостей. Понечительностію игумена все было предусмотрено: какія когда исправлять работы, какими сѣменами засѣвать поля; во всѣхъ деревняхъ дозволено было крестьянамъ вареніе соли въ теченіе 160 ночей и для этого велѣно отпускать для нихъ ежегодно 600 сажень дровъ. Вотъ въ какія подробности входилъ заботливый игумень, зная, что дастъ отвѣтъ за вѣренныя ему души; обѣщая удовлетвореніе обиженнымъ, онъ предлагалъ каждому лично объявить предъ нимъ свое неудовольствіе, но никому не грозилъ наказаніемъ «нещаднымъ».

Внутри монастыря св. Филиппъ завелъ полезныя ремесла, необходимыя обители для содержанія многочисленной братіи, получающей, по правиламъ общежитія, готовую пищу и одежду. Для призрѣнія педужныхъ иноковъ, а также богомольцевъ и людей ремесленныхъ, игумень устроилъ обширную больницу, гдѣ они находили отдыхъ послѣ трудовъ и облегченіе въ недугахъ. По любви своей къ уединенію, желая и другимъ облегчить подвигъ отшельничества, онъ учредилъ пустыни въ глуши лѣсовъ, а на Заяцкомъ острову цѣлый скитъ съ келіями и службами. Настоятель во всемъ предшествовалъ своимъ примѣромъ и, среди всѣхъ тягостей и заботъ многообразной дѣятельности, не ослабѣвалъ въ подвигахъ иночества и даже отшельничества. По пражному удручалъ тѣло постомъ, истребляя въ себѣ малѣйшіе остатки чувственныхъ помысловъ и пожеланій. Слово его было растворено солію назиданія и

духовнаго помазанія, но онъ еще продолжалъ искать мудрости въ безмолвіи, и, по временамъ, освобождаясь отъ дѣлъ, любилъ углубляться въ чащу лѣса, въ одно мѣсто, которое и донынѣ извѣстно подъ именемъ «Филипповой пустыни». Здѣсь то уединенно онъ подвизался въ постѣ, молитвѣ и богомыслии. Такъ, переходя отъ подвига къ подвигу, возвышаясь отъ добродѣтели къ добродѣтели, онъ дѣйствовалъ на сердца примѣромъ гораздо болѣе, чѣмъ словами, — силою любви несравненно болѣе, чѣмъ силою власти. Вотъ примѣръ высоты духовной жизни братіи, которою управлялъ св. Филиппъ. Въ іюнѣ 1561 года разбило морскою бурей 15 монастырскихъ лодокъ съ извѣстною и много пловцевъ потонуло. Изъ нихъ инокъ Вассіанъ и Іона, и міряне Іоаннъ и Лонгинъ, выброшенные моремъ на берегъ, прославлены отъ Господа нетлѣніемъ мощей и даромъ чудотвореній *).

Молва о мудрости и добродѣтеляхъ Соловецкаго игумена быстро распространилась по всей Россіи; отовсюду потекла милостыня царская и народная на благоустрояемую имъ обитель. Но все самыя богатые вклады и дары въ Соловецкомъ монастырѣ ничтожны въ сравненіи съ Іоанновыми: Грозный былъ самымъ усерднымъ вкладчикомъ, по особенному расположенію къ св. Филиппу. Уважая Соловецкаго игумена, Царь призывалъ его въ Москву по важнымъ церковнымъ дѣламъ. Такъ извѣстны путешествія его въ столицу — одно въ 1550 году, по случаю составленія Судебника, а другое въ 1551 году, по случаю собора для открытія казанской епархіи и прославленія святыхъ Русской Церкви. Къ св. игумену присылали для увѣщанія и исправленія заблуждающихъ въ вѣрѣ и даже опальныхъ, навлекавшихъ на себя царскій гнѣвъ. Въ 1554 году, по соборному опредѣленію, былъ присланъ въ Соловецкій монастырь бывший игуменъ Троицкой лавры, Артемій, обвиненный въ соучастіи съ еретикомъ Башкинымъ; предписано

*) Первые два—Вассіанъ и Іона—почиваютъ въ Преображенской Пертоминской пустыни, а послѣдніе, Іоаннъ и Лонгинъ, подъ спудомъ, въ храмѣ селенія Яренги, посвященномъ имени ихъ.

было Филиппу держать Артемія въ строгомъ заключеніи, назначивъ ему надежнаго духовника, навѣщать его, вразумлять и снабжать только такими книгами, которыя назначить соборъ, а о поведеніи его доносить мѣстному епархіальному начальству, т. е. повгородскому архіепископу. Позже былъ посланъ на Соловки знаменитый духовникъ Грознаго, Сильвестръ, въ иночествѣ Сипридонъ, который здѣсь свято окончилъ жизнь свою, уважаемый св. Филиппомъ, не смотря на опалу царскую.

Но вся эта многотрудная жизнь св. Филиппа,—воспитаніе въ домѣ родителя, служба при дворѣ, удаленіе отъ міра, произвольная нищета и послушанія въ монастырѣ, подвиги игуменства—всеѣ эти состоянія, столь различныя между собою, были только продолжительнымъ и прекраснымъ приготовленіемъ къ кратковременному и еще превосходящійшему подвигу. Царь, знавшій св. Филиппа еще въ юныхъ лѣтахъ, чтившій его въ санѣ игумена, готовилъ ему высшую степень іерархическихъ отличій Русской Церкви — бѣлый клобукъ митрополита, а промыслъ Божій въ то же время соплеталъ ему вѣнецъ мученика.

Митрополитъ Макарій, правивъ Русскою Церковью 21 годъ, скончался въ декабрѣ 1563 года. Мѣсто его занялъ Аонасій, но, бывъ на каюдрѣ пемного болѣе двухъ лѣтъ, 16 мая 1566 года, удалился въ Чудовъ монастырь. Послѣ него былъ избранъ казанскій архіепископъ Германъ, но жилъ только два дня въ палатахъ первосвятителя и за смѣлая рѣчи Грозному, еще до посвященія, былъ изгнанъ изъ митрополіи. Выборъ Іоанна теперь остановился на св. Филиппѣ. Особенною грамотою Царь призывалъ его въ Москву «духовнаго ради совѣта». Этотъ вызовъ не могъ удивить Соловецкаго игумена,—его и прежде вызывали въ Москву, — но предстоящее путешествіе теперь должно было казаться тягостнымъ ему. Подъ старость (ему былъ 60-й годъ) Филиппу, конечно, не хотѣлось подвергаться безпокойству дальней дороги. Если бы онъ зналъ, что при жизни уже болѣе не увидитъ своей обители, гдѣ такъ мирно текли дни его, то горестъ его была

бы еще сплѣнѣ. Извѣстіе объ отъѣздѣ св. игумена поразило глубокою скорбію братію. Но онъ, утѣшая своихъ чадъ о Христѣ, увѣщавалъ ихъ возложить упованіе на Господа, на предстательство Пресвятой Богородицы, Пренод. Зосимы и Савватія, пецись о своемъ спасеніи и блюсти монастырское преданіе. Въ послѣдній разъ св. Филиппъ совершилъ въ Соловецкой обители литургію, причастилъ иноковъ св. Таинъ, и, послѣ прощальной трапезы, вступилъ на корабль.

Св. Филиппъ направилъ свой путь къ столицѣ чрезъ Новгородъ. Узнавъ о приближеніи Соловецкаго игумена, граждане вышли къ нему на встрѣчу съ приѣздомъ и дарами. Заслышавъ о гнѣвѣ Грознаго, они говорили св. Филиппу: «отецъ, будь ходатаемъ предъ Царемъ за насъ и городъ нашъ; вступи свое отечество». Проведя нѣсколько дней подъ сѣнію св. Софіи, игумень продолжалъ свой путь. Царь встрѣтилъ его съ великою честію и издалека занялъ съ нимъ рѣчь о причинѣ призванія его въ Москву; дружески раскрылъ предъ нимъ свое затрудненіе въ выборѣ первосвященника, изображалъ словами св. Писанія положеніе Церкви безъ пастыря, и въ заключеніе объявилъ, что по его державной волѣ и соборному избранію, Филиппу должно быть митрополитомъ. Эта бесѣда происходила въ присутствіи высшаго духовенства и бояръ: всѣ они признали, что Филиппъ достоинъ занять каедрѣ Всероссійской митрополіи. Смиренный игумень изумился и со слезами сказалъ Іоанну: «нѣтъ, милосердый государь, не разлучай меня съ моею пустынею; не палагай на меня бремени выше силъ. Отпусти, Господа ради, отпусти; не вручай малой ладѣ бремени великаго». Царь былъ непреклоненъ и поручилъ святителямъ и боярамъ уговорить Филиппа; имъ удалось убѣдить игумена не противиться божественному призванію и царской волѣ. Филиппъ согласился принять предложенный ему санъ съ тѣмъ, чтобы была уничтожена «опричнина». Подозрительный Царь отдѣлялъ для себя отъ Русской земли особенный участокъ, названный «опричнымъ», и поручилъ охраненіе своей особы дружинѣ «опричниковъ», которая бы не имѣла ничего общаго съ «земщиною». Филиппъ объявилъ, что если

Царь не оставитъ опричныхъ и не соединитъ опять земли Русской, то ему невозможно быть митрополитомъ. Такой разговоръ Филиппа съ святителями не могъ поправиться Іоанну; къ тому же и опричники, съ самаго начала, стали къ своему обличителю во враждебное отношеніе. На этотъ разъ Царь смягчилъ свой гнѣвъ и повелѣлъ, какъ замѣчено въ особой грамотѣ, «архіепископамъ и епископамъ сказать Филиппу, чтобы онъ отложилъ свое требованіе и не вступался бы въ дѣла двора и опричнины».

Св. Филиппъ уступилъ волѣ царской и былъ посвященъ въ митрополита московскаго и всея Россіи 25 іюля 1566 года. Принявъ изъ рукъ самого Царя архипастырскій посохъ, новопоставленный митрополитъ въ своей рѣчи просилъ Государя быть милостивымъ и кроткимъ, отвращать слухъ отъ клеветниковъ и льстецовъ, и памятовать, что «для монарха славнѣе всѣхъ побѣдъ тѣ, которыя онъ пріобрѣтаетъ надъ сердцами подданныхъ безоружною любовію». Всѣ добрыя сердца были въ восторгѣ; самъ Іоаннъ казался тронутымъ и радостно праздновалъ царскою трапезою посвященіе Филиппа.

✓ Первою заботою новаго митрополита было рукоположеніе епископа для полоцкой епархіи, учрежденной въ 1563 году. Первый полоцкій архіепископъ Трифонъ скончался отъ мороваго повѣтрія предъ самымъ восшествіемъ Филиппа на митрополию. На мѣсто его былъ назначенъ епископъ суздальскій Аонасій, который долго оставался еще въ Москвѣ, и, вмѣстѣ съ митрополитомъ, 10 декабря освящая прйдѣлъ при Благовѣщенскомъ соборѣ, въ присутствіи Царя и царевичей. Св. Филиппъ, получивъ извѣстіе о недостаткѣ въ Полоцкѣ священнослужителей, отправилъ туда изъ Повгорода тридцать три священника и діакона. Впрочемъ, среди новой обширной дѣятельности, Филиппъ какъ бы не отлучался духомъ отъ своей возлюбленной пустыни: для смиренной и боголюбивой души его тяжела была шумная жизнь. Въ часы, свободные отъ дѣлъ, онъ говорилъ себѣ: «что случилось съ тобою, бѣдный Филиппъ! Ужели мало для тебя было начальства надъ обителемъ? Ты захотѣлъ большаго; посмотри же, на что ты промѣнялъ свою

благословенную долю! Отъ такого спокойствія—на какіе труды ты предаль себя; отъ такой безмятежной тишины—въ какую бездну устремился корабль души твоей! Но что прошло, то неозвратно: да будетъ воля Божія! Вы же, Угодники Божіи, Савватій и Зосима, не оставьте меня своею помощію, не дайте мнѣ забыть свои обѣты». На дворѣ митрополіи онъ построилъ и великолѣпно украсилъ храмъ во имя Соловецкихъ Чудотворцевъ, въ которомъ онъ особенно любилъ молиться въ минуты скорби. Дорого было его сердцу все, что напоминало Соловецкую обитель. Съ радостію онъ принялъ посланнаго отсюда іеромонаха Спиридона, который привезъ съ собою для Государя и митрополита частицы хощей Чудотворцевъ со св. водою и донесеніемъ, что Преображенскій соборъ доконченъ и освященъ. Въ 1568 году св. Филиппъ дѣлалъ распоряженіе объ окончаніи озера, которое не успѣлъ вырыть при своей бытности въ Соловкахъ.

Не напрасно думалъ св. Филиппъ тосковала по мирной Соловецкой обители: надъ главою митрополита собиралась грозная туча. Въ январѣ 1567 года Царь переѣхалъ изъ Кремля въ свой укрѣпленный дворецъ среди опричниковъ и былъ уже совершенно въ рукахъ этихъ изверговъ. Среди общаго безмолвія, все ожидали, что раздастся единственный спасительный голосъ Филиппа. Такая надежда на праведнаго мужа не обманула. Сначала митрополитъ въ рѣчи къ епископамъ убѣждалъ ихъ къ самоотверженію и выражалъ желаніе, чтобы они все единодушно старались умиротворить смятенную душу Царя. Но единодушія между ними не оказалось; не нашлось и такого, который рѣшился бы, вмѣстѣ съ Филиппомъ, великодушно подвергнуться опасности, принявъ на себя гнѣвъ Грознаго. Филиппъ не устранился и безъ помощниковъ вступилъ въ подвижъ, прославившій его имя. Онъ не опускалъ случая говорить Государю, сначала наединѣ, потомъ при свидѣтеляхъ, обличая дѣла беззаконія, совершаемыя опричниками отъ имени Царя. Вотъ одна изъ такихъ бесѣдъ, въ которой ясно видны характеры Царя и митрополита.

Святитель напоминалъ Іоанну, что облеченный высшимъ са-

помѣ на землѣ долженъ особенно чтить Бога — смиреніемъ, приличнымъ человѣку, беззлобіемъ, свойственнымъ божеству; что властелиномъ по справедливости называется тотъ, кто умѣетъ обладать собою, кто не работаетъ страстями, у кого господствуетъ умъ, а не тотъ, кто въ самозабвеніи возмущаетъ собственную державу.

Царь произнесъ съ гнѣвомъ: «что тебѣ, чернецу, до нашихъ царскихъ совѣтовъ? Развѣ не знаешь, что свои хотятъ поглотить меня?»

«Не обманывай себя напраснымъ страхомъ, отвѣчалъ Филиппъ, по избранію священнаго собора и твоему изволенію я пастырь Христовой Церкви и за одно съ тобою долженъ имѣть попеченіе о благочестіи и мирѣ всего православнаго христіанства».

«Одно говорю тебѣ, честный отче, молчи, вскричалъ Грозный, а насъ благослови по нашему изволенію!»

«Наше молчаніе, продолжалъ архиепископъ, налагаетъ грѣхъ на твою душу и наноситъ всеобщую смерть; худой кормчій губить весь корабль. Если мы послѣдуемъ волѣ человеческой, какъ скажемъ въ день пришествія Господня: *се азъ и дѣти, яже ми еси далъ?*» При этомъ св. Филиппъ напомнилъ Царю слова Господа о взаимной христіанской любви.

Царь нѣсколько утихъ и отвѣчалъ словами св. Писанія: «владыко святыи! возсташа на мя друзи мои и искреннии мои прямо мнѣ приближилися и станна, и ближнии мои отдалече мене станна, и нуждахуся ищущи души мою, ищущіе злая мнѣ».

«Государь царь! — мужественно говорилъ Святитель — различай лукаваго отъ правдиваго; принимай добрыхъ совѣтниковъ, а не ласкателей. Грѣшно не возбранять согрѣшающимъ, но зачѣмъ раздѣлять единство державы? Ты поставленъ отъ Бога судить людей Божіихъ въ правду, а не представлять изъ себя мучителя. Обличь тѣхъ, кто неправо говоритъ предъ тобою, и отсѣки отъ себя, какъ гнилые члены, а людей своихъ устрой въ соединеніи. Богъ пребываетъ лишь тамъ, гдѣ нелицемѣрная любовь и еднородіе».

«Филиппъ, опять вскричалъ Царь, не прекословь державѣ

нашей, чтобы не постигъ тебя гнѣвъ мой, или оставь этотъ сапъ».

Святѣй кротко отвѣчалъ: «я не употреблялъ для достиженія этой чести ни моленій, ни ходатайствъ, ни подкупа. Зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни и отцевъ? Если дерзаешь попирашь законы, дѣлай, что хочешь; но когда настало для меня время подвига, мнѣ непростительно ослабѣвать».

Послѣ такихъ встрѣчъ Царь бывалъ мраченъ, задумчивъ. Сенцовые опричники, Малюта Скуратовъ и Василій Грязной умѣли пользоваться такимъ расположеніемъ духа его и еще болѣе разжигали гнѣвъ его на смѣлаго обличителя. Оприч-
ники наводили на всѣхъ ужасъ. Нѣкоторые изъ первостепен-
ныхъ сановниковъ приходили къ митрополиту и со слезами
просили защиты. Филиппъ съ твердостью утѣшалъ и ободрялъ
скорбныхъ, какъ отецъ чадолюбивый: «дѣти мои, не скорбите.
Богъ не попуститъ намъ быть искушенными сверхъ силъ, и
не дастъ погибнуть до конца! Здѣсь то и уготованы вамъ
вѣнцы! Здѣсь то и мнѣ предстоитъ благій подвигъ! Апостолъ
говоритъ мнѣ: *еще на лица зрите, то грѣхъ содѣваете*; Да-
видъ вооружаетъ меня пѣніемъ: *многолазъ о свидѣніихъ твоихъ
предъ цари и не стыдѣлся*. Вы теперь избранные Божіи. Се-
сѣкира лежитъ при корени, но не страшитесь, помня, что не
земныя блага, а небесныя общаетъ намъ Богъ. А я радуюсь,
что могу пострадать за васъ: вы—мой отвѣтъ предъ Богомъ,
вы—вѣнецъ мой отъ Господа».

Въ этихъ словахъ звучалъ голосъ великихъ мужей Христо-
вой Церкви; въ нихъ высказывалась чистая и святая душа, го-
това на страданіе за истину. Спустя нѣсколько времени, 21
марта, въ средокрестное воскресенье, когда митрополитъ сто-
ялъ въ Успенскомъ соборѣ на своемъ святительскомъ мѣстѣ,
вошелъ въ храмъ Іоаннъ съ опричниками: Царь и свита были
въ черныхъ, высокихъ шапкахъ и черныхъ рясахъ, изъ подъ
которыхъ виднѣлись яркіе цвѣта и золото кафтановъ. Царь
подошелъ къ святителю и ждалъ благословенія. Три раза опъ
наклонялъ голову, по св. Филиппу, какъ бы не замѣчая, не
отводилъ глазъ отъ образа. Накопецъ бояре заговорили: «вла-

дыко святыи! Царь Иванъ Васильевичъ всея Россіи требуетъ твоего благословенія».

Посмотрѣвъ на Іоанна, митрополитъ отвѣчалъ: «Благочестивый! Кому поревновалъ ты, исказивъ свое благолѣпіе? Не умолялъ ли я тебя престать отъ такого поведенія и особенно отвращаться ласкателей? Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтитъ на небѣ солнце, неслыхано, чтобы благочестивые цари возмущали собственную державу. Правда царева въ судѣ, по слову Писанія, а ты лишь неправедныя твориши дѣла твоему народу, тогда какъ ты долженъ быть для него образцемъ благочестія. Сколько страдаютъ православные! У татаръ и язычниковъ есть законъ и правда, а у насъ нѣтъ ихъ; всюду находимъ милосердіе, а въ Россіи и къ невиннымъ нѣтъ жалости. Мы приносимъ здѣсь Господу безкровную жертву, а за алтаремъ лется невинно христіанская кровь. Скорблю не о тѣхъ, которые, проливая свою невинную кровь, сподобляются доли святыхъ мучениковъ, нѣтъ, но о твоей бѣдной душѣ я страдаю. Хотя ты и возвеличился, однакоже — перстный человѣкъ, и Господь взываетъ все отъ твоей руки».

Іоаннъ шепталъ угрозы, стучалъ жезломъ о плиты помоста и, грози рукою, произнесъ: «Филиппъ, смѣешь ты противиться нашей державѣ? Посмотримъ, велика ли твоя крѣпость».

«Напрасно, Царь, — отвѣчаетъ праведникъ, — ты думаешь устрашить и преклонить меня муками; я — приплещу и присельникъ на землѣ, какъ и всѣ отцы мои; подвизаюсь за истину, и никакія страданія не заставятъ меня умолкнуть».

Погибель Филиппа была рѣшена, хотя Іоаннъ и не смѣлъ наложить на него руки. Открылось широкое поле клеветникамъ. Такъ, еще въ церкви, во время роковой встрѣчи, соборный чтецъ, въ присутствіи Царя, громко произнесъ на святаго мужа гнусную клевету. Впослѣдствіи онъ раскаялся и признался со слезами, что дѣйствовалъ изъ страха, по наущенію. «Буди тебѣ милостивъ Христосъ, а ты, въ свою очередь, прости того, кто тебя подуцалъ на злое», — отвѣчалъ ему митрополитъ.

Съ этого времени Іоаннъ избѣгалъ встрѣчи съ митрополитомъ. Чувствуя это, Филиппъ, тотчасъ послѣ размолвки съ Царемъ, переѣхалъ изъ Кремля, на никольскую улицу, въ монастырь св. Николая стараго (нынѣ Греческій), гдѣ и жилъ до конца своего святѣйшества. Событіе 28 іюля довело гнѣвъ Грознаго до высшей степени. Митрополитъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и совершалъ крестный ходъ, въ присутствіи Царя. Когда крестный ходъ достигъ до св. воротъ и митрополитъ, оставаясь для прочтенія св. Евангелія, оборотился къ народу, чтобы преподавать: «миръ всѣмъ», вдругъ онъ увидѣлъ опричника позади Царя, въ татарской тафѣ. Святитель тотчасъ сказалъ Іоанну: «не должно тебѣ, Государь, допускать обычай агаринскій—стоять во время Евангелія съ покрытою головою».

«Какъ такъ? кто смѣлъ?» спросилъ Іоаннъ.

«Нѣкто изъ дружины твоей.» отвѣчалъ Филиппъ.

Царь оглянувшись, но виновный уже успѣлъ снять тафью. Тогда Іоаннъ въ гнѣвѣ называлъ Филиппа обманщикомъ, мятежникомъ и клялся изобличить его во всемъ.

Приступили къ слѣдствію. Митрополитыныхъ бояръ взяли подъ стражу и пытали, но этимъ путемъ ничего не добыли къ обвиненію праведника. Послѣ этого послали въ Соловецкій монастырь недоброжелателя Филиппова епископа Пафнутія съ архимандритомъ Θεодосіемъ, княземъ Василіемъ Темкинымъ, дьякомъ Пивовымъ и военнымъ коновоемъ. Посланные расточали инокамъ деньги, ласки и обѣщанія, а потомъ угрозы, но безуспѣшно: никто не отважился на лжесвидѣтельство. Тогда Пафнутій употребилъ хитрость и прельстилъ игумена Памсіа, а Памсіей, въ свою очередь, увлекъ нѣсколькихъ монаховъ, и всѣ они свѣдѣли въ Москву, выдумывая на святаго обвиненія.

Царь велѣлъ собраться въ Успенскій соборъ боярамъ и епископамъ для открытаго суда надъ митрополитомъ. Предъ этимъ собраніемъ былъ поставленъ Филиппъ въ полномъ облаченіи. Читали допросы, и когда остановились, чтобы вы-

слушать обвиняемого, митрополитъ, считая излишнимъ оправдываться, обратился къ Царю съ такими словами:

«Царь! ты напрасно думаешь, что я боюсь тебя или смерти. Отъ юности находясь въ пустынѣ, я сохранилъ доселѣ честь и цѣломудріе. Такъ хочу окончить и жизнь свою и съ миромъ предать духъ свой Господу, моему и твоему Судіи. Я умираю, желая лучше оставить по себѣ память невиннаго мученика, нежели человека, о которомъ могли бы сказать, что онъ, оставаясь митрополитомъ, терпѣлъ неправосудіе и нечестіе».

При этомъ митрополитъ началъ слагать съ себя знаки своего достоинства, но Іоаннъ остановилъ его, говоря, что ему должно ожидать соборнаго опредѣленія, а не быть своимъ судьей, и чрезъ три дня, 8-го ноября, просилъ его служить литургію въ Успенскомъ соборѣ.

Когда св. Филиппъ, облаченный во всѣ архіерейскія одежды, стоялъ предъ алтаремъ, съ шумомъ отворились церковныя двери и съ толпою опричниковъ вошелъ бояринъ Алексѣй Даниловичъ Басмановъ. Богослуженіе было прервано. Басмановъ велѣлъ читать свитокъ, который держалъ въ рукахъ. По окончаніи чтенія, опричники съ яростію кинулись на святителя и стали срывать съ него священныя одежды. Митрополитъ не смутился, но тихо и спокойно говорилъ народу: «дѣти, прискорбно душитъ моея разлученіе съ вами, но я терплю все это ради Церкви Божіей. Настало время вдовства ся, и пастыри, какъ наемники, извержены будутъ». Накинувъ на плеча его оборванную и грязную рясу простаго инока, опричники вытолкали его изъ храма, били метлами по спинѣ, посадили на дровни и повезли изъ Кремля. Узкая николевская улица заперлась толпою народа, такъ что печальный поѣздъ двигался съ трудомъ. «Дѣти, говоритъ св. Филиппъ, все, что могъ, я сдѣлалъ; если бы не любовь къ вамъ, и одного дня не остался бы я здѣсь; уповайте на Бога!» Святителя увлекли въ Богоявленскій монастырь, и народъ въ смущеніи разошелся по домамъ.

На другой день св. Филиппа повезли съ такимъ же поруганіемъ въ митрополию: здѣсь находился Царь, вмѣстѣ съ епископами и опричниками. Здѣсь же праведникъ встрѣтилъ и своего

пресмника въ Соловецкомъ игуменствѣ Паисія, клеветавшаго на него. Съ сожалѣніемъ посмотрѣвъ на ослѣпленнаго честолюбца, онъ замѣтилъ ему, что злое сѣяніе не принесетъ ему добраго плода. Филиппа признали виновнымъ въ разныхъ преступленіяхъ, и между прочимъ въ волшебствѣ. Праведникъ стоялъ среди своихъ обвинителей, какъ «агнецъ среди волковъ» и въ послѣдній разъ возвысилъ свой голосъ:

«Государь благочестивый! прекрати нечестивыя дѣла; вспомни прежнихъ царей, твоихъ предковъ: они дѣлали добро, и мы ублажаемъ ихъ и по смерти, по надѣ тѣмъ, которые хотѣли властвовать зломъ и неправдою, и доселѣ тяготѣютъ проклятія. Вразумись, подражай святымъ монахамъ: смерть немощна и къ царю, чтобы онъ не превозносился, но помниль, что, восходи на престолъ отъ земли и персти, со временемъ опять низойдетъ въ ту же персть и землю».

Царь далъ знакъ опричникамъ. Они увлекли св. Филиппа въ темницу, узкую, грязную и сырую, сковали по рукамъ и ногамъ, забили въ колоды, обременили тяжелыми желѣзными веригами; связка соломы служила для него постелью. Жестокіе стражи хотѣли уморить исповѣдника истины голодомъ и цѣлую подѣлю не давали ему пищи. Чрезъ день или два по заключеніи святаго, были посланы царскіе совѣтники навѣдаться, что происходитъ съ узникомъ. Къ удивленію своему, они нашли Филиппа свободнымъ отъ оковъ, стоящимъ на молитвѣ, и когда сказали объ этомъ Іоанну, Царь воскликнулъ: «чары, чары сотворилъ мой врагъ и измѣнникъ!» Запретивъ разглашать объ этомъ, Іоаннъ велѣлъ затворить вмѣстѣ съ узникомъ измороженнаго голодомъ медвѣдя; утромъ самъ пришелъ и увидѣлъ, что святой невредимо стоитъ на молитвѣ, а звѣрь спокойно лежитъ въ углу. Не смягчилось сердце Царя, и съ словами: «чары, чары!» Іоаннъ ушелъ, однако велѣлъ перемѣстить заключеннаго въ монастырь св. Николы стараго. Эта обитель была назначена мѣстомъ заточенія св. Филиппа и на содержаніе его опредѣлено по четыре алтына въ день.

Іоаннъ излилъ гнѣвъ свой на весь родъ Колычевыхъ: до десяти родичей узника, одинъ за другимъ, погибли въ пыткахъ

и казняхъ. Одинъ изъ нихъ пользовался особенною любовію св. Филиппа. Это былъ племянникъ его — сынъ младшаго брата его, воеводы Бориса. Онъ умеръ за одно свое родство съ узникомъ, ненавистнымъ Царю: послѣ жестокихъ истязаній, ему отрубили голову и поднесли Іоанну; Царь велѣлъ представить ее заключенному съ словами: «вотъ голова твоего сродника: не помогли ему твои чары». Св. Филиппъ съ благоговѣніемъ принять жестокой даръ, положилъ окровавленную голову предъ собою, сдѣлалъ предъ нею земной поклонъ, со слезами поцѣловать ее, и сказать: «блажени, ихъ же избралъ и принять еси, Господи, память ихъ въ родъ и родъ», — возвратилъ посланному.

Народъ продолжалъ толпиться отъ утра до вечера около Никольской обители. Іоаннъ велѣлъ перевезти заключеннаго изъ Москвы въ Тверской Отрочъ монастырь. Вѣдственно было странствованіе св. Филиппа: худо зашнурованный убогою одеждою отъ зимняго холода, онъ терпѣлъ голодь и постоянныя оскорбленія отъ своего пристава, Степана Кобылина Полу-живой, онъ достигъ мѣста своего заключенія, но уже подвигъ его приближался къ концу: праведнику оставалось принять вѣнецъ мученика.

Въ декабрѣ 1569 года двинулся Грозный съ своею дружиною въ Новгородъ. Путь лежалъ чрезъ Тверь. Не доѣзжая до города, Іоаннъ отправилъ самаго лютаго изъ опричникковъ — Малюту Скуратова — къ Филиппу, какъ бы за благословеніемъ. Филиппъ узналъ страшнаго гостя и понялъ, зачѣмъ онъ пришелъ, но не выразилъ удивленія, не потерялъ обычнаго спокойствія. Малюта подошелъ къ нему и, смиренно кланяясь, сказалъ: «Владыко святой, подай благословеніе Царю идти въ Новгородъ». Филиппъ отвѣчалъ: «дѣлай то, зачѣмъ ты пришелъ, а не кощунствуй». Потомъ, устремивъ взоръ свой къ св. иконѣ, онъ произнесъ послѣднюю на землѣ молитву: «Владыко Господи Вседержитель, прими мой духъ съ миромъ; пошли отъ пресвятой Своей славы мирнаго ангела, ведущаго меня къ трисолнечному Божеству, чтобы начальники тьмы съ своими силами не остановилъ меня въ пути; не посрами меня предъ

Твоими Ангелами и причисли меня къ лику избранныхъ; яко благословенъ во вѣки, аминь».

Въ это мгновеніе Скуратовъ подушкою зажалъ уста Святаго и задушилъ его. Потомъ поспѣшно выбѣжалъ изъ кельи и сталъ укорять настоятеля и приставниковъ, говоря, что Филиппъ умеръ отъ чрезмѣрнаго жара въ кельѣ. Всѣ были въ ужасѣ. Опричникъ велѣлъ тотчасъ же рыть глубокую могилу за алтаремъ соборной церкви, при себѣ опустить туда еще не остывшее тѣло праведника и засыпать землею. Это произошло 23-го декабря 1569 года. ✓

Едва праведникъ переселился въ небесныя обители, чтобы принять отъ Подвигоположника Христа вѣнецъ мученика, какъ судъ Божій отяготѣлъ надъ гонителями и клеветниками его. Нѣсколько дней спустя Малюта Скуратовъ былъ тяжело раненъ; злобный приставъ Кобылинъ, противъ воли, постриженъ въ монахи и заточенъ на Каменный островъ. Честолюбивый Памсіей сосланъ на Валаамъ. Соловецкіе монахи, участвовавшіе въ клеветахъ, разосланы по разнымъ монастырямъ и дорогою одни изъ нихъ умерли отъ жестокихъ болѣзней, а другіе обезумѣли. Изъ епископовъ, угодниковъ Іоанна, повгородскій Пименъ былъ сосланъ въ Тулу, гдѣ умеръ въ заточеніи, а Филофей рязанскій лишился архіерейства. Грозный Іоаннъ до конца жизни не находилъ себѣ покоя и самъ для себя былъ наказіемъ.

Въ 1591 году, при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, мощи Святителя Филиппа были перенесены въ Соловецкій монастырь, гдѣ и до сего времени, на паперти Преображенскаго собора, сохраняется надпись на бѣлой каменной доскѣ: «лѣта 7078 преставился Филиппъ митрополитъ во Твери, декабря въ 23-й день. Лѣта 7099 привезены мощи Филипповы въ Соловецкій монастырь и погребены августа въ 8-й день». Въ этой могилѣ, приготовленной самимъ Филиппомъ, покоились мощи его въ продолженіе 55 лѣтъ. Подлѣ этого надгробія, ближе къ стѣнѣ, другая надпись указываетъ могилу старца Іоны, наставника Филиппова въ монашествѣ: «лѣта 7076 преставися рабъ Божій инокъ Іона Шаминъ генваря въ 10-й день». ✓

Сѣверный край Россіи, съ самаго перенесенія мощей св. Филиппа на Соловки, прибѣгалъ къ заступничеству его предъ Богомъ. Въ минеи 1636 года мы уже находимъ службу ему, ту самую, которою и нынѣ прославляемъ Угодника Божія 9-го января и 3-го іюля. Въ 1646 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, повелѣно торжественно открыть св. мощи, а въ началѣ 1652 года опредѣлено перенести въ Московскій Успенскій соборъ. Новгородскій митрополитъ (впоследствии Всероссійскій патріархъ) Никонъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Анзерскомъ скитѣ Соловецкой обители при началѣ своего монашества, былъ отправленъ на Соловки съ больною свитою. Прибывъ туда, митрополитъ послѣ молебна вложилъ въ руку Чудотворца царскую грамоту, въ которой царь Алексѣй Михайловичъ испрашивалъ прощенія предку своему Іоанну Грозному и въ заключеніе писалъ: «О священная главо! Святый Владыко Филиппе, пастырю нашъ! молимъ ты, не презри нашего грѣшнаго моленія, прииди къ намъ съ миромъ; царь Алексѣй желаетъ видѣти ты и поклонитися мощемъ твоимъ святымъ». Послѣ трехдневнаго поста началось перенесеніе св. Мощей, которыя торжественно были встрѣчены въ Москвѣ 9-го іюля самимъ царемъ съ крестнымъ ходомъ. Стеченіе народа было несмѣтно. По внесеніи въ Успенскій соборъ, св. Мощи были поставлены на томъ святительскомъ мѣстѣ, съ котораго Святитель обличалъ Грознаго и былъ имъ позорно низведенъ. Въ теченіе десяти дней, пока св. Мощи оставались среди храма, произошло много чудесныхъ исцѣленій. 17-го числа была отправлена праздничная служба Угоднику Божію, а 19-го св. Мощи его, вложенныя въ серебряную раку, помѣщены съ правой стороны иконостаса, въ углу, гдѣ онѣ и нынѣ почиваютъ, чествуемыя благоговѣйнымъ поклоненіемъ народа русскаго. Память его совершается 9-го января, а перенесеніе св. Мощей въ Москву празднуется 3-го іюля.

БЛАЖЕННЫЕ ІОАННЪ И ЛОГГИНЪ.

Добродѣтельная жизнь.—Потопленіе.—Обрѣтеніе тѣла.—Начало Яренскаго монастыря.—Чудеса.—Приниска Яренскаго монастыря къ Соловецкому.—Перенесеніе св. мощей въ новый храмъ.

 Блаженные Іоаннъ и Логгинъ трудились въ Соловецкомъ монастырѣ подъ руководствомъ св. игумена Филиппа. Проводя жизнь въ строгомъ постѣ, постоянной молитвѣ и вниманіи къ своей совѣсти, они были усердными исполнителями воли своего игумена. Постояннымъ правиломъ жизни ихъ было изреченіе св. Апостола: «все, что дѣлаете, дѣлайте отъ души, какъ для Господа, а не для человѣковъ». (Колос. 3, 23). Хотя они были люди не книжные, но, наставленные въ первоначальныхъ истинахъ христіанства, изъ созерцанія величественной природы почерпали важные уроки для своего простаго ума и чистаго сердца. Они видѣли необозримое море и возносились мыслію къ Творцу, положившему предѣлы морю; звѣздное небо обращало взоры ихъ къ Богу, назначившему всему стройный порядокъ. Такимъ образомъ эти простые люди, въ тиши обители, смиренно восходили отъ совершенства къ совершенству, пока Господу угодно было призвать ихъ къ Свѣту невечернему не совсѣмъ обычнымъ путемъ. Возвратясь въ 1561 году съ твердой земли въ обитель на судахъ, нагруженныхъ строительными матеріалами, они были захвачены сильною бурей и потонули. Св. тѣла ихъ были обрѣ-

тены петлѣнными на Корельскомъ берегу, за 120 верстѣ отъ обители Соловецкой, въ устьѣ Сосновки, и положены въ селеніи Яренгѣ. Скоро слава чудесъ, совершавшихся при мощахъ ихъ, привлекла къ нимъ нѣсколькихъ иноковъ, которые построили себѣ кельи. Такимъ образомъ возникъ въ Яренгѣ монастырь. Въ 1622 году въ этомъ монастырѣ, расположенномъ вблизи селенія, на берегу моря, была деревянная церковь св. Николая Чудотворца, а также кельи съ трапезою и часовня. Церковь была достаточно снабжена иконами, книгами, свѣчами, колоколами, попеченіемъ старца Варлаама, и Трифона и Ермолая Тѣловыхъ. Богослуженіе отправлялъ іеромонахъ Матѳей. Въ 1625 году инокъ Илья Тѣловъ доносилъ патріарху Филарету о чудесахъ, совершающихся при мощахъ Праведниковъ. Вслѣдствіе этого новгородскимъ митрополитомъ Макаріемъ предписано игумену Корельскаго Никольскаго монастыря Герасиму съ боярскимъ сыномъ митрополичьяго Софійскаго дома Солоновымъ произвести подробное изслѣдованіе о времени обрѣтенія мощей и о чудесахъ Блаженныхъ Іоанпа и Логгина. Свѣдѣнія, показанныя въ дописаніи инокъ Илья, оказались справедливыми, при чемъ также обнаружилось, что чудотворенія совершались въ теченіе 60 слишкомъ лѣтъ. Самыя замѣчательныя исцѣленія того времени—Марія, три года страдавшей отъ бѣснованія; молодого поселенина, бывшаго въ падучей болѣзни, и поселенина Евонмія, полгода страдавшаго желудкомъ и вызваннаго въ Яренгу явленіемъ Іоанна и Логгина. Въ 1635 году Яренгскій монастырь, со всѣми землями и угодьями селенія Яренги, по ходатайству патріарха Іоасафа, грамотою царя Михайла Ѳеодоровича отданъ былъ въ вѣдѣніе Соловецкаго монастыря. Царь писалъ: «пожаловали мы у моря Яренгскимъ погостомъ, гдѣ лежатъ Чудотворцы Иванъ да Логгинъ». Новгородскій митрополитъ Аѳеоній, напоминая архимандриту Рафаилу, управлявшему Соловецкимъ монастыремъ, что, по прошенію патріарха Іоасафа, царь пожаловалъ имъ Яренгу на краю моря, гдѣ лежатъ мощи новоявленныхъ Чудотворцевъ Ивана и Логгина», предписывалъ построить и освятить новый храмъ во имя Соловецкихъ Чудотворцевъ Зосимы и Савватія, потому

что «Яренгскіе Чудотворцы Іоаннъ и Логгинъ труждалися въ древнія лѣта въ Соловецкомъ монастырѣ». «Какъ тотъ храмъ совершится», прибавлялъ митрополитъ, «и мощи новоявленныхъ Чудотворцевъ Івана и Логгина въ новый храмъ перенесешь, и въ которомъ мѣстѣ тѣ мощи положишь, и ты бы о томъ отписалъ». Новый деревянный храмъ былъ построенъ и освященъ преемникомъ архимандрита Рафаила, переведеннаго въ 1636 году въ Новгородскій Хутинскій монастырь, игуменомъ Варео-ломеемъ. 2-го іюля 1638 года перенесены въ этотъ храмъ мощи Праведниковъ и положены — блаженный Іоаннъ на правой, а блаженный Логгинъ на лѣвой сторонѣ. Яренгскій монастырь состоялъ подъ управленіемъ Соловецкаго до своего закрытія, при составленіи духовныхъ штатовъ въ 1764 году. Въ настоящее время св. мощи Іоанна и Логгина почиваютъ въ приходской церкви селенія Яренги. Память Праведныхъ совершается 3-го іюля.

ПРЕПОДОБНЫЕ ВАССИАНЪ И ІОНА.

Трудолюбіе и послушаніе.—Потопленіе.—Обрѣтеніе тѣла.—Погребеніе.—Старецъ Маминтъ. Построеніе часовни.—Чудеса.—Начало Пертоминскаго монастыря.—Оборуженіе храма Преображенія Господня.—Іеромонахъ Іакоимъ.—Освященіе храма.—Посѣщеніе монастыря Петромъ I.—Каменный храмъ Успенія Божіей Матери.

Преподобные Вассіанъ и Іона были современниками св. игумена Филиппа, впослѣдствіи митрополита московскаго и всея Россіи, и образовались въ духовно-подвижнической жизни подъ руководствомъ этого опытнаго мужа. Св. Филиппъ особенно старался вкоренить въ управляемыхъ имъ инокахъ духъ трудолюбія и послушанія, показывая въ себѣ самомъ примѣръъ всѣхъ добродѣтелей, приличныхъ истинному подвижнику. Ученики его—Преподобные Вассіанъ и Іона—своею кончиною засвидѣтельствовали вѣрность наставленіямъ его: они умерли на подвигѣ послушанія.

Воздвигая въ обители каменные храмы, св. игумень имѣлъ нужду въ разныхъ строительныхъ матеріалахъ, которые и были привозимы съ приморскаго берега на монастырскихъ судахъ. Въ 1561 году плыли въ монастырь съ извѣстію изъ устья рѣки Двины пятнадцать судовъ; но поднялась сильная буря,—и эти суда были разбросаны и потоплены. При этомъ многіе изъ бывшихъ на нихъ людей утонули, и въ числѣ ихъ Преподобные Вассіанъ и Іона, сопровождавшіе суда. Морскія волны выбросили тѣла Преподобныхъ на восточной сторонѣ Унской губы. Сосѣдніе поселяне, по утишеніи бури, плывя на рыбную

ловлю по Унской губѣ и приблизившись къ мѣсту, гдѣ лежали тѣла Преподобныхъ, увидѣли множество вороновъ, посающихся въ воздухъ надъ ними и какъ бы отгоняемыхъ невидимою силою. Тѣла были нетлѣнны и невредимы. Поселяне сначала рѣшились было отвезти ихъ въ свое селеніе и съ честію похоронить близъ своей приходской церкви. Но когда они, положивъ тѣла въ ладью, поплыли къ своему селенію, мгла и мракъ окружили ихъ, такъ что они потеряли дорогу и опять пристали къ тому мѣсту, гдѣ были найдены тѣла Преподобныхъ. Въ ночномъ видѣніи явились имъ Препод. Вассіанъ и Іона и сказали: «положите насъ на пустомъ мѣстѣ, въ бору, подъ большою сосною, а въ свое селеніе не возите; взявъ насъ изъ воды, неужели вы желаете опять положить насъ въ воду? Когда Богу угодно будетъ, Онъ и на этомъ мѣстѣ устроитъ храмъ». Тогда рыбаки припомнили, что, дѣйствительно, селеніе ихъ стоитъ на сыромъ мѣстѣ, и, согласно желанію Преподобныхъ, похоронили тѣла ихъ въ бору, подъ сосною, а надъ могилою поставили деревянный крестъ.

Въ 1599 году приплылъ въ Унскую губу старецъ Троицкаго Сергіева монастыря Мамантъ и былъ задержанъ тамъ четыре дня сильнымъ противнымъ вѣтромъ. Когда онъ спалъ, явился ему въ сонномъ видѣніи два мужа и на вопросъ: «откуда они и какъ имена ихъ?» назвались одинъ Вассіаномъ, а другой Іоною, рассказали о своемъ потопленіи, указали мѣсто погребенія и просили поставить надъ могилою часовню. 12-го іюня старецъ поставилъ надъ мощами Преподобныхъ часовню и устроилъ въ ней крестъ. Затѣмъ начался попутный вѣтеръ и онъ отправился въ путь.

Такъ прошло довольно времени. Чудеса и явленія Преподобныхъ прославили мѣсто погребенія ихъ во всей сѣверной сторонѣ, такъ что прохожіе и мореходцы, пристававшіе къ берегу, считали своимъ долгомъ помолиться въ часовнѣ и оставить тамъ жертву своего усердія—деньги и свѣчи. Пришелъ въ селеніе при Унской губѣ старецъ изъ російскихъ монастырей; жители рассказали ему о Преподобныхъ Вассіанѣ и Іонѣ и совѣтовали поселиться при часовнѣ. Старецъ послѣдовалъ ихъ

совѣту и, помолвившись Богу, устроилъ невдалекѣ отъ часовни небольшую келью и поселился въ ней. Милостыня приходивших богомольцевъ и мореходцевъ, искавшихъ въ Унскоѣ губѣ пристанища отъ морскихъ бурь, съ избыткомъ удовлетворяла жизненнымъ потребностямъ постника, а уединеніе пустыннаго мѣста и слава Преподобныхъ скоро привлекли къ нему сожителей. Первымъ сожителемъ его былъ старецъ Савватій, потомъ Діонисій, а съ теченіемъ времени къ нимъ присоединились іеромонахъ Ефремъ и два мірянина — Козьма съ сыномъ. Пустынники рѣшились устроить надъ модами Преподобныхъ храмъ и стали рубить деревья. Неожиданное обстоятельство значительно помогло имъ въ этомъ предпріятіи: вѣтромъ занесло къ нимъ двѣ ладьи съ людьми, плывшими по обѣту въ Соловецкій монастырь. Богомольцы, вышедши на берегъ и увидѣвъ приготовленія къ постройкѣ, со всѣмъ усердіемъ также принялись за дѣло. На мѣстѣ часовни была устроена деревянная церковь и приготовлено все необходимое для освященія ся и совершенія богослуженія. Іеромонахъ Ефремъ отправился въ Вологду къ архіепископу съ просьбою объ антиминсѣ и книгахъ для новаго храма. Получивъ все по желанію, онъ уже возвращался въ устрояемую обитель, но на дорогѣ былъ захваченъ и убитъ поляками, опустошавшими Русскую землю въ смутное время самозванства. Всѣ церковныя вещи были разграблены. Такая же судьба постигла и Козьму съ сыномъ: они собирали на храмъ въ окрестностяхъ Онежскаго озера, и въ Каргопольскомъ уѣздѣ были убиты Литовцами. Другіе сожители ихъ, по неимѣнію средствъ къ жизни, разошлись въ разныя стороны; остался въ пустынѣ одинъ Савватій. Церковь стояла неосвященною пять лѣтъ. Наконецъ, къ гробамъ Преподобныхъ пришелъ изъ Поноя іеромонахъ Іаковъ: онъ озаботился освященіемъ храма въ честь Преображенія Господня и устроилъ надъ мѣстомъ погребенія Препод. Вассіана и Іоны раку. Скоро къ нему собрались любители пустыннаго уединенія, и возникшая обитель была названа Цертомирскимъ монастыремъ Преподобныхъ Вассіана и Іоны.

Петръ I, застигнутый бурей на пути изъ Соловецкой оби-

тели въ Архангельскѣ, нашелъ убѣжище въ Пертоминскомъ монастырѣ. Пробывъ здѣсь три дня, онъ своими руками устроилъ огромный деревянный крестъ, съ надписью на русскомъ и голландскомъ языкахъ: «сей крестъ поставилъ капитанъ Петръ въ лѣто 1694». Крестъ былъ поставленъ на берегу и впослѣдствіи перенесенъ въ Архангельскъ.

Нынѣ мощи Препод. Вассіана и Іоны почиваютъ подъ спудомъ въ каменномъ храмѣ Успенія Божіей Матери, освященномъ въ 1691 году. Обрѣтеніе мощей Преподобныхъ празднуется 5-го іюня.

ПУСТЫННИКИ АНДРЕЙ, ДАМІАНЪ, АДРІАНЪ, САВВА, НЕСТОРЪ.

Встрѣча съ Андреемъ.—Рассказъ его о пустынной жизни.—Даміанъ.—Посвященіе пустынниковъ.—Уединеніе.—Основаніе обители.—Адріанъ.—Савва.—Несторъ.

ри игуменъ Антоніи (1605—1612) Василій Кенозерецъ, любившій уединяться въ пустынные мѣста острова, рассказалъ своему духовному отцу Іосифу встрѣчу съ чуднымъ пустыннокомъ Андреемъ: «Случилось мнѣ однажды, говорилъ онъ, зайти далеко отъ монастыря, такъ что я, потерявъ дорогу, блуждалъ безъ пищи и питія. Вдругъ вдали показалась мнѣ какъ бы тѣнь человѣка. Я устремился за нею,—тѣнь скрылась въ дебри; я продолжалъ бѣжать и увидѣлъ малую тропинку,—по ней дошелъ до густой чащи, въ которой былъ узкій проходъ для одного человѣка. Проникнувъ этимъ проходомъ, я увидѣлъ гору и на ней слѣды босаго человѣка. Въ горѣ видѣлось малое отверстіе. Сотворивъ молитву, я вошелъ въ темную пещеру. Перекрестившись, я простеръ руки и осязалъ человѣка, и въ испугѣ сотворилъ молитву, на которую житель пещеры отвѣтилъ: аминь. Я палъ къ его ногамъ. «Зачѣмъ ты пришелъ сюда и чего тебѣ нужно?» спросилъ незнакомецъ. «Прости меня, отецъ святый; я заблудился и пришелъ сюда; молю тебя, скажись надо мною и укажи мнѣ путь къ обители». Отшельникъ повелъ меня въ другую пещеру, въ которой съ южной стороны было окно, освѣщавшее внутренность. Тогда я рассмотрѣлъ незнакомца: онъ былъ нагъ, съ

малой бородой, тѣло его было черно. Въ пещерѣ поставлены четыре сошки; на нихъ положены двѣ доски и два корытца, въ одномъ вода, въ другомъ моченая трава. Пустынникъ далъ мнѣ отвѣдать травы и напоилъ водою. Вкусивъ предложеннаго, я ощутилъ въ себѣ бодрость и крѣпость силъ. Тогда я просилъ старца повѣдать мнѣ житіе его. «Я былъ трудникъ Соловецкаго монастыря; имя мнѣ Андрей,—такъ началъ свою повѣсть пустынникъ,—пришедши въ Соловецкую обитель, я трудился въ Сосновой, вываривая соль. Игуменомъ въ то время былъ Варлаамъ (1571—1581 г., въ послѣдствіи ростовскій митрополитъ). Вскорѣ мысль о грѣхахъ пробудилась во мнѣ; породилось желаніе, оставивъ все, подвизаться для Бога. Ни мало не отлагая, я пошелъ въ пустыню, нашелъ это мѣсто, выкопалъ пещеру и поселился въ ней. Томился я голодомъ и жаждою; питался ягодами и грибами, много разъ терпѣлъ наводненія бѣсовскія, бѣшенія, ругательства, болѣзней; боролся съ помыслами, какъ съ лютыми звѣрями. Не разъ раскаявался, что ушелъ въ пустыню, считая безплоднымъ свое отшельничество. Неоднократно даже оставлялъ пещеру, чтобы идти въ міръ. Но раздавался громъ небесный, проливался дождь, и я принужденъ былъ возвратиться въ пещеру. Здѣсь тихая прокладка успокаивала меня. Иногда поднимался я изъ пещеры зимою; но страшный морозъ, отъ котораго сокрушались мои кости, не давалъ мнѣ возможности отойти на пять шаговъ. Три года продолжалась эта тяжелая борьба. Послѣ трехлѣтнихъ искушеній для меня настало спокойствіе, и прекратились всѣ непріязненные нападенія. Тогда явился ко мнѣ нѣкто святообразный и сказалъ: «мужайся; не оставляй пути къ Богу, указаннаго тебѣ». Онъ далъ мнѣ эту траву, говоря: «питайся ею и пей воду изъ этого озера». И вотъ я 38 лѣтъ питаюсь этою травою». Выслушавъ этотъ рассказъ, я упалъ къ ногамъ старца, прося его молитвъ. Андрей вывелъ меня изъ пещеры, указавъ путь къ обители и, благословивъ, сказалъ: «иди съ миромъ и никому не говори слышаннаго отъ меня, пока я живъ». Я пошелъ и мнѣ показалось, что до монастыря было не болѣе полуверсты. Спустя нѣсколько времени, Василій съ другимъ ученикомъ Іосифа—

Даміаномъ, отпавились отыскивать пещеру Андрея; но, пройдя цѣлую недѣлю, не нашли ни дебри, ни горы, ни пещеры.

Повѣсть Василя глубоко запала въ душу Даміана. Онъ жаждалъ отшельнической жизни; жаждалъ бесѣды съ подвижниками пустыни, вѣдомыми одному Богу, а потому въ пустынныхъ мѣстахъ острова провелъ сорокъ дней въ поискахъ пустыннолюбцевъ. Наконецъ силы его изнемогли, и онъ, едва дышущій, легъ подъ дерево. Здѣсь нашли его Соловецкіе иноки, положили на носилки и, принеся къ монастырскому подворью, призвали духовнаго отца. «Что съ тобою, Даміанъ?» спрашивалъ духовникъ. «Прости меня, отецъ; съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ монастыря, не видалъ хлѣба, а питался только травою». Тогда дали ему хлѣба, и Даміанъ оправился. Опять пробудилось въ немъ желаніе отыскать отшельниковъ. Послѣ усердной молитвы къ Богу и Преподобнымъ Зосимѣ и Савватію, онъ вышелъ изъ обители и въ этотъ разъ нашелъ многихъ пустытниковъ, подвизавшихся на Соловецкомъ и Анзерскомъ островахъ: это были старецъ Ефремъ черный и мірянинъ Никифоръ повгородецъ; потомъ Алексѣй калужанинъ, Іосифъ и Тихонъ москвитянинъ, Θεодулъ рязанецъ, Порфирій, Трифонъ, Іосифъ младый, Севастіанъ и многіе другіе. Сердечною любовію прильпился къ нимъ Даміанъ, началъ часто посѣщать ихъ и приносить имъ нужное изъ обители. Когда умиралъ кто либо изъ нихъ, то онъ своими руками совершалъ погребеніе. Во время такихъ трудовъ встрѣтилъ его однажды пустыжникъ Никифоръ. «Посѣщай, Даміанъ, чтобы и самъ ты былъ посѣщенъ отъ Бога», сказалъ отшельникъ и скрылся. Даміанъ напелъ въ пустынь Тимофея, который во время смуты самозванцевъ, оставивъ въ Алексинѣ домъ родительскій, приплылъ изъ Архангельска на островъ въ малой лодкѣ, выстроилъ себѣ хижину и поселился въ ней. Подобно Андрею онъ питался травою.

Даміанъ пожелалъ подражать примѣру отшельниковъ, выстроилъ себѣ уединенную келью и удалился туда на безмолвіе. Но здѣсь посѣтило его тяжкое искушеніе. Однажды служившій Даміану братъ, придя навѣстить его, сотворивъ мо-

литву, не получилъ отвѣта. Инокъ отворилъ дверь и нашелъ Даміана едва живымъ, всего распухшимъ. Пустынника перевезли въ монастырскую больницу, гдѣ онъ пробылъ полгода, подъ надзоромъ опытныхъ старцевъ. Но лишь только Даміанъ оправился, рѣшился искать иного мѣста для уединенной жизни. На малой лодкѣ онъ пустился въ море и поселился на Онегѣ. Здѣсь звѣроловы тяжело избили его; но, оправившись, пустынникъ пошелъ отсюда за озеро Бодло и вблизи острова на Юрьевой горѣ водрузилъ крестъ и поставилъ себѣ келью, гдѣ и провелъ семь лѣтъ. Даміанъ, въ схимѣ Діодоръ *), началъ строить здѣсь храмъ во имя Св. Троицы и, положивъ основаніе обители, скончался ноября 27 дня 1633 года.

Кромѣ этихъ пустынниковъ въ дикомъ лѣсу Соловецкаго острова, преданіе называетъ многихъ другихъ подвижниковъ, искавшихъ спасенія въ самомъ строгомъ безмолвіи. Таковъ былъ Адріанъ, жившій близъ озера въ самой серединѣ острова, въ двухъ верстахъ отъ кельи, выстроенной игуменомъ Ирипархомъ, и проводившій строгую подвижническую жизнь; здѣсь онъ скончался и погребенъ въ пустынь. Мірянинъ Савва, бывшій въ числѣ труждающихся въ обители, удалился въ лѣса на Соловецкомъ островѣ и подвизался одинадцать лѣтъ, вѣдомый только единому Богу. По смерти же, въ игуменство Рафаила, онъ былъ погребенъ близъ Даміановой кельи (1633—1636). Подлѣ Саввинской кельи отпелывалъ монахъ Иесторъ, день и ночь подвизаясь въ молитвѣ и постѣ. По смерти онъ также погребенъ близъ Даміановой пустыни.

---

*) Діодоръ, по рукописному житію его, назывался въ мірѣ Діомидомъ; но, очевидно, это одно лицо съ Даміаномъ, о которомъ говорятъ Соловецкія записки. Въ житіи говорится, что онъ родомъ изъ Турпеовской волости, и 19 лѣтъ принесъ въ Соловки (Русскіе Святые, ноябрь 27 дн.).

ПУСТЫННИКЪ НИКИФОРЪ.

Приходъ въ монастырь.—Удаженіе въ пустыню.—Разсказъ пустынника.

Никифоръ, сынъ новгородскаго іерея, пришелъ въ обитель еще въ молодыхъ годахъ. Полюбилакъ ему иноческая жизнь. Онъ молилъ настоятеля постричь его; но юность и красота его заставили отклонить такое желаніе. Отказъ только усилилъ въ юнонѣ рвеніе къ иноческой жизни. Съ прїѣзжими изъ Новгорода онъ получилъ отъ своихъ родителей письмо, въ которомъ звали его скорѣе воротиться домой. «Скажите родителямъ», отвѣчалъ онъ подателямъ письма, «что они болѣе не увидятъ меня въ этой жизни: мы свидимся тамъ, за гробомъ». Никифоръ продолжалъ трудиться для монастыря съ другими, соблюдая строгій постъ; для сна онъ никогда не ложился, но сиди отдыхалъ немного. Въ часы досуга онъ любилъ читать житіе Марка Евразскаго: образъ этого пустынножителя глубоко впечатлѣлся въ немъ и влекъ его къ отшельнической жизни. Однажды, при всѣхъ, Никифоръ вскочилъ со стула, осыпалъ себя крестнымъ знаменіемъ, снялъ поясъ, сандалія, въ одной сѣрой свиткѣ побѣжалъ въ лѣсъ и пробылъ въ пустынѣ на Соловецкомъ островѣ 12 лѣтъ въ постѣ, молитвѣ и колѣнопреклоненіяхъ. Тогда одинъ пустынникъ постригъ его въ иночество. Проведя три года въ иноческихъ подвигахъ, онъ скончался въ 1605 году, въ недѣлю двѣтвенскую.

Были отшельники, коихъ имена остались вѣдомы одному Богу. Соловецкій инокъ, по нуждамъ обители ходя по острову, отъ усталости хотѣлъ отдохнуть подлѣ одной крутой горы. Сбираясь прилечь на землю, онъ перекрестился и вслухъ произнесъ Іисусову молитву; вдругъ съ высоты горы изъ разсѣлины онъ слышитъ: «аминь». Невѣря своему слуху, онъ въ другой и въ третій разъ произноситъ молитву и опять слышитъ тоже: «аминь» — «Кто ты» — въ изумленіи спрашиваетъ инокъ — «человѣкъ или духъ?» — «Я грѣшный человѣкъ», отвѣчаетъ невидимый, «и плачу о грѣхахъ». — «Какъ имя твое и какъ ты пришелъ сюда?» — «Имя мое, и какъ я пришелъ сюда, знаетъ одинъ Богъ». — «Одипъ ли ты здѣсь?» — «Подлѣ меня живутъ два старца; былъ и третій, по отошелъ къ Господу и мы похоронили его». — «Чѣмъ же вы питаетесь?» — «Вспомни, братъ, слова Господа: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ. Онъ питаетъ и грѣетъ внутренняго человѣка. Вспомни, какъ въ прежнее время преподобные мужи и жены обитали въ горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ. Создатель Богъ питалъ ихъ, и нынѣ не едины ли и тотъ же Богъ? Если хочешь узнать, чѣмъ Владыка питаетъ бренное мое тѣло, возьми это». Съ этими словами онъ сбросилъ кусокъ чего то, инокъ взялъ и ѣлъ. Это былъ бѣлый мохъ, стертый съ брусничною. «Вотъ чѣмъ питаетъ меня Владыка мой», сказалъ отшельникъ. Инокъ началъ молить его, чтобы онъ сказалъ, сколько лѣтъ на этомъ мѣстѣ и какъ проводилъ время. «И здѣсь десять или болѣе лѣтъ», отвѣчалъ отшельникъ; въ первый годъ пребыванія много и тяжело я страдалъ отъ страхованія бѣсовскаго. Юдѣи, являясь въ видѣ разбойниковъ, устрашали меня, били нещадно, тащили изъ кельи, требовали, чтобы я удалился съ острова, или ушелъ въ обитель. Измучивъ меня, оставляли едва живымъ. Тогда приходили ко мнѣ два святолѣнныхъ мужа, имѣя просфору въ рукахъ. Они говорили: встань, братъ, и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сотвори молитву Іисусову; не бойся козней вражійхъ, мужайся и крѣпись — и Богъ поможетъ тебѣ: вкуси отъ этой просфоры, мы будемъ тебя посѣщать. Лишь только вку-

шалъ я просфору, тотчасъ чувствовалъ себя здоровымъ и радостнымъ. Въ первый годъ, когда особенно нападали на меня демоны, старцы часто посѣщали меня, вносили меня въ хижину и укрѣпляли. На другой годъ нападенія демоновъ стали слабѣе, а теперь, благодатию Христовою, я безопасенъ отъ всѣхъ навѣтовъ вражїихъ. Но старцы иногда посѣщаютъ меня и приносятъ просфору и хлѣбъ». Когда инокъ прощался, пустынникъ просилъ его принести въ назначенный день ладону. Инокъ обѣщаль, но не успѣлъ исполнить въ определенное время, а потомъ уже не нашелъ пустынника. На другой годъ инокъ, однакоже, опять пришелъ на то мѣсто, гдѣ бесѣдовалъ съ пустынникомъ, и, утрудившись, легъ отдохнуть. Въ сонномъ видѣніи явился ему отшельникъ и, сказавъ: «теперь ты напрасно пришелъ», далъ ему просфору.

Такъ какъ число искавшихъ пустынной жизни становилось болѣе и болѣе, и они, подвизаясь безъ руководства духовныхъ отцевъ, опытныхъ во внутренней брани, могли впадать въ искушеніе, то для желающихъ уединенія въ это время устроился прїютъ скитской жизни, подъ руководствомъ Преподобнаго Елеазара Анзерскаго.

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

Пр. Ирипархъ Ирѣменъ Соловецкій

Пр. Саввадія Анзерскій

ПРЕПОДОБНЫЙ ИРИНАРХЪ, ИГУМЕНЪ СОЛОВЕЦКІЙ.

Добродѣтели.—Игуменство.—Подвижничество.—Грамота царя. — Преподобный Елеазаръ Анзерскій. — Кончина. — Явленія Виталію, Веніамину, Маркелу. — Исцѣленіе Іоанна.—Помощь жителямъ Двинскимъ, Вараужскимъ, Сумскимъ.

 преподобный Иринархъ, принявъ иноческое постриженіе въ Соловецкой обители, ревностно подражалъ добродѣтельной жизни Препод. отецъ Зосимы и Савватія. Высокія качества души его сдѣлали его извѣстнымъ царю и «свѣтильникъ» былъ поставленъ «на подвѣщникъ» (Матѳ. 5, 15). По смерти игумена Антонія, Иринархъ былъ поставленъ Соловецкимъ игуменомъ. Сколько заботъ и трудовъ предстояло Препод. Иринарху! Смиранный и кроткій, всегда погруженный въ богомыслие и занятый ипоческими подвигами, онъ въ тоже время, по волѣ царской, предпринималъ мѣры защиты отъ вѣншихъ враговъ—Шведовъ и Датчанъ, и приводилъ монастырь въ оборонительное состояніе. Въ Сумскомъ и Кемскомъ острогахъ сдѣланы новыя укрѣпленія; число военихъ людей на содержаніи монастыря увеличено до 1040. Но съ попеченіемъ о вѣншей безопасности обители Преподобный соединялъ заботливость и о внутреннемъ духовномъ преуспѣяніи ся. Будучи самъ примѣромъ подвижничества, онъ ревновалъ о поддержаніи въ подчиненныхъ ему инокахъ духа истиннаго монашества. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ вполне сочувствовалъ благимъ стремленіямъ игумена и своею грамотою, въ 1621

году, предписывалъ о неослабномъ наблюденіи за трезвенностію и безмолвіемъ братіи. „Какъ только придетъ къ вамъ наша грамота“, писалъ царь, „вы, богомольцы наши, введете строгій надзоръ и не допускайте исполнять свою волю тѣмъ, которые захотятъ жить слабо, уклоняться къ мірскимъ дѣламъ или держать (хмѣльное) питье, выходить изъ монастыря и творить молвы; строго надзирайте, чтобы братія и послушники жили по правиламъ св. отцевъ, а не по своимъ похотимъ, и усердно ходили бы въ церковь. Пусть новоначальные будутъ въ полномъ послушаніи у васъ, богомольцевъ нашихъ, игумена и извѣстныхъ старцевъ, а по самоволію ничего не дѣлали бы, безчинія въ обитель не вносили бы“. Подъ духовнымъ руководствомъ Препод. Иринарха образовалось нѣсколько истинныхъ рабовъ Божиихъ. Таковъ Препод. Елеазаръ, основатель Анзерскаго скита. Блаженный игуменъ не только далъ ему благословеніе завести на Анзерскомъ островѣ скитъ для любителей пустынной жизни, но и доставилъ ему средства для устройства скита и писалъ о немъ патріарху Филарету. Патріархъ прислалъ грамоту на постройку храма, а царь утварь для новаго храма.

Приготовляясь къ кончинѣ, Препод. Иринархъ испросилъ себѣ увольненіе отъ дѣлъ начальственныхъ и послѣдніе два года жизни провелъ въ совершенномъ безмолвіи. Онъ преставился 17 іюля 1628 года. Мощи его почиваютъ подъ снудомъ въ часовнѣ его имени.

Посмертныя явленія Преподобнаго Иринарха свидѣтельствовали о томъ, что онъ обрѣлъ благодать у Господа и сдѣлался молитвенникомъ за бѣдствующихъ и страждущихъ. Инокъ Виталій, любимый Преподобнымъ, по кончинѣ его скорбѣлъ и печалился, но былъ утѣшенъ слѣдующимъ знаменательнымъ видѣніемъ: въ 40-й день, когда братія совершали по усопшемъ обычное поминовеніе въ трапезѣ, инокъ, ночью того дня, въ тонкомъ снѣ увидѣлъ самого игумена Иринарха, который, съ свѣтлымъ лицомъ, въ епитрахили и съ кадиломъ въ рукѣ, ходилъ по рядамъ братіи и кадилъ. Иеромонахъ Веніаминъ также со скорбію и слезами вспоминалъ почившаго игумена,

и когда, послѣ продолжительной молитвы, легъ на одръ, ему показалось, что въ келью вошелъ самъ Преподобный Ирипархъ, благословилъ его и сказалъ: «сынъ мой, зачѣмъ скорбишь о мнѣ? я получилъ милость отъ Владыки Христа, Бога нашего, и нахожусь въ покоѣ; ты же не печалься, а радуйся обо мнѣ и старайся о своемъ спасеніи». Съ этими словами Преподобный сталъ невидимъ, а сердце Веніамина исполнилось радостію. Въ 1636 году, въ игуменство Вареоламея, Маркеллъ, впослѣдствіи Соловецкій игуменъ и архіепископъ вологодскій, находясь въ монастыря на послушаніи, увидѣлъ во снѣ, будто стоитъ въ Преображенскомъ соборѣ обители у западной стѣны, а предъ царскими вратами лѣстница, достигающая большой главы. Игуменъ Ирипархъ, сойдя по той лѣстницѣ, направился къ игумену Вареоламею, взялъ посохъ изъ рукъ его и сказалъ: «довольно, братъ, не твое это дѣло»; потомъ, взглянувъ на Маркелла, произнесъ: «подойди и возьми этотъ посохъ». Маркеллъ приблизился, взялъ посохъ, — и видѣніе окончилось.

Въ 1642 году, въ мартѣ, благочестивый трудникъ въ монастырской кузницѣ, Іоаннъ Емельяновъ, послѣ продолжительной молитвы въ своемъ чуланѣ, задремалъ и увидѣлъ во снѣ, что приползъ изъ дверей змѣй и укусилъ его въ руку. Въ самомъ дѣлѣ, на одномъ пальцѣ оказалась язва, рука начала пухнуть и отекала такъ, что владѣть ею было невозможно. На третью ночь опять увидѣлъ Іоаннъ во снѣ, что къ нему вошли два старца; одного онъ тотчасъ узналъ, — это былъ Преподобный Ирипархъ, а другой, съ сосудомъ и кистью въ рукѣ, остался неизвѣстенъ. Ирипархъ, благословивъ больного, взялъ у своего спутника кисть и окропилъ распухшую руку Іоанна. Проснувшись, больной нашелъ платокъ, которымъ была обвязана рука, мокрымъ. Скоро Іоаннъ совершенно выздоровѣлъ и прославилъ угодника Божія.

Препод. Ирипархъ не разъ помогалъ жителямъ суроваго сѣвера въ борьбѣ ихъ съ природою. Такую помощь получили отъ него въ 1629 году жители Двинской страны, промышлявшіе въ морѣ. Сильнымъ вѣтромъ занесло суда ихъ въ море.

гдѣ они и плавали во льдахъ много дней. Бѣдствующіе усердно молились Богу объ избавленіи отъ гибели. Когда настала ночь, одному изъ кормчихъ явился во снѣ старецъ въ священническомъ облаченіи, украшенный длинною сѣдою бородою, съ крестомъ въ рукѣ. „Встаньте“, сказалъ онъ, „молитесь Богу, призывайте на помощь Соловецкихъ Чудотворцевъ, и Господь вскорѣ окажетъ вамъ милость“. Послѣ этого, онъ осѣнилъ всѣхъ крестомъ и на вопросъ: «кто онъ и откуда»? отвѣчалъ: „я игуменъ Соловецкаго монастыря Иринархъ“. Кормчій, проспавшись и поглядѣвъ около себя, никого не видалъ. Въ ту же ночь Преподобный явился и на другомъ суднѣ, повелѣвалъ не унывать, но уповать на милость Божию, назвался Иринархомъ и своимъ посохомъ указалъ путь къ Анзерскому острову. Это видѣніе укрѣпило ослабѣвшихъ промышленниковъ. Вскорѣ вѣтеръ, перемѣнивъ направленіе, попесъ одно судно къ берегу, гдѣ плователи нашли на льду множество морскихъ звѣрей и возвратились домой съ богатою добычею; а другое судно пристало къ Анзерскому острову, и плывшіе на немъ, хотя и безъ добычи, возвратились домой, сохранивъ свою жизнь отъ опасности.

Подобнымъ образомъ жители Варзуги весною плавали въ морѣ для добычи морскихъ звѣрей и, не имѣя успѣха въ промыслѣ, возвращались домой. Встрѣтивъ большую льдину, они вытащили на нее свои суда и спокойно легли спать. Во снѣ одному изъ нихъ явился старецъ и сказалъ: „вставайте, Богъ дастъ вамъ добычу“. Промышленникъ, проспавшись, увидѣлъ близъ судна старца, который на вопросъ: «кто онъ»? назвалъ себя Соловецкимъ игуменомъ Иринархомъ и сталъ невидимъ. Товарищи, разбуженные имѣвшимъ видѣніе, выскочили изъ судовъ своихъ и нашли на льду чрезвычайное множество морскихъ звѣрей. Изловивъ ихъ, они возвратились домой, прославляя угодника Божія.

Жители Сумскаго острога, промысля въ морѣ на 15 судахъ, пристали у Анзерскаго острова къ льдинѣ, на которой, вытащивъ свои суда, легли спать. Оставленный ими сторожъ, задремавъ, вдругъ услышалъ голосъ: «зачѣмъ спишь?

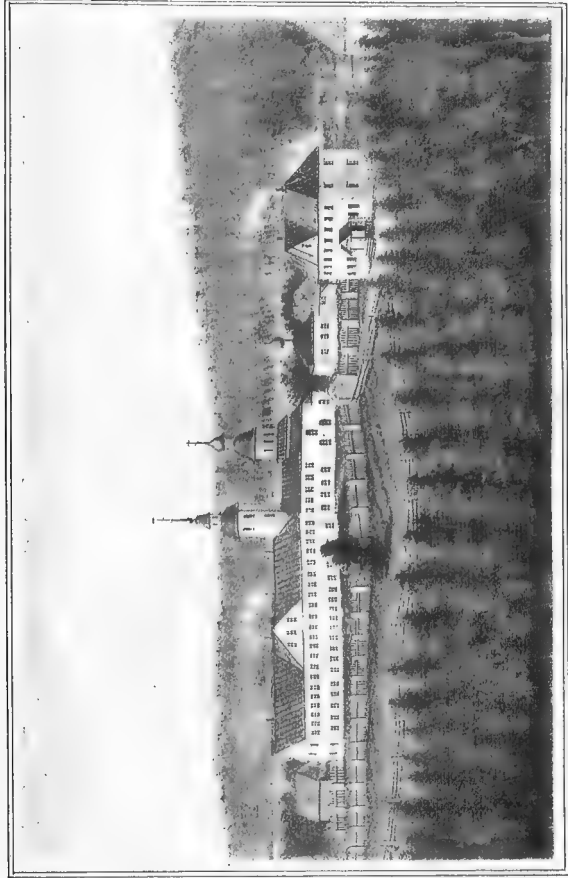
вставайте и влеките суда свои дальше на ледъ». Проснувшись, онъ увидѣлъ предъ собою высокаго ростомъ старца, который, назвавъ себя Соловецкимъ Ирипархомъ сталъ невидимъ. Но сонъ одолѣвалъ сторожа. Опять явился ему старецъ и вскричалъ: „вставайте, ваши суда повредить льдомъ“. Между тѣмъ на морѣ поднялась великая буря. Тогда сторожъ поспѣшилъ разбудить товарищей, которые едва успѣли оттащить свои суда дальше на ледъ; нѣкоторыя снасти были уже унесены волнами.

ПРЕПОДОБНЫЙ ЕЛЕАЗАРЬ, основатель Троицко-Анзерскаго скита.

Происхождение. — Монашество — Отшельничество на Анзерскомъ островѣ. — Испытанія. — Схи́ма. — Начало скита. — Подвижничество. — Замѣчательные случаи — Построеніе деревяннаго храма. — Строительство Елеазара. — Дружество съ Препод. Иринеархомъ. — Извѣстность Царю. — Царская грамота 1633 года — Ученики Елеазара. — Забота объ устройствѣ каменнаго храма. — Понеченіе патріарха Никона о скитѣ. — Опыты духовной жизни Елеазара. — Кончина. — Явленія и чудеса. — Наставленіе инокамъ о постриженіи, келейномъ правилѣ, причащеніи св. Таинъ, погребеніи. — Поученіе въ сп. Четырехдесятины. — Состояніе скита по смерти Елеазара. — Строители Никодимъ и Романъ. — Причисленіе къ Соловецкому монастырю. — Строитель Спиридонъ. — Обрѣтеніе женой Препод. Елеазара. — Игуменъ Мельхиседекъ. — Настоящее состояніе скита

реподобный Елеазаръ почитается благоустроителемъ пустынной жизни на Соловецкихъ островахъ. До него отшельники проводили жизнь уединенную на избранныхъ мѣстахъ, а со времени основанія имъ скита собрались къ нему, такъ что Троицко-Анзерскій скитъ сдѣлался разсадникомъ, въ которомъ воспитывались любители пустынной жизни.

Препод. Елеазаръ родился въ городѣ Козельскѣ, калужской губерніи, въ концѣ XVI вѣка. Родители его, по фамиліи Севрюковы, были купческаго званія и отличались особеннымъ благочестіемъ. Въ молодыхъ годахъ обнаружилась въ Елеазарѣ склонность къ иноческой жизни. Набожные родители не хотѣли препятствовать доброму намѣренію сына и дали ему свое благословеніе. Прибывъ въ Соловецкій монастырь, Елеазаръ былъ принятъ въ число братства Препод. игуменомъ Иринеархомъ, и съ усердіемъ и ревностію занялся рѣзнымъ

СВЯТО-ТРОИЦКІЙ СКИТЪ НА АНЗЕРСКОМЪ ОСТРОВѢ.

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

дѣломъ въ Преображенскомъ соборѣ. Строгимъ постомъ, постоянствомъ въ молитвѣ, глубокимъ вниманіемъ къ самому себѣ, послушникъ приобрѣлъ уваженіе братіи и любовь игумена и былъ постриженъ въ монашество.

Не ища славы человѣческой и стремясь къ большимъ подвигамъ, Елеазаръ, по благословенію Преподобнаго Иринарха, оставилъ обитель и удалился на Анзерскій островъ, отдѣленный отъ Соловецкаго на сѣверъ проливомъ въ 4 версты. Въ то время этотъ островъ былъ необитаемъ; только изрѣдка приставали къ нему бѣломорскія суда и монастырскіе промышленники, занимавшіеся рыбною и звѣриною ловлею. Среди острова возвышается чрезвычайно крутая гора, называемая теперь Голгоою. Съ вершины ея въ ясный лѣтній день открывается величественный видъ на необъятное пространство морскихъ водъ, на немалую часть острововъ Соловецкаго и Муксалъмскаго, берега твердой земли, островъ Жигжигъ. Весь Анзерскій островъ, съ его холмами, покрытыми густымъ сосновымъ и березовымъ лѣсомъ, съ его озерами разной величины, находится какъ бы подъ ногами.

Елеазаръ, плѣненный мѣстоположеніемъ, поселился около озера, называемаго «Круглымъ». Первымъ дѣломъ его было водрузить деревянный, сдѣланный имъ самимъ, крестъ, близъ котораго онъ устроилъ убогую хижину. Жизнь, въ сосѣдствѣ однихъ только звѣрей и морскихъ птицъ, сначала была для пустытника весьма тяжела. Много разъ онъ испытывалъ дьявольскія страхованія. Такъ, демоны представлялись ему то въ образѣ знакомыхъ людей, то въ образѣ воиновъ, пѣшихъ и конныхъ, иногда съ оружіемъ; они яростно устремлялись на Елеазара, какъ бы намѣреваясь убить, и говорили: «зачѣмъ сюда пришелъ? Это наше мѣсто и никто до сего времени не приходилъ сюда». «Не ваше», говорилъ имъ пустыжникъ, «но Христа Бога моего, и Богу угодно, чтобы я здѣсь жилъ», потомъ читалъ: «да воскреснетъ Богъ»—и этою молитвою прогонялъ пезванныхъ посѣтителей. Иногда они являлись въ различныхъ страшныхъ образахъ, со скрежетомъ зубовъ и воплемъ; бывало и такъ, что вдругъ надъ кельей его раздастся

какъ будто громъ или выстрѣлъ изъ многихъ орудій. Но Богъ утѣшилъ подвижника радостнымъ видѣніемъ: въ одно время, когда онъ сидѣлъ въ своей кельѣ, явилась предъ нимъ Пресвятая Богородица и сказала: «ужайся и крѣпись, Господь съ тобою; напийся на стѣнахъ кельи: Христосъ съ нами уставися» *). Подавъ ему трость и четки, Царица Небесная сдѣлалась невидима. Въ другой разъ онъ слышалъ пѣніе: «вознесу тя, Господи Боже мой, яко подъялъ мя еси и не возселилъ еси враговъ моихъ о мнѣ», и присовокунилъ: «буди имя Господне благословенно отнынь и до вѣка».

Для снисканія себѣ пропитанія, а также для упражненія въ трудѣ, пустынный занимался дѣланіемъ деревянныхъ чашекъ, которыя ставилъ у морской пристани: мореплаватели, находя эти чашки, охотно брали съ собою, оставляя въ замѣнъ ихъ хлѣбъ и другіе съѣстные припасы. Черезъ нѣсколько времени, въ 1616 году, инокъ Елеазаръ встрѣтился въ пустынѣ съ такимъ же подвижникомъ, Соловецкимъ іеромонахомъ Опрсомъ, и принялъ отъ него постриженіе въ схиму. Съ принятіемъ схимы, пустынный увеличилъ свои подвиги, и перешелъ на другое мѣсто жительства, къ морской губѣ, называемой нынѣ Троицкою, вдающейся въ островъ на двѣ версты. Здѣсь онъ нашелъ ветхую часовню, которую перестроилъ своими руками. Келейнымъ занятіемъ его было по прежнему приготовленіе деревянныхъ чашекъ.

Мало по малу молва объ Анзерскомъ пустынникѣ распространилась по Бѣломорскому берегу и къ нему собралось нѣсколько ревнителей безмолвія и уединенія. Елеазаръ не рѣшился удалиться отъ людей, ищущихъ, подобно ему, душевнаго спасенія, и составилъ изъ нихъ небольшое братство пустынножителей.

Препод. Елеазаръ ввелъ для сподвижниковъ древній порядокъ пустынной жизни. Каждый пустынный имѣлъ особую келью, не въ дальнемъ разстояніи отъ другихъ, пребывавъ въ

---

*) У Анзерскихъ подвижниковъ и доселѣ есть обычай писать эти слова на своихъ дверяхъ.

ней въ постѣ и молитвѣ, занимаясь какимъ либо рукодѣльемъ для своего пропитанія, никого не принималъ къ себѣ и самъ не ходилъ, кромѣ собранія на общую молитву. Общая молитва совершалась или въ часовнѣ, или въ кельѣ Препод. Елеазара: свечера отправляли вечерню, читали псалтирь, пѣли каноны Господу Іисусу и Пресвятой Богородицѣ, исповѣдывали свои помышленія и грѣхи наставнику; утромъ служили литію, утреню, часы, и затѣмъ подвижники уходили на безмолвіе въ свои кельи. Препод. Елеазаръ былъ примѣромъ подвижничества для всѣхъ учениковъ: умерщвляя свое тѣло постомъ, бдѣніями и коленнопреклоненіями, онъ имѣлъ на себѣ желѣзные вериги, рубилъ дрова, носилъ воду. Время, свободное отъ этихъ трудовъ, онъ употреблялъ на переписку полезныхъ книгъ: «отъ многого божественнаго писанія», сказано о немъ во вкладной скитской книгѣ, «различныя повѣсти собора, и три книги Цвѣтника своею рукою написа уставомъ, также и чинъ монашескаго келейнаго правила въ писаніи добрѣ истолкова; братіи своей патерикъ о уставѣ и благочиніи скитскомъ положи, и старчество и инии книги своею рукою написа. «Какъ Преподобный умѣлъ побуждать свои пожеланія, показываетъ слѣдующее повѣствованіе жизнеописателя его: случалось, что ему приходило на мысль вкусить рыбы; онъ приготовлялъ ее, ставилъ предъ собою и, не дотрогиваясь, укорялъ себя въ невоздержаніи. Нетронутая пища, оставаясь въ кельи, разлагалась,—тогда подвижникъ говорилъ себѣ: «ѣшь теперь, если хочешь».

Не терпя такихъ подвиговъ самоотверженія, врагъ искуситель усиливалъ свою злобу на Преподобнаго. Соловецкій игуменъ Ирinarхъ, глубоко уважая Елеазара, нерѣдко и самъ посѣщалъ его для духовной бесѣды, и приглашалъ чрезъ слугу къ себѣ въ монастырь. Однажды является этотъ слуга съ лошадыю, заложеною въ сани; подскочивъ къ окну кельи, онъ передалъ отъ игумена поклонъ и приглашеніе пріѣхать въ монастырь. Елеазаръ началъ собираться въ путь и раньше обыкновеннаго совершилъ утреннее молитвенное правило. Замятивъ, что посланный часто уходитъ изъ кельи во время

службы, онъ спросилъ его: «зачѣмъ такъ часто отлучаешься изъ кельи?» — «Лошадь посматриваю, не смирно стоитъ», — былъ отвѣтъ. По окончаніи молитвы, Елизаръ хотѣлъ предъ отѣздомъ вкусить пищи и угостить пріѣзжаго, и предъ вкушеніемъ, по обычаю, сталъ читать молитву Господню, но лишь только произнесъ: — „и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго“, мнимый слуга мгновенно исчезъ. Съ ужасомъ подвижникъ взглянулъ въ окно, но на дворѣ не оказалось даже и слѣдовъ пріѣзжаго. Тогда онъ понялъ, что это было искушеніе отъ діавола, и возблагодарилъ Господа Бога, не допустившаго посмѣяться надъ нимъ врагу. Иногда врагъ человѣческаго рода воздвигалъ на Преподобнаго злыхъ людей. Такъ, однажды онъ положилъ на сердце нѣкоторымъ береговымъ жителямъ ограбить подвижника, внушивъ имъ мысль, будто у него большія богатства. Эти люди приплыли къ острову и приблизились къ бѣдной кельѣ старца, который, предугадывая намѣреніе ихъ, обратился съ молитвою о защитѣ къ Богу. Злодѣи, не успѣвъ ничего сдѣлать, какъ бы обезумѣли и стали несмысленно кружиться около кельи. Сжалившись надъ ними, Преподобный Елеазаръ вышелъ къ нимъ и спросилъ: „зачѣмъ, дѣти, вы пришли и чего хотите?“ Но несчастные не отвѣчали и продолжали кружиться. Тогда подвижникъ молилъ Бога о разрѣшеніи пришельцевъ отъ невидимыхъ узъ и молитва его была услышана; очнувшись, злодѣи приняли въ себя и съ раскаяніемъ просили у старца прощенія. Преподобный простилъ ихъ и, наставивъ никогда не желать чужой собственности, отпустилъ домой.

Какъ ни убѣгалъ подвижникъ славы человѣческой, но онъ сдѣлался извѣстенъ даже царствующему дому. Игуменъ Иринархъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, находясь въ Москвѣ по дѣламъ монастыря, былъ принятъ родительницею царя, великою старицею Марѳою Ивановною. Въ бесѣдѣ съ нимъ старица спросила: «правда-ли, что на Анзерскомъ островѣ проживаютъ отшельники?» Когда игуменъ отвѣчалъ утвердительно, старица подала ему мысль объ устройствѣ для нихъ храма и пожертвовала для этой цѣли 100 рублей. Сами

Анзерскіе пустынники давно желали устроить себѣ храмъ Божій, но, не имѣя достаточныхъ средствъ, не знали какъ приступить къ дѣлу. Теперь они видѣли, что промыслъ Божій печется о нихъ, внушивъ такую мысль родительницѣ царя. Другое обстоятельство еще болѣе помогло Анзерскимъ пустынникамъ исполнить свое желаніе въ скоромъ времени. Одинъ старецъ, Александръ Булатниковъ, вносилъ въ преемникъ знаменитаго келаря Троицко-Сергіевой лавры, Авраамія Палицына, уважаемый царемъ и всею его фамиліею, зналъ лично Препод. Елеазара. Онъ, вмѣстѣ съ игуменомъ Иринархомъ, извѣщалъ патріарха Филарета объ устроеніи Анзерскаго скита и неимѣніи у пустынниковъ храма. Грамотою 18-го марта 1620 года патріархъ предписывалъ Соловецкому игумену Иринарху послать въ скитъ плотниковъ и срубить храмъ въ клѣтку, во имя Св. Троицы съ придѣломъ. Препод. Михаила Маленна, обѣщаясь прислать отъ себя образа, сосуды, облаченія, книги и все, что необходимо для богослуженія. Съ своей стороны царь, грамотою 20-го января 1621 года, повелѣвалъ Анзерскимъ пустынникамъ имѣть содержаніе отъ Соловецкаго монастыря, не вмѣшиваясь въ управленіе монастырскими угодами, быть въ послушаніи у Соловецкаго настоятеля и соборныхъ старцевъ, самоволія и безчинія не дѣлать, мірскихъ людей къ себѣ не принимать, всячески удаляясь молвы и смятенія.

Съ построеніемъ храма, Анзерскіе пустынники хотя не оставляли своихъ келій, но чаще стали собираться для общей молитвы. Иеромонахъ Варлаамъ совершалъ для нихъ богослуженіе и, въ качествѣ «строителя» скита, пользовался нѣкоторою властію надъ скитянами. Самъ Елеазаръ избѣгалъ начальствованія и оставался духовнымъ руководителемъ и совѣтникомъ братства. Но вскорѣ, въ 1624 году, вѣроятно по волѣ царя или патріарха, онъ долженъ былъ принять на себя бремя правленія, которое отягчилось для него потерей покровителя и друга—Соловецкаго игумена Иринарха. Какихъ духовныхъ даровъ достигли оба подвижника, обнаружилось въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: когда наступилъ для Иринарха смертный часъ, Елеазаръ, будучи въ своемъ скиту, сказалъ братіи:

«другъ мой и собесѣдникъ о Господѣ игуменъ Ирпнархъ сегодня умираетъ,—мнѣ надобно поспѣшить въ обитель, но уже не застану его въ живыхъ». Ирпнархъ же, на одрѣ смертномъ, предъ Соловецкою братіею произнесъ: «братъ мой духовный, Елеазаръ, сегодня отправляется изъ своего скита въ нашу обитель и желаетъ прибыть прежде моей кончины, но, по волѣ Божіей, уже не увидитъ меня въ живыхъ».

При новомъ Соловецкомъ игуменѣ Макаріѣ, грамотою 7-го февраля 1628 года, число братства въ Анзерскомъ скитѣ определено въ 12 человѣкъ и на это число повелѣно отпускать, чрезъ Соловецкій монастырь, изъ доходовъ Двинской области—на одежду по 2 р. на человѣка, на содержаніе по три четверти ржаной муки, по осьминѣ овса, солоду, по полуосьминѣ крупъ и толокна; на церковные расходы—пудъ воску, три ведра красного вина, 10 фунтовъ ладопа, на просфоры—по четверти пшеничной муки, и кромѣ того 5 р. на дрова. Благодаря такой заботливости царя Михаила Феодоровича, матеріальное положеніе Анзерскихъ пустынниковъ было обезпечено. Милостивое расположеніе царя къ Анзерскому скиту увеличилось еще болѣе со времени счастливаго событія въ царскомъ семействѣ. Въ бесѣдѣ съ Александромъ Булатниковымъ, царь выразилъ ему свою скорбь, что не имѣетъ по себѣ наслѣдника, прибавивъ: «кто бы могъ помолиться, чтобы Господь разрѣшилъ наше неплодіе?» «Есть, государь», отвѣчалъ старецъ, «въ твоей державѣ одинъ подвижникъ, котораго молитву, вѣрую, услышитъ Господь Богъ», и рассказалъ о жизни и подвигахъ Преподобнаго Елеазара. Благочестивый царь обрадовался этой вѣсти и послалъ просить пустынника въ Москву. Препод. Елеазаръ отправился. Въ первой же бесѣдѣ съ нимъ царь открылъ цѣль приглашенія его. Подвижникъ, утѣшая царя, сказалъ: «по вѣрѣ вашей Господь Богъ не оставитъ васъ безъ наслѣдника престола». Государь принялъ эти слова за предсказаніе и оставилъ старца въ Чудовомъ монастырѣ въ ожиданіи исполненія. Скоро Господь утѣшилъ царя, даровавъ ему сына Алексѣя (1629 г.). Рожденіе царевича принесло царскому дому радость и торжество. Не былъ забытъ при этомъ и Анзерскій пустынникъ, пре-

бывавшій въ Чудовомъ монастырѣ. Царь, призвавъ къ себѣ Елеазара, предлагалъ ему почести и чины духовныя, но смиренный подвижникъ отказался отъ лестныхъ предложеній, на-мѣреваясь окончить жизнь свою въ пустынномъ уединеніи.

Уважаая Анзерскаго строителя, царь хотѣлъ упрочить существованіе скита его, и грамотою 31-го іюля 1633 года объявилъ Анзерскій скитъ независимымъ отъ монастыря и разрѣшилъ пустынникамъ избирать строителей изъ своей среды, имѣть братію 12 человекъ и 2 мірянъ для рубки дровъ, провинившихся не посылать въ Соловецкій монастырь для исправленія, но смирять ихъ по своему усмотрѣнію. Соловецкому игумену предписывалось не вступаться въ управленіе скитомъ, не посылать туда строителей, не дѣлать пустынникамъ никакого притѣсненія и не препятствовать желающимъ изъ Соловецкой братіи переходить въ скитъ. А Двинскому воеводѣ особою царскою грамотою, того же 31-го іюля 1633 года, было повелѣно, подѣ опасеніемъ опалы, высылать въ Анзерскій скитъ, своевременно и сполна, назначенное содержаніе на казенныхъ подводахъ и судахъ, помимо Соловецкаго монастыря. Впрочемъ, зависть и недоброжелательство злыхъ людей причиняли скитянамъ не мало скорбей и безпокойствъ. 13-го іюля 1634 года пріѣзжали къ острову злоумышленники съ явною цѣлію грабежа, но въ то время приплыли къ устью губы поморскія ладьи, и воры, устранившись, бѣжали. По жалобѣ Препод. Елеазара, царь, грамотою 31-го января 1638 года, повелѣвалъ Сумскому воеводѣ охранять скитъ отъ разбойниковъ и недоброжелателей.

Въ это время скитское братство увеличилось нѣсколькими замѣчательными лицами. Въ 1634 году вступилъ въ скитъ Никодимъ, который сдѣлался любимымъ ученикомъ Препод. Елеазара и, по смерти его, занялъ мѣсто строителя. Сюда пришелъ, по стремленію къ строгому подвижничеству, московскій священникъ Никита. Скоро онъ принялъ монашеское постриженіе съ именемъ Никона. Пламенная душа Никона созрѣвала въ Анзерской пустынѣ въ подвигахъ поста и молитвы для будущихъ трудовъ церковнаго управленія въ званіи новгородскаго митрополита и потомъ всероссійскаго патріарха. Никонъ каждый

день прочитывалъ псалтирь, капоны Господу Іисусу и Божіей Матери, и клалъ 1000 поклоновъ. Но недолго этотъ новый подвижникъ служилъ назидательнымъ примѣромъ для скитскаго братства: промыслъ Божій видимо велъ его къ высшему служенію—и Никонъ переѣхалъ въ Кожеезерскую пустынь.

Прежняя церковь сдѣлалась тѣсною для умножающейся братіи, и Препод. Елеазаръ рѣшился построить каменный храмъ Знаменія Пресвятыи Богородицы, мѣрою въ 5 сажень. Средства, сбереженныхъ временемъ, оказывалось почти достаточно; но въ крайнемъ случаѣ имѣлась въ виду благотворительность пѣкаторыхъ изъ поморскихъ жителей. Пустынники повергли предъ царемъ новую просьбу о разрѣшеніи устроить каменный храмъ и вскорѣ получили разрѣшеніе. Благодетельный царь, принявъ живое участіе въ дѣлѣ, начинающемъ къ славѣ Божіей, предписалъ двинскому воеводѣ, князю Львову, отпустить изъ таможенныхъ сборовъ на это строеніе двѣсти рублей, съ тѣмъ, чтобы Анзерскіе пустыnnики молились Богу за упокой души родителя его, патріарха Филарета. Мало того, царь повелѣлъ Львову посылать въ скитъ строителей съ рабочими людьми, опытными въ каменномъ дѣлѣ. Соловецкому же игумену Варооломею, въ грамотѣ 12-го января 1638 года, было приказано дать съ монастырскаго завода для предполагаемаго строенія кирпичъ и известъ, съ платою изъ суммъ, принадлежащихъ Анзерскому скиту, т. е. пожалованныхъ царемъ и имѣющихся въ сборѣ.

Но доброму намѣренію не суждено было исполниться въ скоромъ времени. Соловецкому игумену Варооломею не пришлось дѣло, задуманное Елеазаромъ, а потому онъ донесъ въ Москву, что Анзерскій строитель начинаетъ церковное строеніе не по средствамъ и въ монастырѣ нѣтъ въ готовности матеріаловъ. Хотя Варооломей въ слѣдующемъ году оставилъ настоятельство, но строеніе каменной церкви замедлилось на неопредѣленное время. Преподобному Елеазару пришлось испытать много неприятностей и огорченій. Не смотря на это, онъ не унывалъ и не оставлялъ своего намѣренія. Черезъ восемь лѣтъ новый случай помогъ ему приступить къ начатому дѣлу. Алектѣй Михайловичъ, вступивъ на престолъ по кончинѣ родителя

своего, вспомнилъ объ Анзерскомъ пустынникѣ, предсказавшемъ нѣкогда рожденіе его, и пожелалъ видѣть его. Преподобный, не смотря на старческую дряхлость, отправился въ столицу и былъ милостиво принятъ государемъ. Царь вручилъ ему подтвердительную ружную грамоту 11-го февраля 1646 года, а Соловецкому игумену Иліи повелѣлъ по предположенной мѣрѣ выстроить въ скитѣ каменную церковь и донести въ приказъ большого дворца боярину князю Львову, во что обойдется строеніе. Теперь, казалось, всѣ препятствія были устранены; тѣмъ не менѣе игуменъ Илія не приступалъ къ постройкѣ, пока не получилъ подтвержденія о царской волѣ отъ двинскаго воеводы, князя Ромодановскаго. Между тѣмъ, негодую на Елеазара, онъ успѣлъ выдержать его нѣкоторое время въ Соловецкомъ монастырѣ въ заключеніи.

Наконецъ подвижникъ имѣлъ утѣшеніе не только видѣть успѣшное строеніе храма, но и лично заправлять постройкою, участвуя во всѣхъ трудахъ братіи. Такъ, когда раннею весною не было доставлено изъ Соловецкаго монастыря достаточное количество кирпича и рабочіе оставались безъ дѣла, Препод. Елеазаръ, не смотря на ледъ; носившійся въ морѣ, самъ съ нѣсколькими людьми отправился на суднѣ въ монастырь. Нагрузивъ ладью кирпичемъ и известью, пловцы на обратномъ пути были затерты льдомъ. Опасность была великая, но Преподобный, не теряя присутствія духа и упованія на Бога, взялся за руль и спасъ всѣхъ отъ явной гибели. При усердныхъ трудахъ Елеазара и его сподвижниковъ, скитскій каменный храмъ, съ трапезою и кельями для пустынниковъ, устроился, но освященъ былъ уже по кончинѣ строителя.

Въ то время, когда Анзерскій пустынникъ изнемогалъ подъ бременемъ заботъ и лѣтъ, прежній его сподвижникъ, Никонъ митрополитъ новгородскій, а впоследствии всероссійскій патріархъ, былъ ему помощникомъ и утѣшителемъ. Помня Анзерскій скитъ, въ которомъ принялъ постриженіе, Никонъ почти каждую свою грамоту Соловецкимъ властямъ заканчивалъ припискою: «да пожалуйте Бога ради и нашего ради прошенія, Анзерскихъ старцевъ жалуйте и берегите»; или: «да

поберегите Анзерскихъ старцевъ, строителя и братію, а мы, елика сила напѣа будеть, ради вамъ помогать». Всякую просьбу бывшаго своего наставника, Елеазара, Никонъ старался исполнить съ точностію. Такъ, въ грамотѣ Соловецкому архимандриту Иліи, 1651 года, митрополитъ писалъ: «бѣя челоуѣмъ Живоначальныя Троицы Анзерскія пустыни строитель старецъ Елеазаръ съ братіею, чтобъ къ нимъ въ Анзерскую пустыню изъ Соловецкаго монастыря отпустить велѣтъ большичнаго старца Кирика; и какъ къ тебѣ сія напѣа грамота придетъ и ты бы въ Анзерскую пустыню большичнаго старца Кирика отпустилъ». Сдѣлавшись же патріархомъ, Никонъ еще съ большею любовію благотворилъ Анзерскому скиту. Грамотою 29-го апрѣля 1655 года онъ извѣщалъ, что, по ходатайству его, государь повелѣлъ увеличить жалованье Анзерскому скиту и давать по пуду ладону, по три пуда воску, по 5 ведръ церковнаго вина, по четыре четверти пшеничной муки на просфоры, строителю и братіи прибавить по рублю, отпускать денежную выдачу и вновь прибывшимъ пяти инокамъ. Выѣстъ съ тѣмъ патріархъ и отъ себя препроводилъ милостыню — Елеазару два рубля, и 11 челоуѣкамъ братіи, каждому по рублю. Въ другой разъ патріархъ послалъ въ скитъ серебряные оклады на иконы, вѣсомъ 7 ф. 80½ зол., 250 рублей деньгами, 11 осетровъ для братіи и бѣлугу для Елеазара, прося молитвъ соборныхъ и келейныхъ.

Среди разнообразныхъ заботъ о благоустроеніи своего скита Препод. Елеазаръ приближался къ кончинѣ и созрѣвалъ для вѣчности. Опыты своей духовной жизни онъ изложилъ въ рукописи и сохранилъ ихъ на память нищущимъ спасенія.

«Въ одно время стою я предъ образомъ Христа Спасителя и со слезами молюсь, говоря: Владыко Христе, Царь и Создатель мой! Что воздамъ за Твою ко мнѣ милость? Ничто же благо сотворихъ предъ Тобою»,—и вижу, какъ бы голубъ прикоснулся къ моему лицу и, сказавъ: «Богу принесу слезы твоя», сталъ невидимъ. Послѣ сего возрадовалась душа моя».

«Когда скончался у насъ братъ Тихонъ, другой братъ, также Тихонъ, взялъ себѣ двѣ книги, принадлежавшія умер-

шему. Настало время вечерней молитвы. Братія собралось въ церковь только еще четыре человека. Вдругъ я замѣтилъ надъ главами иноковъ пѣкую силу Божию въ видѣ голубинѣ, но у Тихона этого не было. Много дивился я, не понимая тайны. Но вскорѣ провинившійся подошелъ ко мнѣ, и, съ умилениемъ каясь въ проступкѣ, испросилъ себѣ прощеніе».

«Когда меня угнетали многія скорби, такъ что я близокъ былъ къ мысли оставить Анзерскій скитъ, мнѣ неоднократно слышался невѣдомый голосъ: «не бойся, Господь съ тобою». или: «въ терпѣніи вашемъ стяжите души вани» (Іук. 21, 9). или: «вы, сильніи, немощи немощныхъ носите» (Римл. 15, 1). Такимъ явленіемъ я не вѣрилъ, чтобы не впасть въ прелесть вражію. Но невѣріе мое исчезло при слѣдующемъ явленіи: стою я въ келіи и смотрю въ окно; въ это время внезапно представилось мнѣ, будто на полуденной сторонѣ разразился страшный громъ и послышались Евангельскія слова укоризны: «о роде невѣрный и развращенный, доколѣ буду съ вами, доколѣ терплю вы?» (Матѣ. 17, 17).

«Въ тоже скорбное для меня время, было мнѣ слѣдующее видѣніе: стою я будто въ какой то прекрасной долигѣ. Пѣкто подошелъ ко мнѣ и, указавъ на небо, сказалъ: посмотри! Взглянувъ, я увидѣлъ по всему небу необыкновенно свѣтлый лучъ, подобный радугѣ. Немного спустя, незнакомецъ снова сказалъ: подними еще взоръ свой къ небу. Я повиновался и узрѣлъ среди неизреченнаго свѣта образъ Господа Іисуса Христа, Пресвятой Богородицы, Іоанна Предтечи и двухъ Апостоловъ. Наконецъ невѣдомый мнѣ свѣтоносный юноша въ третій разъ произнесъ: возри еще къ небу! Я опять поднялъ взоръ и на этотъ разъ увидѣлъ Нерукотворенный образъ Христа Спасителя, величія необычной. Затѣмъ незнакомецъ, упрекнувъ меня въ малодушіи и недостаткѣ терпѣнія ради Того, Кто все претерпѣлъ за насъ, сталъ невидимъ».

«Однажды, по своему обыкновенію, я совершилъ въ келіи краткую молитву Іисусову и полагалъ поклоны, а потомъ сталъ читать молитву ко Пресвятой Богородицѣ, говоря: Пресвятая Госпожа Владычице. Богородице, спаси меня грѣшника»

и вотъ внезапно является предо мною Пресвятая Богородица, въ сіяніи небесной славы, имѣя три свѣтлыя звѣзды—одну на главѣ и двѣ на раменахъ. Царица Небесная произнесла: «Елеазаръ, не переставай призывать Меня въ своихъ молитвахъ, и Я буду помогать тебѣ до исхода души твоей».

«Въ великомъ посту, въ одинъ недѣльный день, во время литургіи я сподобился видѣть Царицу Небесную стоявшею умиленно противъ своего образа, около лѣваго клироса, лицомъ на церковь. Когда мы съ обоихъ клиросовъ вышли на средину и стали пѣть: «о Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь», Владычица сошла съ своего мѣста и стояла предъ нами, пока мы кончили пѣніе.

Въ другое время, въ церкви св. Троицы, Царица Небесная явилась мнѣ въ томъ видѣ, какъ Она изображена на Смоленской иконѣ, держа на лѣвой рукѣ Предвѣчнаго Младенца, и сказала: «Елеазаръ, храните заповѣди Христовы и устройте во имя Мое храмъ». Съ этими словами видѣніе кончилось».

«Въ той же церкви однажды явился мнѣ апостолъ Павелъ, съ образомъ Знаменія Божіей Матери въ десной рукѣ, и сказалъ: «Елеазаръ, когда приходите въ храмъ, поклоняйтесь образу Христа Спасителя со страхомъ и трепетомъ; скажи о семъ братіи».

«Нѣкогда пришелъ мнѣ помысль: что я творю угодное Богу моему и что значать мои труды и моленія? Потому я, вставъ помолился съ особеннымъ усердіемъ: «Владыко, Боже Отче Вседержителю, вразуми меня, какъ прославлять пресвятое имя Твое!» Послѣ этой молитвы я услышалъ небесный голосъ: «всякій день молись, говоря: слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человецѣхъ благоволеніе... Господи прибѣжище былъ еси намъ въ родъ и родъ... Сподоби, Господи, въ день сей безъ грѣха сохранитися намъ».

Повѣсть свою о чудесныхъ явленіяхъ Преподобный утвердилъ своею подписью такъ: «грѣшнаго старца Елеазара».

13-го Января 1656 года Анзерскій скитъ лишился своего основателя и строителя Елеазара. Кончивъ его предшествовала краткая и легкая болѣзнь старости и изнуренія. На

смертномъ одрѣ старецъ еще бесѣдовалъ съ своими учениками, увѣщаывая ихъ жить добродѣтельно, не измѣнять устава и благочестивыхъ обычаевъ скита, и обѣщая имъ благодатную помощь Божию. Наконецъ подвижникъ наименовалъ своимъ преемникомъ въ попеченіе о братіи своего ученика и сподвижника—Никодима и, причастившись св. Христовыхъ Тѣлъ, мирно предалъ духъ свой Богу.

Явленія и чудесная помощь страждущимъ показывали, что Преподобный Елеазаръ обрѣлъ благодать у Господа. Одинъ инокъ Опуфрій нѣкогда впалъ въ такое уныніе, что ослабѣлъ тѣломъ и лишился разсудка. Въ минуту самыхъ тяжелыхъ страданій явился ему Преподобный, сотворилъ за него молитву и мгновенно исцѣлилъ немощнаго.

Анзерскій іеромонахъ Измаилъ впалъ однажды въ тяжкую болѣзнь, не могъ выходить изъ келіи и слегъ. Въ сильномъ изнеможеніи онъ какъ то заснулъ и ему представилось, что Преподобный Елеазаръ выходитъ изъ своей часовни и приближается къ кельѣ больного. Страдалецъ проснулся и, забывъ о своей болѣзни, всталъ съ одра и спѣшно подошелъ къ окну, чтобы удостовѣриться въ явленіи, но никого не увидѣлъ. Съ этихъ поръ онъ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ.

Того же скита инокъ Макарій, искусный въ живописи, задумалъ написать изображеніе Преподобнаго Елеазара, но не зналъ, какой видъ имѣлъ Преподобный? Скучая объ этомъ, инокъ, послѣ вечерняго правила, легъ на одрѣ и уснулъ. Вдругъ онъ видитъ предъ собою Преподобнаго Елеазара, который говоритъ: «ты, братъ, желалъ меня видѣть, и вотъ я теперь стою предъ тобою». Инокъ въ страхъ проснулся и увидѣлъ уже на яву Преподобнаго. Тогда Макарій палъ на колѣна и поклонился явившемуся, который сталъ невидимъ. Припомнивъ черты лица его, инокъ изобразилъ его кистію.

Въ одно время Анзерскому строителю Исаин, мужу добродѣтельному, нужно было отправиться въ Соловецкій монастырь. Хотя и было время зимнее, но проливъ, раздѣляющій острова Соловецкій и Анзерскій, былъ свободенъ отъ льдинъ: строитель поплылъ на небольшой лодкѣ съ однимъ изъ братіи. На

обратномъ пути они были застигнуты массою льда, принесеннаго вѣтромъ съ моря. Огромныя льдины, окруживъ лодку, понесли ее въ открытое море. Путники въ ужасѣ выскочили изъ лодки на льдины и пустились поспѣшно къ берегу. Между тѣмъ Исаія оступился и едва не погибъ. Въ это время явился ему Преподобный Елеазаръ и спасъ его отъ смерти. До Анзерскаго берега, куда путники пробирались, было еще не близко, а движущійся ледъ уносилъ ихъ въ противоположную сторону; къ большей бѣдѣ наступила ночь. Въ изнеможеніи несчастные обратились къ Господу съ усердною молитвою объ избавленіи отъ опасности и стали призывать на помощь Препод. Елеазара. И вотъ, при тускломъ свѣтѣ луны, они увидѣли, что на другомъ концѣ льдины стоитъ Препод. Елеазаръ и заправляетъ ею къ Анзерскому берегу. Обрадованные иноки хотѣли приблизиться къ Преподобному и поклониться ему, но онъ сталъ невидимъ. Между тѣмъ льдина очутилась у самаго берега Анзерскаго острова—и путники вышли на берегъ благополучно.

Чтобы имѣть болѣе полное понятіе о томъ, какъ понималъ иночество Преподобный Елеазаръ, и какъ онъ руководилъ другихъ въ подвигахъ иноческой жизни, мы признаемъ полезнымъ сдѣлать извлеченія изъ его наставленія повоначальнымъ инокамъ. Въ этомъ наставленіи Преподобный сначала предлагаеъ общее поученіе о вѣрѣ и нравственности, а также о покаяніи. Потомъ обращаетъ вниманіе инокъ на данныя имъ обѣты и приводитъ чинъ малаго постриженія, гдѣ съ особенною подробностію останавливается на порученіи повоначальнаго монаха въ послушаніе старцу. Далѣе излагаются подробныя правила о почныхъ искушеніяхъ и приводятся разныя мнѣнія, касающіяся соблюденія чистоты тѣлесной. За сими даются наставленія въ случаѣ страхованія почнаго. Есть у Преподобнаго Елеазара и особое наставленіе о келейномъ пребываніи съ братомъ. Остальная часть устава состоитъ изъ выписки поученій инокамъ св. Ефрема, Исаіа Сиріа и нѣкоторыхъ другихъ.

Наставленіе Преподобнаго Елеазара знакомить насъ съ правилами и обычаями иноческой жизни въ его время. Такъ

ищущій иночества,—пишется въ наставленіи,—приходитъ въ общежителство, припадаетъ къ ногамъ игумена *) и молить его и о Христѣ братію, чтобы его причли къ избранному стаду. Игуменъ повелѣваетъ ему остаться въ монастырѣ и трудиться, Бога ради, съ прочими трудниками и наблюдаетъ его усердіе и вѣру. Усмотрѣвъ благое въ немъ произволеніе, по совѣту съ братією, игуменъ назначаетъ день постриженія. Съ радостію о Господѣ принимаетъ послушникъ это слово. Его отводятъ въ особую келью и повелѣваютъ безъ сна проводить всю ночь. Игуменъ избираетъ изъ братіи старца, который могъ бы паставлять новоначальнаго инокъ. Избранный старецъ молить игумена, чтобы не возлагалъ на него такого тяжкаго бремени, признавая себя самаго пуждающимся въ наставленіи и руководствѣ. Игуменъ дѣлаетъ ему замѣчаніе за ослушаніе и старецъ повинуется. Онъ беретъ благословеніе у игумена, говоря: святыми твоими молитвами Господь да спасетъ и сохранитъ насъ отъ козней діавола и наставитъ на истинный путь. Тогда вводятъ готовящагося къ постриженію въ церковь, совлекаютъ съ него мірское одѣяніе и эккліасіархъ вѣзлагаетъ на него свитку. Предъ царскими дверями ставятъ аналой, на который кладутъ Евангеліе и пожницы и новоначальнаго приводятъ къ аналою съ лѣвой стороны. Тогда игуменъ или священникъ по уставу постригаетъ, и по окончаніи обряда помѣщаютъ постриженнаго по лѣвую сторону царскихъ дверей съ Евангеліемъ, и братія, цѣлуя Евангеліе, спрашиваютъ новаго инокъ о его имени по ангельскому образу; онъ называетъ свое имя. Братія говорятъ: «спасай душу и моли Бога за государя царя». Инокъ отвѣчаетъ: «Богъ спасетъ и помилуетъ». Тогда берутъ у инокъ изъ рукъ Евангеліе. Игуменъ призываетъ старца и, взявъ новоначальнаго инокъ за правую руку, передаетъ его въ послушаніе старцу, съ словами: «се

---

*) Въ скитѣ былъ только стронтель; если же Преп. Елеазаръ въ уставѣ своемъ упоминаетъ объ игуменѣ, это значитъ, что онъ писалъ свои правила и наставленія вообще для инокъ, не только скитскихъ, но и монастырскихъ.

пріемлени, брате, въ послушаніе себѣ брата отъ святаго Евангелія чпста; не токмо грѣси его заглажены, но имя мірское его заглажено и написано имя его на небесѣхъ ангельскаго образа. Какова его емлени чиста, такова его чиста постави и предъ Богомъ и учи его молитвѣ Іисусовой, смиренію, послушанію и всему благочинію монастырскому; а ты, братъ, имѣй старца въ Христовъ образъ, живи у него въ послушаніи до кончины своей, ни въ чемъ не прекословя, и всегда имѣй въ умѣ постриженіе, какъ обѣщался Богу. Если будешь добръ, отъ Бога воспріемлешь милость, а отъ насъ грѣшныхъ благословеніе, старца же своего молитвенникомъ о себѣ къ Богу. Если станешь жить не по монастырскому чину, то вотще наше обѣщаніе, и получишь всѣ монастырскія наказанія, какъ бываетъ съ прочими безчинниками». Послѣ наставленія старецъ съ новоначальнымъ принимаетъ благословеніе отъ игумена и идетъ къ Чудотворцамъ, и тамъ, сотворивъ съ нимъ обычное начало и отпустъ, ведетъ его въ свою келью, гдѣ говоритъ: «Достойно есть» и, совершивъ все по келейному чину, читаетъ съ инокомъ часы и кадитъ образа. Послѣ этого учитъ его Іисусовой молитвѣ и наставляетъ отъ божественнаго писанія внимать иночеству, соблюдать душу свою чистою предъ Богомъ, повиноваться настоятелю и имѣть духовную любовь ко всѣмъ; показываетъ ему, гдѣ въ келіи совершать правило, гдѣ стоять и т. п. При звукѣ благовѣста старецъ ведетъ инока въ соборъ къ мѣсту новоначальныхъ и, принимая благословеніе у настоятеля, спрашиваетъ, гдѣ стоять новому иноку. Начало полагаетъ вмѣстѣ съ нимъ, часто надзираетъ за нимъ, или стоитъ вмѣстѣ съ нимъ, указывая ему соборный чинъ до подробностей. Послѣ литургіи идетъ съ нимъ въ трапезу, ставитъ его среди новоначальныхъ и, по указанію келаря, сажаетъ за столъ и даетъ ему часть просфоры; внушаетъ сидѣть въ молчаніи съ молитвою, пить и ѣсть, что поставятъ, умѣренно, не иначе, какъ съ благословенія старца. Онъ учитъ инока, идя изъ собора и въ соборъ, на монастырѣ не стоять, ни съ кѣмъ не говорить, не глядѣть на что либо, а идти своею дорогою и клобукъ имѣть на головѣ низко опущеннымъ. Возвратившись въ келію, обу-

часть его келейному чину и дозволяетъ отдохнуть. Старецъ беретъ у казначея нужное одѣяніе и совершаетъ вмѣстѣ съ новоначальнымъ молитвы, поклоны и все келейное правило, пока навькнетъ. Для умѣющаго грамотѣ полагается келейное правило такое:

Канонъ Иисусу, канонъ Богородицѣ, Ангелу хранителю, Чудотворцамъ, повечерница, полунощница, изъ Псалтири по четыре каѳизмы на день, часы, 300 поклоновъ земныхъ, 600 молитвъ Иисусовыхъ: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго», и 100 молитвъ Богородицѣ: «Владычица моя, Богородица, помилуй мя грѣшнаго», также молитвы за царя и его домъ, за воинство, за митрополита, за игумена, отца духовнаго, отца келейнаго, за келейную и за всю братію за посланныхъ на службу и труждающихся, въ немощи лежащихъ и милостыню творящихъ, и зло творящихъ и милующихъ, за сродниковъ и всѣхъ православныхъ.

Начало этого правила полагается такъ:

«Боже, очисти грѣхи моя и помилуй мя» (поклонъ).

«Создавый мя грѣшнаго помилуй мя» (поклонъ).

«Безъ числа согрѣшихъ, Господи, прости мя» (поклонъ).

Достойно есть. Слава и нынѣ. Господи помилуй (трижды).

Господи благослови: Господи Иисусе Христе Сыне Божій, молитвъ ради Пречистыя Твоея Матери, и святаго Ангела хранителя и Преподобныхъ и Богоносныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія и всѣхъ святыхъ, помилуй насъ, аминь. Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ всяческихъ ради (трижды). Боже очисти мя грѣшнаго и помилуй мя, яко ни коли же благо сотворихъ предъ Тобою, но избави мя отъ лукаваго, да будетъ во мнѣ воля Твоя, и отверзу уста моя недостойная и восхвалю имя Твое святое Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Потомъ: Царю Небесный, три-святое, по Отче нашъ, Господи помилуй 12 разъ; прїидите поклонимся. Псаломъ 50. Вѣрую во единого Бога.

Неумѣющимъ грамотѣ правило полагается на каждый день: три тысячи молитвъ Иисусовыхъ, триста Богородицѣ и триста поклоновъ и за здравное поминовение за Царя и прочихъ. Ста-

рецъ прежде всего долженъ озаботиться неумѣющаго грамотѣ научить молитвѣ Иисусовой и дѣлать отпустъ, и читать: «Достоинно есть». Вообще же онъ долженъ имѣть попеченіе о порученномъ ему иноку, какъ о своей душѣ, наблюдать за жизнію его, наставлять и ни въ чемъ не позволять дѣлать опущенія, потому что, кто чему научится въ повоначалѣ, въ томъ и пребудетъ. Безъ дозволенія старца не должно ничего ни принимать, ни давать кому либо, ни учиться, ни говорить съ кѣмъ либо. Когда Господь сподобитъ идти ко святому Причащенію, то братія прощаются другъ съ другомъ въ келіи, потомъ приходятъ къ Чудотворцамъ, кладутъ по обычаю начало, прощаются у Чудотворцевъ и цѣлуютъ мощи ихъ. На литургіи пономарь поставляетъ аналой и на немъ образъ Богородицы; братія прощаются съ игуменомъ по одному, потомъ цѣлуютъ образъ Спасителя и икону Пречистой, дѣлая предъ цѣлованіемъ два поклона, а третій послѣ цѣлованія, и подходятъ къ святымъ Тайнамъ по два. Когда выйдетъ игумень изъ царскихъ дверей съ Причастіемъ, кладутъ три земныхъ поклона и причащаются съ открытою головою. Послѣ Причащенія въ клобукахъ принимаютъ просфору, умываютъ уста и руки надъ чашею и оттираютъ полотепцемъ.

Касательно погребенія инока въ наставленіи сказано, что вся братія должна присутствовать при немъ, если не препятствуетъ крайняя необходимость. Начало полагается обыкновенное: цѣлуютъ усопшаго въ уста и прикладываются къ образу, который положенъ на немъ. Послѣ погребенія кладутъ пятнадцать поклоновъ, говоря слѣдующіе стихи: «помяни Господи душу раба Твоего нашего инока (имя), иже въ житіи семъ, яко человекъ, согрѣши; Ты же яко Человѣколюбецъ помилуй и прости его, и вѣчныя избави муки и небесному царствію причастника быти сподоби и душамъ нашимъ сотвори полезная. Отрѣши (разрѣши) Господи душу раба Твоего инока (имя), да славою воскресенія Твоего во всѣхъ свѣтлостѣхъ живетъ всегда и пынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Жизнь инока есть всегдашній постъ и молитва; но время св. сорокадесятиницы издавна отличалось усугубленіемъ подви-

говѣ. Предъ наступленіемъ великаго поста, въ недѣлю сыропустную, послѣ утрени, настоятель говорилъ братіи слѣдующее поученіе: «господіе священники, и старцы, и вся братія, молимъ ваше преподобіе; наступаетъ Божія чотыредесятница—святый великій постъ; должно намъ готовиться къ духовнымъ подвигамъ поста, отложивъ мрачныя и темныя душевредныя грѣховныя дѣла, и облекшись во оружіе свѣта; и тако уготовавшись, идти къ спасительнымъ подвигамъ поста и воздержанія. Господь нашъ и Богъ самъ постился 40 дней, не имѣя грѣха, но намъ подавая образъ; а мы грѣшныя какими безчисленными грѣхами повинны предъ Богомъ? Нужно намъ немедленно подвизаться, воздерживаться отъ всего не добраго, молить всемилостиваго Бога о своихъ согрѣшеніяхъ и заботиться о своихъ душахъ. И вы, Бога ради, честные отцы и братія, святый и великій постъ проводите въ чистотѣ, воздержаніи и подвигахъ, отцамъ духовнымъ исповѣдуйте искренно свои согрѣшенія и молитесь всецелому Богу, соборнѣ и келейнѣ, о многолѣтнемъ здравіи и душевномъ спасеніи Государя нашего благовѣрнаго и христолюбиваго Царя и великаго князя (имя) всея Россіи Самодержца и Его благовѣрной Царицы и великой княгини (имя), Ихъ благовѣрныхъ чадъ (имя), князей и бояръ Ихъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, чтобы Господь Богъ даровалъ, полезное Государю, нашему Царю, и всей державѣ Его. Да и о своихъ согрѣшеніяхъ молитесь Богу, чтобы насъ всемилостивый Богъ, ими же хочетъ судьбами, избавилъ отъ вѣчныхъ мученій. А кто въ насъ на кого вражду или гнѣвъ имѣетъ, Бога ради въ томъ прощеніе учините; потому что прощеніе грѣховъ приобрѣтаемъ прощеніемъ братій нашихъ. Если же мы не простимъ, то и сами прощенія не получимъ: «ею же бо мѣрою мѣримъ, тако и намъ возмѣрится» (Лук. 6, 38). Къ соборному пѣнію потщитесь ходить къ началу и слушать со вниманіемъ. Да и насъ грѣшныхъ во святыхъ своихъ молитвахъ помяните, а мы васъ благословляемъ». Братія обыкновенно отвѣчала: «сколько возможно будетъ, честный отче, должны, по повелѣнію твоему, молитвами святыхъ поступать такъ», и всѣ кланялись настоятелю.

По смерти Елсазара 21 годъ управлялъ Анзерскимъ скитомъ ученикъ его Никодимъ, въ духъ своего учителя. Денежное и ружное жалованье, о которомъ извѣщаль скитянь патріархъ Никонъ въ 1655 году, подтверждено царскою грамотою 1662 года. Какое вліяніе на судьбу Анзерскаго скита имѣли смуты, возникшія въ Соловецкомъ монастырѣ по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ, мы свѣдѣній не имѣемъ, кромѣ краткой замѣтки во вкладной книгѣ Анзерскаго скита, сдѣланной въ 1710 году: „егда у противныхъ въ Соловецкомъ островѣ учинися въ вѣрѣ смущеніе и устроися отъ нихъ монастырю запорное укрѣпленіе, въ то же время бысть и Анзерскому скиту отъ начальствующихъ тогда вслѣе разореніе и конечное сотворися ему запустѣніе. Живущіе же ту пустынники до единого со отока разогнаны, бѣжали, и храмы Божіи обраны, токмо стѣны едины въ нихъ остава, и всемъ церковнымъ утварямъ и записнымъ книгамъ, отъ всякихъ людей врознь рознесенымъ сущимъ и растеряннымъ бывшимъ, и по многому времени едва возмогша изъ Соловецкаго монастыря отъ церковныхъ вещей и письменныхъ крѣпостей нѣсколько возвратити“.

Но это отобраніе церковнаго имущества Анзерскаго скита послѣдовало уже послѣ усмиренія Соловецкаго бунта. Причиною его было, вѣроятно, показаніе монаха Митрофана, бѣжавшаго изъ Соловецкаго монастыря во время осады. Онъ сказалъ, что вино и рыбу для Соловецкаго монастыря, во время его осады, доставлялъ Анзерскій скитъ.

Въ самый годъ смерти Никодима (1667 г.), по указу патріарха Іоасафа, отобраны были въ Анзерскомъ скитѣ иконы, церковные сосуды, книги, ризы, жалованныя грамоты и денегъ 494 рубля. Но, по просьбѣ строителя Романа, царь Θεодоръ Алексѣевичъ велѣлъ все отобранное возвратитъ и продолжать ружное и денежное жалованье на скитъ. Въ 1685 г.; въ бытность свою въ Москвѣ, Романъ награжденъ многими парскими вкладами для Анзерской обители.

До этого времени скитъ былъ независимъ отъ Соловецкаго монастыря и такая независимость его не разъ была под-

тверждаема царскими грамотами. Но въ 1682 году указомъ архіепископа холмогорскаго Аѳанасія скитъ былъ отданъ въ вѣдѣніе Соловецкаго архимандрита и ему велѣно имѣть строжайшее наблюденіе за пустынниками и распоряжаться во всемъ по усмотрѣнію. Въ 1698 году архіепископъ Аѳанасій учредилъ въ скитѣ должность казначея по причинѣ обветшанія скитской колокольни и келейныхъ зданій, а царь Петръ I повелѣлъ, съ 1700 года, вмѣсто ружнаго и денежнаго жалованья на 17 монашествующихъ и церковныя потребности, выдавать по окончаніи каждаго года 145 рублей 26 алтынъ и 4 деньги. Видно, что скитъ не былъ въ цвѣтущемъ положеніи. Составитель житія Преподобнаго Елеазара, около 1705 года, жалуется, что память объ основателѣ скита почти изгладилась, и гробница его мало посѣщается. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось такое положеніе скита, еслибы не явился мужъ, который возстановилъ пустынную жизнь въ Анзерскомъ скитѣ, оживилъ память объ основателѣ его и положилъ начало новому приюту пустынниковъ на горѣ Голгоѣ. Это былъ Іовъ, въ схимѣ Ісусъ, въ мірѣ московскій священникъ Іоаннъ Іоанновъ, царскій духовникъ, о которомъ мы скажемъ ниже.

При строителѣ Спиридонѣ былъ построенъ новый деревянный храмъ и поправленъ каменный Троицкій; но успѣхи духовной жизни за это время неизвѣстны. Въ 1757 г., при рытіи фундамента для устройства часовни въ память Преподобнаго Елеазара, въ числѣ четырехъ гробовъ пайдень одинъ, у котораго верхняя доска и колода цѣлы; тѣло пятиино, только одежды истлѣли; отъ гроба исходило благоуханіе.

Анзерскіе иноки заключили, что это—гробъ Преподобнаго основателя скита Елеазара, и донесли архіепископу архангелогородскому Варсонофію. Преосвященный указомъ 16 августа 1758 года предписалъ Анзерскому строителю Мельхисидеку съ братіею гробъ основателя скита поставить въ новую могилу въ самой часовнѣ; эту могилу покрыть брусьями или каменнымъ сводомъ и поставить надъ нею присланную отъ преосвященнаго раку, которую окружить желѣзными рѣшотками и покрыть покровами; при переложеніи мощей пѣть

молебны о Препод. Елеазарѣ. Впослѣдствіи вмѣсто деревянной часовни, устроенной надъ могилою Преподобнаго въ 1757 году, построена каменная, а въ нынѣшнемъ столѣтіи прежняя обветшавшая рака замѣнена новою, сдѣланною изъ мѣди и посеребренною.

Въ 1762 года Іоасафъ, епископъ архангелогородскій, посѣщая паству свою, былъ и въ Анзерскомъ скитѣ. Онъ произвелъ строителя Мельхиседека въ игумена и желалъ навсегда утвердить за Анзерскими настоятелями это званіе. Іоасафъ установилъ ежедневное чтеніе акаѣнста Божіей Матери предъ Чудотворною иконою Знаменія Ея, а въ праздничные дни — отправленіе молебна предъ Чудотворною иконою Св. Троицы. Въ 1764 г. Анзерскій скитъ приписанъ къ Соловецкому монастырю, съ назначеніемъ въ немъ строителя и 12 монашествующихъ. Теперь отходятъ туда, съ благословенія настоятеля, ищущіе безмолвія Соловецкіе иноки. Отправляя всеневную службу по уставу и чиноположенію церковному, они каждодневно исполняютъ особенное монашеское правило: по вечерни три канона — Іисусу Сладчайшему, Божіей Матери, Ангелу Хранителю, и акаѣнствъ, также молитвы на сонъ грядущимъ и помянники съ поклонами о Соловецкихъ благотворителяхъ и вкладчикахъ. Кромѣ этого каждый инокъ имѣетъ и келейное правило съ поклонами и молитвою Іисусовою.

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

ІСРОСХІМОНАХЪ ІОЕЪ.

Основатель Голгово-Распятскаго скита.

Происхожденіе. — Іерейство — Посѣтители. — Нищелюбіе. — Придворная жизнь. — Посѣщеніе темницъ. — Уединеніе въ домѣ. — Волѣзнь. — Клевета. — Удаленіе въ Соловецкій монастырь. — Постриженіе. — Послушанію. — Некушенію. — Переселеніе въ Анзерскій скитъ. — Назначеніе строителемъ. — Поученіе братіи. — Скитскій порядокъ. — Служеніе больнымъ. — Схиа. — Явленіе Пресвятыя Богородицы. — Переселеніе на Голгоу. — Основаніе скита — Построеніе церкви. — Пожертвованія царскихъ особъ. — Письма царевны Маріи. — Изнаненіе разбойниковъ. — Умноженіе скитянъ. — Подвиги Іова. — Скитскій уставъ. — Явленіе Пресвятыя Богородицы. — Чудеса. — Волѣзнь. — Прощеніе. — Кончина. — Погребеніе. — Состояніе скита по смерти Іова. — Присоединеніе къ Анзерскому скиту. — Причисленіе къ Соловецкому монастырю. — Построеніе каменнаго храма. —
Настоящее положеніе скита.

Іовъ родился въ Москвѣ при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ въ 1635 г., и названъ Іоанномъ. О родителяхъ его и первоначальномъ воспитаніи ничего неизвѣстно, — кромѣ того, что отецъ его именовался также Іоанномъ. По преданію, онъ происходилъ изъ духовнаго званія и, будучи воспитанъ въ правилахъ доброй нравственности и благочестія, по достиженіи совершеннолѣтія, рукоположенъ въ іерея. Съ принятіемъ священства, врожденная въ душѣ Іоанна ревность къ добродѣтельной жизни выказалась въ полномъ свѣгѣ. Онъ ежедневно совершалъ божественную службу и часъ его также становился на клиросъ и пѣлъ по кievскому напѣву. Пѣніе его, по природной способности, было сладостно и умирительно. Трогательное и благоговѣйное священнослуженіе о. Іоанна привлекало въ его церковь многихъ посѣтителей, которые, послѣ службы, спѣшили посѣтить его домъ, чтобы при-

нять отъ него благословеніе и ближе познакомиться съ нимъ. Впрочемъ далекій отъ славолубія, онъ не охотно принималъ эти посѣщенія и часто не удовлетворялъ любопытству видѣть его въ домѣ.

О. Іоаннъ, болѣе и болѣе усовершенная въ добродѣтели, исполнялъ, кромѣ священническаго, иноческаго, молитвеннаго правило и, находясь въ мірѣ, какъ бы уже проводилъ жизнь монашескую. Онъ часто падалъ на себя постъ и уединеніе, затворяясь въ своей опочивальнѣ, гдѣ въ коленнопреклоненной молитвѣ къ Богу проводилъ ночи до разсвѣта. Во время ночной молитвы, Іоаннъ обыкновенно со слезами взывалъ: помилуй мя, Господи, пощади мя Господи, и проч. Утромъ неохотно прерывалъ онъ уединеніе, прежде обычнаго выхода своего въ церковь. Случалось, что упрощенные какими либо посѣтителеми, прислужники Іоанна извѣщали его до начала церковнаго богослуженія о гостяхъ, пришедшихъ съ желаніемъ принять благословеніе и наставленіе. Вынужденный усиленными просьбами, хотя и выходилъ онъ къ посѣтителямъ, но съ лицомъ унылымъ, тогда какъ въ другое время о. Іоаннъ принималъ приходившихъ къ нему съ искреннею пастырскою любовью, и въ простотѣ сердца бесѣдовалъ съ ними. Утверждая всѣхъ въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, онъ умѣлъ примѣнить свой разговоръ къ положенію, званію и состоянію каждаго. Съ старцами говорилъ объ упражненіи во всегдашнемъ богомысліи, съ молодыми объ опасности страстей и прехотей, съ отцами о воспитаніи дѣтей въ страхѣ Божиѣмъ и т. п. Всѣ наставленія онъ основывалъ на священномъ писаніи и подтверждалъ примѣрами изъ церковной исторіи и жизни святыхъ. Онъ любилъ посѣщать своихъ друзей и знакомыхъ, иногда неожиданно приходилъ въ чей либо домъ незванный, но его всегда съ радостію принимали и съ удовольствіемъ слушали поученія его. Впрочемъ, внезапное посѣщеніе имъ кого либо всегда имѣло какую либо благотѣльную цѣль. Какъ скоро, напримѣръ, онъ узнавалъ, что въ извѣстномъ семействѣ возникли распри и несогласіе, тотчасъ спѣшилъ туда и старался возстановить миръ. Какъ миро-

творецъ, онъ и самъ, если когда доводилось ему нечаянно оскорбить кого, немедленно сознавался въ своемъ поступкѣ и просилъ прощенія у оскорбленнаго.

Для болѣе успѣшнаго дѣйствованія на поприщѣ пастырскомъ, для блага вѣранныхъ попеченію его душъ, о. Іоаннъ употреблялъ, смотря по возможности, разные глубоко обдуманныя предосторожности. Такъ онъ являлся иногда въ кругу простолюдиновъ въ образѣ частнаго лица, скрывая свой санъ подъ мірскою одеждою. Это обстоятельство облегчало ему бесѣду особенно съ бѣдными людьми, изъ которой онъ узнавалъ о домашнихъ нуждахъ ихъ и оказывалъ имъ посильную помощь. Много онъ утѣшался, если въ такомъ видѣ никто не узнавалъ его. Помогая нуждающимся вещественно, Іоаннъ вмѣстѣ съ тѣмъ узнавалъ ихъ чувства и мысли, и давалъ приличное наставленіе.

Ворота въ домъ милостиваго Іоанна всегда были открыты для меньшей братіи. Нерѣдко онъ поставлялъ трапезу нищимъ и самъ съ любовію садился между убогими, питая ихъ вещественно и духовно. Разставаясь съ этими дорогими сердцу гостями, о. Іоаннъ надѣлялъ каждого чѣмъ могъ. Обращались къ нему за помощію и другія лица разныхъ сословій, и—не напрасно. Лишился ли кто имущества отъ пожара, о. Іоаннъ ссужалъ его деньгами на первоначальное обзаведеніе. Былъ ли кто болѣзнію или несчастіемъ доведенъ до нищеты, получалъ отъ него милостыню, достаточную для обезнеченія содержанія на немалое время. Бѣдные поселяне въ неурожаи занимствовались отъ о. Іоанна хлѣбными сѣменами для засѣва полей и хозяйственными вещами, какія находились въ его домѣ, или даже находили у него готовое пропитаніе для своихъ бѣдствующихъ отъ голода семействъ. Сострадательный о. Іоаннъ большую часть своихъ доходовъ употреблялъ на милостыню, довольствуясь для себя малыми остатками. Часто онъ по милосердію ходатайствовалъ и предъ лицами правительственными, ему болѣею частью знакомыми, за обиженныхъ и страждущихъ несправедливо, и ходатайство его не оставалось безъ успѣха.

Молва о богоугодныхъ подвигахъ о. Іоанна скоро распространилась между жителями столицы. Посѣтители отовсюда стекались къ нему въ домъ. Но скучая этими посѣщеніями онъ нѣсколько времени не принималъ никого, а благотворить бѣднымъ продолжалъ чрезъ вѣрныхъ прислужниковъ.

Хотя о. Іоаннъ убѣгалъ славы человѣческой и искалъ уединенія, но „не можетъ градъ укрытися верху горы стоя (Матѳ. 5, 14) Промыслъ Божій судилъ о. Іоанну явиться на болѣе высокой степени служенія Богу и людямъ. Вѣсть о добродѣтельной жизни о. Іоанна дошла до слуха Петра I. По повелѣнію государя, о. Іоаннъ сначала былъ призванъ для священнослуженія въ придворной церкви, а вскорѣ затѣмъ опредѣленъ духовникомъ государя и членовъ царствующаго дома. Примѣрнымъ благочестіемъ о. Іоаннъ заслужилъ расположеніе всѣхъ высочайшихъ особъ. Пользуясь царскимъ благоволеніемъ о. Іоаннъ имѣлъ еще болѣе средствъ удовлетворять сердобольнымъ наклонностямъ своего сердца и былъ по прежнему щедродательнымъ отцемъ сиротъ, благовременнымъ питателемъ алчущихъ, усерднымъ утѣшителемъ огорченныхъ, скорымъ помощникомъ и заступникомъ всѣхъ бѣдствующихъ.

Особеннымъ состраданіемъ его пользовались заключенные въ темницахъ за преступленія и долги. При посѣщеніи ихъ, съ цѣлію скрыть себя, онъ, не доѣзжая до мѣста заключенія ихъ, оставлялъ колесницу свою и подходилъ къ нимъ пѣшкомъ. По входѣ къ узникамъ, отечески и съ любовію привѣтствовалъ ихъ, садился съ ними, съ участіемъ разспрашивалъ о причинѣ заключенія, и, извѣдывая при этомъ у каждаго совѣсть, утѣшалъ надеждою на Господа. Разставаясь съ своими собесѣдниками, о. Іоаннъ награждалъ ихъ посылкою милостынею. Содержащимся за долги перѣдко давалъ деньги на уплату долга. А въ день свѣтлаго Христова Воскресенія, въ день Рождества Христова и въ недѣлю мясопустную, посѣщая узниковъ, онъ каждаго лобызалъ съ обыкновеннымъ христіанскимъ привѣстіемъ, и угощалъ ихъ заранѣе приготовленною пищею. Скоро городская молва стала слѣдить за этими подвигами о. Іоанна, и тогда онъ началъ посѣщать темницы

преимущественно въ ночное время. Когда же стали доходить до его слуха разные людскіе пересуды о немъ, подозрительные и неблагопріятные отзывы и т. п., онъ рѣшился вовсе прекратить на нѣкоторое время посѣщеніе темницъ, не переставая впрочемъ благотворить чрезъ честныхъ и добросовѣстныхъ людей.

Такимъ образомъ о. Іоаннъ снова заключился въ своемъ домѣ, съ намѣреніемъ посвятить остатокъ своей жизни преимущественно богомыслию. Кромѣ церковныхъ службъ, онъ никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ, даже и близкихъ. Если кто пуждался въ совѣтѣ или наставленіи о. Іоанна, долженъ былъ обращаться къ нему письменно, и тогда получалъ удовлетворительный отвѣтъ также на бумагѣ; отъ такой переписки онъ никогда ни отказывался. Въ трудахъ и подвигахъ христіанскихъ, незамѣтно и безболѣзненно, достигъ о. Іоаннъ до преклонныхъ лѣтъ. Однажды онъ почувствовалъ разстройство въ здоровьѣ, и затѣмъ стали приключаться съ нимъ болѣзненные припадки и обмороки. Онъ слегъ въ постель и до того ослабѣлъ, что въ теченіи трехъ мѣсяцевъ лежалъ безъ движенія. Но Господь, посѣтившій его болѣзнію, за благодушное терпѣніе вскорѣ опять возвратилъ ему прежнее здоровье. Эта болѣзнь была какъ бы предвѣстіемъ другаго горя и другой бѣды, постигшихъ праведнаго старца.

По выздоровленіи, старецъ оставилъ свое уединеніе и сталъ допускать къ себѣ всякаго приходящаго, кто бы онъ ни былъ. Посѣтителей опять стало являться много; въ бесѣдахъ съ ними онъ проводилъ цѣлыя дни и ночи, поучая страху Божию и благочестію. Разставаясь съ посѣтителями, онъ прощался съ воздыханіемъ и особенною какою то печалью, какъ будто бы не имѣлъ уже надежды видѣться болѣе ни съ кѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ, часъ испытанія Іоанна, почти приблизившагося уже къ концу жизни, пасталъ неожиданно. Не только невиннаго ни въ чемъ, но еще украшеннаго высокими христіанскими добродѣтелями старца, враги его обвинили въ сношеніяхъ съ воромъ Гриншкою Талицкимъ, о чемъ и донесли

Петру I. Государь, повѣривъ этому живому доносу клеветниковъ, разгнѣвался и немедленно повелѣлъ шестидесятилѣтняго старца отослать при грамотѣ Холмогорскому архіепископу Леонасію для постриженія въ монашество въ Соловецкомъ монастырѣ. Выслушавъ это и видя въ немъ какъ бы призваніе промысла Божія, о. Іоаннъ съ полною готовностію отправился въ назначенный путь. Это было въ 1701 году. 13 марта старецъ прибылъ въ Холмогоры къ преосвященному Леонасію, съ царскою о себѣ грамотою. Добрый архимонастырь, принявъ его братски, препроводилъ въ Соловецкій монастырь съ грамотою отъ себя, въ которой писалъ, чтобы Іоанна постригли и отдали на послушаніе опытному старцу. Съ духомъ кротости и упованія на промыселъ Божій о. Іоаннъ предсталъ предъ настоятелемъ обители, архимандритомъ Опрсомъ, который предложилъ ему постриженіе въ монашество, согласно волѣ Государя. «Промыслитель Христосъ Богъ», отвѣчалъ о. Іоаннъ, «привелъ меня къ твоей святости, произволяя спастись мнѣ тобою; поэтому, что ты мнѣ недостойному повелѣши, то и сотворю», и поклонился своему новому пастырю. «Благословенъ Богъ укрѣпляющій тебя на подвиги; вотъ для тебя мѣсто спасенія», — сказалъ архимандритъ. Старецъ еще разъ поклонился архимандриту до земли, прося удостоить постриженія. Апрѣля 3 смиренный старецъ былъ постриженъ въ монашество въ соборномъ храмѣ архимандритомъ Опрсомъ съ нареченіемъ ему въ монашествѣ имени «Іовъ», о чемъ и допесено было Государю.

Новый инокъ для наученія отдавъ былъ старцу монаху Іонѣ. Предавъ себя всецѣло въ волю своего старца, опъ, помѣривъ своихъ силы, началъ трудиться съ твердымъ желаніемъ угождать во всемъ Господу Богу, и постомъ, ночнымъ бдѣніемъ, покорностію и смиреннымъ послушаніемъ изумлялъ всю братію. Инокъ, съ которымъ новый труженикъ жилъ въ одной кельѣ, свидѣтельствовалъ, что этотъ сокровенный рабъ Христовъ, кромѣ хлѣба и воды, не вкушалъ ничего, — и братія прозвали о. Іова постникомъ. На первое время послали о. Іова на послушаніе въ братскую поварню. Ревностный инокъ охотно

трудился въ этомъ послушаніи; являлся на работу прежде другихъ; своими руками рубилъ дрова, и на старческихъ раменахъ носилъ ихъ по высокимъ лѣстницамъ въ поварню. Съ такимъ же усердіемъ исправлялъ онъ и другія трудныя работы. Изъ поварской, въ коей потрудился не мало, о. Іовъ скоро былъ переведенъ на другое послушаніе, именно въ братскую трапезу. И это дѣло онъ проходилъ съ такимъ же примѣрнымъ усердіемъ и смиреніемъ, какъ и прежде.

Но истинный врачъ людей, желающій погибели душъ человѣческихъ, види подвиги избранныхъ Божіихъ, не дремлетъ и старается всячески отвлечь ихъ отъ спасительнаго пути. Такъ, во время смиреннаго прохожденія о. Іовомъ сказанныхъ послушаній, однажды являлся ему ненавистникъ добра — искушитель, въ образѣ извѣстнаго ему въ мірѣ врача, и говорилъ, какъ бы съ состраданіемъ: возлюбленный! слѣдуетъ тебѣ побережь здоровье свое, чтобы, изнуривши плоть трудомъ и воздержаніемъ, не ослабѣть подъ игомъ, которое ты взялъ на себя Христа ради. Богъ не желаетъ трудовъ или поста выше силъ, а ищетъ сердца чистаго и смиреннаго. Ты, при старости своей, работаешь черноризцамъ какъ купленный рабъ, не привыкши прежде къ такимъ трудамъ. Не слѣдуетъ тебѣ такъ трудиться и потому, что ты священноинокъ. Довольно съ тебя и того, что, оставивъ славу и честь въ мірѣ, ты пришелъ въ убожество и принялъ на себя тяжкіе труды ради пищи. Я даже удивляюсь, какъ ты можешь принимать суровую пищу послѣ сладкихъ брашенъ. Блюдишь, чтобы недуги твои не умножились сверхъ мѣры; тогда и я невозмущу помочь тебѣ, и ты прежде времени умрешь. Если совѣта моего не послушаешь, то миѣ будетъ очень жаль“. — «Хорошо не щадить плоти, чтобы она не возстаивала брани, — отвѣчалъ о. Іовъ мнимому своему знакомцу, — впрочемъ, хотя бы плоть и изнемогала, по сила Божія въ помощахъ совершается. Св. Апостольскіе сказалъ болѣе: „недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явиться въ насъ“. Постъ есть мать цѣломудрія, — ты внимай себѣ съ подобными». Услышавъ такой отвѣтъ, врагъ тотчасъ исчезъ.

Среди этих подвиговъ, духъ о. Іова болѣе и болѣе утверждался въ иночествѣ. Въ преизбыткѣ святой ревности, онъ вспомнилъ слово св. Апостола: „никто же, воинъ, бывая обязуется кунями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ“ (2 Тимоѳ. 2, 4), оставшееся у него имѣніе роздалъ нищимъ и монастырской братіи, а самъ вовсе обнищалъ, чтобы еще безпрепятственнѣе служить обнищавшему насъ ради Христу. Послѣ многихъ испытаній въ трудахъ жизни иноческой, настоятель обители и братія, признавъ понаго постриженника совершеннымъ инокомъ, единогласно освободили его отъ монастырскихъ послушаній и разрѣшили пребывать въ кельѣ одному и внимать своему спасенію. Безмолвствуя въ тишинѣ своей кельи, о. Іовъ занимался непрестанно Іисусовою молитвою, чтеніемъ св. Евангелія, Апостола, Псалтири, житія Преподобныхъ Зосимы и Савватія и рукодѣліемъ. Нищии онъ принималъ мало отъ общей братской трапезы, а особо для себя не приготовлялъ ничего.

Слава о Соловецкомъ подвижникѣ разнеслась повсюду и проникла опять до слуха Государя. Петръ I, удостовѣрившись въ клеветѣ на бывшаго духовника своего, хотѣлъ возвратить его къ царскому двору на прежнее служеніе; но согбенный подъ бременемъ лѣтъ и трудовъ Іовъ просилъ позволить ему остаться въ Соловкахъ. Желаніе еще большаго безмолвія съ этого времени совершенно овладѣло имъ. Въ 1702 году, по благословенію архимандрита Опрса, онъ переселился на жительство въ Анзерскій скитъ.

Въ скитѣ старецъ опять предался подвигамъ иноческимъ съ новымъ рвеніемъ. Считая себя среди скитской братіи только лишь пришедшимъ послушникомъ, онъ всеѣмъ служилъ и особенно старался помогать немощнымъ. При этомъ церковныхъ службъ и келейнаго правила онъ никогда не опускалъ.

Вскорѣ по прибытіи Іова въ скитъ, скончался Анзерскій строитель. Холмогорскій архіепископъ Варнава, знавшій благочестивую и подвижническую жизнь о. Іова, предложилъ Соловецкому архимандриту Опрсу почтить должность строителя Анзерскаго скита священноинокъ Іова. Вызванный въ Соловецкую

обитель, Іовъ, по выслушаніи отъ пастоятеля воли архипастыря, изъ послушанія принялъ это назначеніе. Выѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ, чтобы удостоили его постриженія въ схиму, но въ этой просьбѣ настоятель ему отказалъ. По принятіи благословенія отъ настоятеля на строительскую должность, онъ отпраздновалъ въ скитѣ. Спустя нѣсколько времени, архимандритъ Оирсъ опять вызвалъ о. Іова въ обитель, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ братіи Анзерскаго скита. Окончательно благословляя на должность, архимандритъ сказалъ новому строителю: «предаю тебѣ Анзерскій скитъ Святыя Троицы, осторожно блюди его, какъ все устроено, такъ и да будетъ; устава церковнаго не измѣняй, но твори все по правиламъ св. отецъ». Старецъ, простившись съ архимандритомъ и Соловецкими старцами — своими сожителями, отправился опять въ скитъ. Здѣсь, созвавъ въ соборную церковь братію, Іовъ съ колѣнопреклоненіемъ совершилъ молебень Святой Троицѣ, затѣмъ и Преподобному Елеазару, какъ первоначальному и покровителю скита, и потомъ, пригласивъ братію, предложилъ имъ слѣдующее поученіе: «Молю васъ, братія мои возлюбленные, поспѣшимъ къ наслѣдію царства небеснаго постомъ и молитвою; позаботимся о спасеніи душъ нашихъ; оставимъ все дурное и путь лукавый, т. е. любодѣяніе, татьбу, клевету, празднословіе, ссоры, пьянство, обьяденіе и братоненавидѣніе; уклонимся и возгнушаемся этимъ, братія, чтобы не осквернить душъ своихъ, но пойдѣмъ по пути Господнему, ведущему насъ въ отечество небесное. Взыщемъ Бога рыданіемъ и слезами, поцѣнимъ, бдѣнимъ, покорностію воли Его и послушаніемъ, да обрящемъ милость у Господа. Возненавидимъ прелестный міръ, вспоминая слова Господа: «Аще кто грядетъ ко мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и мать, и жену, и чадъ, и братію, и сестеръ, еще же и душу свою—не можетъ Мой быти ученикъ (Лук. 14, 26). Мы, братія, отречимся міра, отречемся и всѣхъ худыхъ дѣлъ его». Никто же, говоритъ Господь, возложъ руку свою на рало, и зря вспять, управленъ естъ въ царствіи Божіи (Лук. 9, 62). Какъ убѣжимъ безконечной муки, проводя жизнь свою въ лѣности? Намъ, братія, нарекимся иноками, прилично каждый день

плакать и каяться о грѣхахъ своихъ. Покаяніе есть путь, приводящій къ царству небесному; покаяніе есть ключъ царства небеснаго, безъ котораго никому нельзя войти туда. Укрѣпимся на пути царства небеснаго; сюда не приближаются лукавые. Это шествіе хотя нынѣ и прискорбно, но за то послѣ будетъ радостно». Скітяне, выслушавъ это поученіе, поклонились о. Іову и разошлись по кельямъ.

На новомъ поприщѣ служенія о. Іовъ, вспомянувъ слова Господни: «ему же дапо будетъ много, много и взыщется отъ него» (Лук. 12, 48), усугубилъ труды и подвиги. Онъ непрестанно творилъ молитву Іисусову, а тѣломъ трудился; первымъ являлся къ церковной службѣ и послушаніямъ, и уходилъ послѣднимъ.

Іовъ хотѣлъ сохранить память объ основателѣ и о всѣхъ благотворителяхъ Анзерскаго скита. Извѣстно, что первымъ составителемъ житія Елеазара былъ Макарій, сподвижникъ Іова. Этотъ инокъ, восхваливъ Іова во вкладной книгѣ Анзерскаго скита, какъ мужа чуднаго, «иже пребываніе въ тѣлеси своемъ на земли, яко безплотный ангель», прибавляетъ: той же благодій Іовъ весь страха Божія и Духа Святаго исполненъ бысть; и ревностію своею разжеся въ Божѣ о душахъ приснопоминаемыхъ за святою божественною проскомидіею, и трудолюбно попечеся изыскати разпесепное и во едино восхотѣ собрати расточенное, и богомудренно памятествомъ своимъ возстави издавна забвенное. Ово отъ алтарныхъ дискосовъ и священныхъ потирей серебряныхъ, ово отъ воздвизательныхъ и запрестольныхъ крестовъ Христовыхъ, отъ начертанныхъ на нихъ лѣтописей, паче же отъ святыхъ книгъ церковныхъ подписаній, иже благочестивые великіе цари и святѣйшій господи́нь Никонъ, патріархъ московскій, своею рукою подписывали, такожде и инии раби Божіи дапныя имъ святые иконы и всякія книги своими руками закрѣпяху, къ тому же и отъ многолѣтнихъ старецъ издревле живущихъ ту, онъ правымъ слышаніемъ увѣрился, что отъ кого и кія разныя вклады отъ нихъ во храмы Святыя Троицы поданы. И елико отъ всѣхъ сихъ возмогъ увѣдѣти и со многимъ тѣченіемъ вмѣстѣ совокупи погибшее, и минувшихъ и на-

стоящихъ тѣхъ боголюбивыхъ вкладчиковъ имена ихъ въ сію книгу вписать повелѣи и всегда за здравіе ихъ поминати утверди, а отшедшимъ ко Господу усопшимъ душамъ приносимою безкровною жертвою Христовою свободную пользу благоразумно учини».

Братство въ скитѣ незамѣтно стало умножаться; такъ что въ короткое время собралось до 30 человѣкъ. Скитскій уставъ въ главныхъ чертахъ былъ такой: Всякаго приходящаго принимать, не разсматривая, боичать ли онъ или бѣденъ и нищій, только съ предупрежденіемъ о трудности иноческихъ подвиговъ. Новоначальный долженъ ходить въ своей одеждѣ, доколѣ не привыкнетъ къ монашеской жизни. По облеченіи въ рясу, съ новоначальнымъ продолжали строгое испытаніе во всѣхъ послушаніяхъ; затѣмъ, когда онъ оказывался достойнымъ, быть принимаемъ въ монашество постриженіемъ въ мантию, а болѣе достойные были постригаемы и въ схиму. Всѣхъ вообще, а особенно новоначальныхъ иноковъ, о. Іовъ поучалъ смиренному послушанію Богу и начальству, безъ чего, говорилъ, нѣтъ спасенія; послушаніе—первая изъ всѣхъ добродѣтелей. Сверхъ церковнаго и келейнаго правила, скитяне занимались тѣлесными трудами. Въ ночное время старецъ имѣлъ обычай обходить братскія кельи, напоминая о ночномъ бдѣніи. Если слышалъ кого молящимся, съ радостію отходилъ отъ кельи, а кого заставлялъ въ бесѣдѣ, стукнувъ въ дверь, отходилъ съ печалью въ душѣ, и утромъ призывалъ того брата и наединѣ обличалъ. Онъ самъ въ кельѣ ночью молился съ колѣнопреклопеніемъ, иногда до утренняго благовѣста, и первый являлся въ церковь на утреннее славословіе.

Наружное поведеніе инока, по понятію старца, должно быть такое: ходить руки держа на персяхъ; при встрѣчѣ одинъ другому долженъ кланяться въ поясъ; лице имѣть умиленное, глаза привѣтливые, рѣчь ласковую, любовь по Воцѣ нелицемѣрную, послушаніе одного къ другому безпрекословное; приниматься за дѣло всегда съ благословенія старшаго, а при ошибкѣ какой либо отъ нерадѣнія, просить прощенія и стараться исправиться.

Скитяне, желавшіе житія еще болѣе безмолвнаго, по благословенію о. Іова, уходили въ пустынные кельи. Старець имѣлъ ихъ подъ своимъ руководствомъ, часто посѣщалъ ихъ, побуждалъ къ пустыннымъ подвигамъ и давалъ руководѣіе. По дару прозорливости, онъ иногда обличалъ пустынножителей въ погрѣшностяхъ прежде, чѣмъ они каились ему.

Вспомнивъ однажды, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, умывъ на Тайной вечери ноги своихъ учениковъ, сказалъ имъ: «и вы творите такожде» (Іоан. 13, 15), о. Іовъ началъ съ горькимъ рыданіемъ укорять себя: окаянный, какъ высоко возведенъ ты! имѣешь сугубый санъ священническій и строительскій, а иѣтъ у тебя смиренія въ подражаніе Христу Спасителю. Съ этого времени онъ сталъ посѣщать больныхъ, самъ служилъ имъ, обмывалъ и обвязывалъ своими руками раны ихъ, у иныхъ больныя части мазалъ св. елеемъ, и нерѣдко исцѣлялъ ихъ. Этого подвига любви и заботливости о ближнихъ не оставлялъ онъ до самой кончины своей.

Въ 1710 году старецъ Іовъ былъ вызванъ Соловецкимъ настоятелемъ, архимандритомъ Опрсомъ, въ обитель, и за строгую подвижническую жизнь удостоенъ постриженія въ схиму съ именемъ Іисуса, въ память Іисуса Навина, израильскаго вождя.

Іеросхимонахъ Іисусъ нерѣдко удалялся на безмолвіе въ пустынные мѣста, а еще чаще ходилъ къ пустынножителямъ для духовной бесѣды, поручая въ свое отсутствіе смотрѣніе за скитомъ своимъ ученикамъ, схимонаху Матоію и монаху Макарію. Вотъ, въ одно время, именно 18-го іюня, въ среду, старецъ восхотѣлъ посѣтить одного уважаемаго имъ пустытника, іеродіакона Паисія, жившаго отъ Анзерскаго скита въ 6-ти верстахъ, при высокой горѣ, называемой нынѣ Голговою, прославленной пребываніемъ на ней Преподобнаго Елевара. Послѣ бесѣды строитель пожелалъ пробыть съ пустынножителемъ нѣсколько времени, и о. Паисій далъ ему особую келью.

Однажды Іисусъ, по обычаю своему, сталъ съ вечера на молитву, которую и продолжалъ до самой полночи, читая псалмы съ колѣнопреклоненіемъ. Утрудившись, онъ сѣлъ, и въ темномъ

снѣ вдругъ увидѣлъ въ кельѣ своей необыкновенный свѣтъ и въ сіяніи небесной славы Пресвятую Богородицу и съ Нею Преподобнаго Елеазара Анзерскаго. Въ благоговѣйномъ страхѣ, вставъ съ мѣста, онъ поклонился видѣнію до земли. При этомъ слышалъ голосъ Царицы Небесной: «эта гора отнынѣ называется второю Голговою; на ней будетъ устроена великая каменная церковь распятія Сына Моего и Господа, и учредится скитъ для тебя съ двумя учениками, схимонахомъ Матоіемъ и монахомъ Макаріемъ; скитъ назовется Распятскимъ, соберется къ тебѣ множество монаховъ и прославится имя Божіе. И сама буду посѣщать гору и пребуду съ вами во вѣки». Съ этими словами видѣніе кончилось. Но въ то же время слышался съ высоты другой голосъ: «освяти гору Голгову и поставь на ней крестъ!» Благочестивый старецъ много удивлялся видѣнному и слышанному и рассказалъ все іеродиакону Пансію. Пансій все слышанное отъ Иисуса вырѣзалъ на крестѣ, сдѣланномъ руками строителя *).

29-го іюня, въ праздникъ св. Апостоловъ Петра и Павла, іеросхимонахъ Іисусъ, исполняя волю Божію, съ учениками Матоіемъ и Макаріемъ отправился изъ Анзерскаго скита на гору Голгову, тамъ освятилъ воду и, окропивъ ею гору, водрузилъ въ землю приготовленный крестъ съ надписью, и вслѣдъ за этимъ поставилъ молитвенную храмину для всеобщаго бдѣнія. По освященіи горы и водруженіи креста, пустынники совершили благодарственный съ колѣнопреклопеніемъ молебенъ. Господу Богу и Пресвятой Богородицѣ.

Съ этого времени строитель началъ заботиться объ учрежденіи новой киновіи на Голговской горѣ. Въ 1713 году онъ отправился съ ученикомъ своимъ Макаріемъ къ холмогорскому архіепископу Варнавѣ просить благословенія на устройство церкви и скита на горѣ Голгоѣ. Этотъ архипастырь, грамо-

*) Этотъ крестъ большого размѣра, вызолоченный. Нѣсколько времени онъ былъ запрестольнымъ въ церкви на Голгоѣ, а нынѣ находится на стѣнѣ въ Успенскомъ придѣлѣ, въ стеклянномъ футлярѣ, надъ гробницею старца Иисуса.

тою отъ 15-го іюля 1713 года, благословилъ соорудить двѣ каменные церкви, одну на самой Голгоѣ—Распятія Господня, другую подъ горою, на самомъ мѣстѣ явленія Пресвятой Богородицы, въ честь Успенія Ея. Тою же грамотою разрѣшено устроить и скитъ, съ наименованіемъ его Распятскимъ, а горы—Голгоою. Блаженный старецъ на первыхъ порахъ обрадовался такой милости архипастыря, но послѣ, встрѣтивъ разныя препятствія и недостатки къ постройкѣ каменныхъ церквей, со скорбію выпужденъ былъ вновь просить архіепископа о позволеніи построить, вмѣсто двухъ каменныхъ церквей, одну деревянную съ трапезою на вершинѣ горы. Преосвященный Варнава опять, грамотою отъ 18-го сентября 1714 года, благословилъ построить на горѣ малую деревянную церковь въ честь Успѣшнovenія честныя главы св. пророка Предтечи и крестителя Господня Іоанна.

По полученіи послѣдней грамоты, старецъ сдѣлалъ навсегда строительство Анзерскаго скита и съ нѣкоторыми учениками перешелъ для жительства на гору Голгоу. Поселившись на ней, онъ началъ устраивать скитъ. Вскорѣ ученики Іисуса соорудили на Голгоѣ деревянную церковь, которая, къ общему утѣшенію, освящена была архимандритомъ Опрсомъ въ честь Распятія Господня, согласно грамотѣ преосвященнаго, отъ 15-го мая 1715 года.

Петръ I, узнавъ о явленіи блаженному старцу Пресвятой Богородицы и о новоустроенномъ Распятскомъ скитѣ на Голгоѣ, по особенному расположенію къ бывшему духовнику, много помогъ ему своими щедротами. Такъ, въ скоромъ времени послѣдовало повелѣніе объ отпускѣ каждагодно изъ архангельскихъ государственныхъ хлѣбныхъ магазиновъ хлѣба на продовольствіе братіи Голгооскаго скита. А въ 1714 году, при самомъ началѣ устройства скита, для церкви Голгооской отъ царевны, великой княжны Маріи Алексѣевны, поступило пожертвованіе многихъ драгоценнѣйшихъ утварей, одежды и книгъ, съ клеймами, именпо въ Голгооскій скитъ *). Особенно

*) Крестъ, Евангеліе, сосуды и проч., которые нынѣ хранятся въ Соловецкой ризницѣ.

же дорогою жертвою была мѣстная святая икона Успенія Божіей Матери, въ серебряной ризѣ, съ позолоченными полями, и въ ней вкладной ящикъ со многими св. мощами *). Царица Параскева Ѳеодоровна (вдовствующая супруга царя Іоанна Алексѣевича), кромѣ другихъ пожертвованій, пожаловала на строеніе церковное на горѣ Голгоѣ сто рублей, а князь Меншиковъ далъ сто червонцевъ. Много было и другихъ благотворителей. Но особенное попеченіе о строеніи Голгово-Распятскаго скита имѣла уже извѣстная благодѣяніемъ скиту царевна Марія Алексѣевна. Вотъ письмо ея по этому предмету къ архимандриту Ойрсу:

«Пречестныя обители Соловецкихъ Чудотворцевъ отцу архимандриту съ братією усердствуемъ, да благодать Божія, милость, миръ и любовь, при всегдашнемъ благоденствіи, да умножаются. Писано прежде сего къ пречестности вашей, дабы старательство имѣли о всякихъ припасахъ, какъ о кирпичѣ, такъ и о другихъ надлежащихъ пуждахъ въ Свято-Распятскій Анзерскій скитъ, къ хотящей быть Распятія Господня каменной церкви, и нынѣ просимъ: да попеченіе имѣете къ оному Богомъ избранному и прославляемому мѣсту, а наипаче о кирпичѣ прилежное попеченіе потребно имѣти. Хотя нынѣ препона строенію оному церковному учинилась за перемѣною вице-губернатора Алексѣя Курбатова, но обаче всемилостивый Господь, вся по желанію на прославленіе имени Его святаго волю боящихся Его сотворить и молитву ихъ услышнить и пошлетъ ктиторомъ къ оной св. церкви, ихже Самъ вѣсть; тоцію пречестность ваша прикажите заранѣе кирпичъ дѣлать и деньги у пречестнаго отца Іисуса на оный и прочіе припасы берите. Повторяя, просимъ и повелѣваемъ, дабы прилежное попеченіе и радѣніе о оныхъ пуждахъ имѣли, за которое радѣніе всемилостивый Господь да воздастъ вамъ. И мы остаемся должны.

---

*) Св. икона величиною равна чудотворной иконѣ, что въ Києво-Печерской лаврѣ; нынѣ она находится въ Успенскомъ соборѣ Соловецкаго монастыря, надъ царскими вратами.

Прочее же пречестности вашей святымъ молитвамъ себя предаемъ.

Ц. Марія съ царствующаго града Москвы,
1715 года марта 15-го дня».

Въ 1718 году на новоустроенный скитъ напали разбойники и, бивъ нещадно братію, разогнали ее и увезли съ собою имущество церковное и скитское, которое послѣ не было отыскано. Въ этотъ часъ скорби, блаженный старецъ безвыходно паходился въ кельѣ и молился Господу Богу о сохраненіи братіи. Разбѣжавшіеся пустыинники опять собрались въ скитъ къ своему духовному отцу. Старецъ упрекнулъ ихъ въ малодушіи, и иноки тогда же дали обѣщаніе: лучше умереть, а не выходить изъ скита, какія бы скорби ни послѣдовали.

Скитъ увеличивался вновь приходившими для подвижнической жизни подъ руководствомъ мудраго наставника. Отказанію никому не было; все принималось было съ любовію. Только всякій, желавшій поступить въ скитъ, долженъ былъ устроить своими руками келью для себя, въ чемъ иногда помогаль и самъ старецъ, сколько могъ. Скоро братіи считалось до 20 человекъ, кромѣ пустыинниковъ, которые жили въ уединенныхъ мѣстахъ, подъ вѣдѣніемъ отца Іисуса, и приходили въ скитъ каждый воскресный день, для присутствія при церковномъ богослуженіи и исповѣди предъ старцемъ. Жизнь всѣхъ этихъ подвижниковъ протекала въ подвигахъ духовныхъ и трудахъ тѣлесныхъ. Самъ престарѣлый строилъ, въ примѣръ другимъ, перѣдко рубилъ дрова, носилъ на гору воду для поварни, въ пекарнѣ растворялъ тѣсто для хлѣба. Однажды въ праздникъ Успенія Божіей Матери пришелъ къ старцу келарь скита и сказалъ: „Отче! пекому въ поварню воду носить“. Старецъ всталъ и началъ самъ носить воду съ озера изъ подъ горы; но братія, увидавъ труженика, выбѣжали и наносили воды до избытка. Тотъ же келарь чрезъ нѣсколько времени пришелъ опять къ блаженному старцу съ жалобою: „повели отче, одному изъ братіи, праздному, приготовить дровъ для поварни“. — „Я праздный, пойду и приготовлю“, отвѣчалъ блаженный. А между

тѣмъ это было время обѣда. Старець благословилъ идти къ обѣду, а самъ взялъ топоръ и началъ рубить дрова. По окончаніи обѣда взялась и братія за приготовленіе дровъ для своего же употребленія. Въ кельѣ блаженный старецъ Іисусъ, въ часы досуга, постоянно занимался рукодѣліемъ. Если случилось выручить за свой трудъ нѣсколько денегъ, онъ дѣлилъ эти деньги на три части: одну на нужды церковныя, другую на нужды братіи, и третію на милостыню нищимъ. Въ запасъ на будущій день у доблестнаго старца не оставалось ни денегъ, ни чего либо другаго; имѣнія, кромѣ нѣкоторыхъ духовныхъ книгъ, также не было никакого. Изъ одежды онъ довольствовался только двумя свитками, власною, жесткою, на тѣлѣ, и другою, худшею, которая покрывала первую. На укоризны въ такомъ простомъ образѣ жизни старецъ не обращалъ никакого вниманія. Былъ и такой обычай у старца: какъ скоро кто изъ братіи подвергался болѣзни, онъ, оставивъ свою келью даже незапертою, приходилъ къ больному и служилъ ему до тѣхъ поръ, пока тотъ не выздоравливалъ.

Но кто можетъ исчислить всѣ духовныя подвиги блаженнаго трудника? Они вполнѣ извѣстны только одному Богу, для Котораго и были совершаемы. На повседневныхъ церковныхъ службахъ Іисусъ присутствовалъ, по прежнему, безъ упущенія, приходя прежде другихъ; а въ келейной молитвѣ съ колѣнопреклоненіемъ проводилъ цѣлыя ночи. При наступленіи св. четьредесятницы, обыкновенно, затворялся въ кельѣ и, пребывая весь великій постъ въ этомъ уединеніи, упражнялся въ непрестанной молитвѣ. Изъ этого затвора онъ выходилъ не прежде, какъ предъ самымъ праздникомъ свѣтлаго Христова Воскресенія.

Для учениковъ своихъ Преподобный составилъ скитскій уставъ, въ которомъ особенно замѣчательно слѣдующее: «если кто соизволитъ жить со мною и послѣ меня въ скитѣ, то не долженъ употреблять въ пищу: коровьяго масла, молока и рыбы, особенно же не пить вина. Общая трапеза должна состоять изъ огородныхъ овощей, съ употребленіемъ въ мѣру постнаго масла. Въ кельяхъ собственныхъ вещей не имѣть; женскаго пола не принимать и отроковъ въ послушаніи не держать.... Кромѣ

ежедневнаго церковнаго правила, въ кельяхъ каждому читать по пяти каѳизмъ изъ Псалтири съ 500 молитвъ Иисусовыхъ и 300 поклоновъ».

За богоугодную жизнь старецъ былъ удостоенъ особенныхъ откровеній. Нѣкоторые ученики его скорбѣли и роптали на трудность носить на гору воду съ озера, отстоящаго отъ скита на версту. Тогда старецъ, ставъ на молитву съ вечера, прилежно и со слезами молился до самой полночи. Въ молитвѣ онъ просилъ Господа Бога и Пресвятую Богородицу, да помогутъ они въ такой нуждѣ братіи его. Въ полночь, онъ пришелъ въ молитвенный восторгъ и увидѣлъ въ кельѣ неизреченный свѣтъ: ему явилась Пресвятая Богородица въ сіяніи небесной славы, съ Преподобнымъ Елеazarомъ Анзерскимъ и двумя Ангелами. Старецъ палъ предъ Владычицею на землю. Она сказала ему: «встань! услышана твоя молитва; завтра возьми учениковъ своихъ и ископай на горѣ кладезь (указывая при этомъ и самое мѣсто); здѣсь будетъ вода на потребу тебѣ и братіи». Пришедъ въ себя, блаженный старецъ разсказалъ своимъ ученикамъ объ этомъ явленіи. Съ наступленіемъ дня старецъ посильнѣлъ съ ними выйти на указанное мѣсто; начали копать колодезь, и дѣйствительно докопались до изобильнаго источника воды *). Всѣ признали это явленіе за знакъ особеннаго промысла Божія о скитѣ и радовались, прославляя Бога и Пресвятую Богородицу единогласною пѣснію: «дивна дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси». Когда же источникъ былъ вполне устроенъ, то старецъ съ братіею совершилъ божественную литургію и по литургіи благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, и затѣмъ крестный ходъ на новый источникъ. По освященіи воды въ источникѣ, огъ окропилъ ею святой храмъ, братскія кельи и вершину горы, съ пѣніемъ стиха Святому Духу: «Днесь благодать Святаго Духа пасъ собра, и вси вземше крестъ Твой.... А по окончаніи священно-

*) Водокъ изъ этого источника пользовались жители скита со времени открытія его до 1827 года, въ которомъ, при постройкѣ новой каменной церкви на горѣ Ролгофѣ, къ сожалѣнію, колодезь засыпанъ.

дѣйствія, не упустилъ блаженный старецъ учениковъ своихъ утѣпить поученіемъ, приличнымъ случаю. Вотъ о чемъ онъ говорилъ: «Не скорбите, братія, не малодушествуйте, но уповайте всегда на Бога. Господь, всемогущимъ Своимъ словомъ, извелъ изъ бездны источники воды сладкія для всѣхъ живущихъ на землѣ вѣрныхъ и невѣрныхъ; насъ ли, рабовъ Его, оставить, не прочитасть? Вспомнимъ обѣщаніе Его: «мать исчадіе свое скорѣе забудетъ, нежели Азъ васъ!»

Къ старцу въ одну ночь пришли разбойники съ намѣреніемъ обокрасть его, не зная, что у него печего было похищать. Притаившись въ сокровенномъ мѣстѣ кельи, они ждали, чтобы старецъ ушелъ въ церковь къ утрениму богослуженію. Старецъ еще не спалъ, а стоялъ на обычномъ правилѣ и слышалъ приходъ ихъ, или, лучше, прозрѣлъ намѣреніе ихъ. Тогда въ своей молитвѣ къ Богу онъ присовокупилъ: «Боже, пошли сонъ рабамъ Твоимъ, утрудившимся въ суетномъ убоженіи врагу». Молитва была услышана и незванные посѣтители спали у кельи старца безпросынно пять дней и пять ночей, пока самъ старецъ, пришедши съ братією, не разбудилъ ихъ словами: «доколѣ стережете всеу?—подите въ дома свои». Пробудившись, они встали, но идти не могли, потому что не мало времени пробыли безъ пищи. Старецъ накормилъ ихъ и отпустилъ. Услышавъ впоследствии, что эти самые люди привлечены къ отвѣтственности за такой поступокъ, онъ послалъ просьбу объ избавленіи ихъ отъ суда. А между тѣмъ поспѣшилъ продать послѣднія книги, какія были у него, и деньги роздалъ нищимъ, изъ опасенія, чтобы опять кто не впалъ въ подобную бѣду. Злые люди, освободившись отъ суда, пришли въ Голгоетскій скитъ, и, испросивъ прощеніе и благословеніе у старца, трудились цѣлое лѣто на пользу братіи. Въ другое время воры пришли въ бывшій у старца огородъ съ овощами. Наполнивъ свои влагалница овощами, они возложили ихъ на себя, съ намѣреніемъ унести, но не могли и съ мѣста сойти, и такъ простояли два дня и двѣ ночи неподвижно, подъ тяжелымъ бременемъ. Потомъ начали кричать: «отче святыи, пусти насъ съ мѣста». На голосъ пришли нѣкоторые изъ братіи, но не могли свести ихъ съ мѣста.

На вопросъ иноковъ: «когда вы сюда пришли?»—они отвѣчали: «два дня и двѣ ночи стоимъ здѣсь».—«Мы всегда ходили сюда, почему же не видѣли васъ?»—«Да и мы, если бы видѣли васъ, давно уже со слезами просили бы прощенія у вашего старца». Пришелъ и самъ старецъ и сказалъ ворами: «вы всю жизнь, пребывая въ праздности, безъ трудовъ, крадете чужіе труды, поэтому стойте здѣсь въ праздности всѣ годы вашей жизни». Со слезами воры умоляли отпустить ихъ, обѣщаясь впредь не дѣлать ничего подобнаго. Старецъ сказалъ: «если хотите руками своими трудиться и отъ труда вашего другихъ питать, то отпущу». Они съ клятвою дали обѣщаніе исполнить его велѣніе. Тогда онъ сказалъ: «благословенъ Богъ, укрѣпляющій васъ; потрудитесь годъ въ этой обители на братію». Послѣ этого разрѣшилъ ихъ отъ невидимыхъ узъ своею молитвою, и они дѣйствительно трудились годъ въ скиту.

Одинъ изъ скитской братіи, бывъ боримъ блудною страстію, пришелъ къ Преподобному просить помощи, съ намѣреніемъ исполнить все, что старецъ повелитъ. Старецъ, поучивъ его жизни воздержной, прикоснулся своимъ жезломъ къ тѣлу брата; тотчасъ же плотская страсть исчезла, и иннокъ никогда болѣе не страдалъ ею.

Годы протекали за годами, и многотрудный старецъ, испытавшій въ своей жизни столько превратностей, приближался къ концу своего земнаго поприща. Свѣтильникъ жизни сталъ видимо догорать въ немъ; съ преклонными лѣтами появилось изнеможеніе силъ, и Преподобный заблаговременно сталъ готовиться къ переселенію въ жизнь нескончаемую. Теперь онъ обратилъ вниманіе собственно на одного себя, хотя не прекращалъ обычной заботы и о пользѣ ближнихъ. Часто съ умиле-ніемъ и слезами онъ воспѣвалъ самъ себя: «душе моя, душе моя! что сплени? конецъ приближается, и имани смутитися». Старецъ часто ходилъ къ изготовленной имъ самимъ могилѣ, и на ней, размышляя о смерти и судѣ Божіемъ, проливалъ слезы и глубоко вздыхалъ.

Господь вѣрному рабу своему не только открылъ приближающуюся кончину, но опредѣлилъ и самый день ея. Блажен-

ный старецъ, задолго до смерти, объявилъ братіи, что кончина его послѣдуетъ въ воскресный день до восхода солнца.

Лежа на одрѣ болѣзни, старецъ призвалъ учениковъ, и между прочимъ, сказалъ имъ: «я отхожу отъ васъ къ вѣчной жизни; а вы пребывайте богоугодно, каждый въ своей, Богомъ предъизбранной, службѣ, безвыходно изъ скита, ради любви братской по Бозѣ».

Но вскорѣ къ тяжелой болѣзни старца присоединилась другая тягчайшая—горячка. Совершенно изнемогая подъ бременемъ ея, онъ только повторялъ себѣ: «воля Господня да будетъ о мнѣ,—что угодно Господу, да сотворить», и потомъ погружался въ молитву. Угасающій подвижникъ три дня и три ночи лежалъ недвижимъ, и едва было замѣтно его дыханіе, такъ что братія, рыдая, ожидали только скорой кончины его.

Но къ общей радости и удивленію, по истеченіи трехъ дней, старецъ получилъ неожиданное облегченіе, всталъ съ одра и обратился къ братіи съ словами: «время жизни моей оканчивается, о чемъ мнѣ и Господь возвѣстилъ! Вы изберите изъ среды васъ себѣ наставника вмѣсто меня; я его поставлю и благословлю». Послѣ этого, спустя день, блаженный старецъ благословилъ преемникомъ себѣ избраннаго братією старшаго ученика своего, Макарія, и вручилъ ему братію и попеченіе о ней. Макарій, поклонившись умирающему отцу своему до земли, далъ обѣщаніе соблюдать всѣ отеческія заповѣди его.

Почувствовавъ облегченіе отъ болѣзни, іеросхимонахъ Іисусъ поспѣшилъ въ послѣдній разъ совершить божественную литургію и причастилъ своихъ учениковъ св. Христовыхъ таинъ. Послѣ литургіи онъ опять почувствовалъ изнеможеніе и возлегъ на болѣзненный одръ, съ котораго уже не вставалъ. Въ эти предсмертныя минуты, онъ весь исполненъ былъ необыкновенной радости, которая доказывала его готовность къ переходу въ вѣчность. Забота объ устроеніи въ скитѣ каменной церкви не оставляла блаженнаго старца на смертномъ одрѣ. Въ 1719 году онъ упросилъ Анзерскаго строителя Германа, за достаточное количество денегъ, заготовить кирпичъ и дру-

гіе матеріали, которыхъ уже не мало было приготовлено. Но эти приготовленія остановились по причинѣ перевода Германа въ другой монастырь. На одрѣ смертномъ Іисусъ просилъ Анзерскаго строителя Спиридона о продолженіи этаго дѣла и вручилъ ему 236 рублей, 1 алтынъ и 2 деньги. Этого достаточно было для совершенія дѣла. Будучи уже при смерти, сверхъ этихъ денегъ, онъ отдалъ іеромонаху Филарету, монаху Проклу и послушнику Анисиму 100 червонныхъ и 38 руб. на ту же постройку. Іисусъ дожилъ до воскреснаго дня, въ который тогда пришла съ недѣля православіи. Рано утромъ, призвавъ къ себѣ всѣхъ учениковъ, онъ послѣдній разъ облобызалъ и благословилъ каждого, а ученики свидѣтельствовали преданность свою старцу горькими слезами. Простившись со всѣми, іеросхимонахъ Іисусъ сказалъ: „я отхожу ко Владыкѣ моему Господу Іисусу Христу, а вамъ оставляю путеводителемъ къ царствію небесному о. Макарія; отъ него не отставайте на пути добродѣтелей. Еще заповѣдую вамъ: тѣла моего по смерти не оmyвайте, одежду на немъ не перемѣняйте, а въ которой теперь нахожусь, въ ней и положите во гробъ; погребеніе сотворите сами, безъ мірскихъ людей“. Когда плачущіе иноки спросили: „отче святыи, какъ мы останемся въ сиротствѣ безъ тебя: желали бы и мы умереть съ тобою, ибо ты насъ вель ко Христу за собою, а нынѣ далеко оставляешь“— старецъ сказалъ: „утѣшьте, мои возлюбленные, ибо я хотя тѣломъ разлучаюсь, но духомъ пребуду навсегда съ вами“, и съ этими словами отпустилъ ихъ въ кельи. Изъ числа учениковъ одинъ служившій старцу въ болѣзни, вышедши отъ старца, остановился и не пошелъ въ свою келью. Онъ тайно, чрезъ скважину, посмотрѣлъ на больного и увидѣлъ, что, проводивъ изъ кельи иноковъ, старецъ всталъ съ одра, преклонился на колѣна посреди кельи, молился со слезами Богу и Пресвятой Богородицѣ, призывая и святыхъ угодниковъ, и въ молитвѣ этой часто поминалъ устроенную имъ св. киновію и братію. Послѣ молитвы онъ легъ на одрѣ и перекрестился. Чрезъ нѣсколько минутъ опять всталъ съ одра и на колѣнахъ молился Господу съ воздѣтыми руками такъ: „Господи Боже

мой! благодарю Тебя, что призрѣлъ на смиреніе мое и сподобилъ меня скончаться въ православной вѣрѣ въ Тебя, въ исповѣданіи и въ исполненіи заповѣдей Твоихъ! Пріими, Владыко Преблагій, въ мирѣ духъ мой, а Твоихъ рабовъ, которыхъ во едино стадо чрезъ меня грѣшнаго собралъ, сохрани..." Непродолжительна была эта молитва добродѣтельнаго подвижника, и онъ легъ на одръ. Въ эти минуты на лицѣ умирающаго образовалась видимая переменѣ; съ устремленнымъ къ небу взоромъ лице его сіяло необъяснимымъ спокойствіемъ и радостію. Онъ пребывалъ уже недвижимо, въ молчаніи, и какъ будто съ кѣмъ душевно бесѣдовалъ. Вдругъ молчаніе свое старецъ прервалъ восклицаніемъ: „Благословенъ Богъ отецъ нашихъ! если такъ, то уже не боюсь, но въ радости отхожу отъ міра сего!" Съ этими словами въ кельѣ явился необыкновенный свѣтъ, разлилось великое благоуханіе и слышалъ былъ пресладкій гласъ многихъ, неизвѣстно гдѣ поющихъ, псаломскую пѣснь: Яко пройду въ мѣсто селенія дивна даже до дому Божія, во гласъ радованія и исповѣданія, шума празднующихъ (Псал. 41, 5). Въ эту минуту, блаженный на одрѣ своемъ совершенно обратился лицомъ вверхъ, ноги простеръ, руки положилъ на персяхъ крестообразно, и душа его отлетѣла въ обители небесныя, куда постоянно стремилась во все теченіе своего земнаго страствованія.

Честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ Его (Ис. 11б, 6). Это слово Господне исполнилось надъ іеросхимонахомъ Іисусомъ, котораго Господь сподобилъ представиться въ преклонныхъ лѣтахъ, тихо и мирно, послѣ подвиговъ благочестія, въ недѣлю православія, утромъ, до восхода солнца — 6-го марта 1720 года, такъ какъ предсказалъ о томъ старецъ задолго до своей кончины.

Ученики, возвратившись отъ старца въ кельи, вдругъ услышали пріятное духовное пѣніе, и полагая, что началось въ церкви утреннее богослуженіе, поспѣшили въ церковь, — но, къ удивленію, нашли ее запертою. Въ недоумѣніи они начали прислушиваться къ пѣнію: казалось, что оно происходило въ кельѣ умирающаго. Всѣ туда устремились и нашли Преподоб-

наго. на одрѣ уже мирно предавшаго душу свою Господу. Плачь учениковъ его былъ неописанный; они много сѣтовали о разлукѣ съ своимъ отцемъ, но еще болѣе о томъ, что не сподобились видѣть самую кончину его. Положивъ честное тѣло подвижника въ гробъ, они оставили его въ кельѣ до погребенія.

Кончина блаженного старца не была оглашена учениками его, однакожъ узнали о ней инокѣ Соловецкаго монастыря и Анзерскаго скита, и въ короткое время Голгоескій скитъ наполнился посѣтителеми, которые принесли съ собою ладону, восковыхъ свѣчей, деревяннаго масла и т. п. Всѣ желали, чтобы приношенія ихъ были употреблены при самомъ погребеніи. Пришедшіе инокѣ и міряне, окруживъ келью, ожидали погребенія старца; но не многіе сподобились быть при этомъ. Сильный дождь выпудилъ собравшихся разойтись, а между тѣмъ ученики, воспользовавшись этимъ случаемъ, исполнили заповѣдь старца и совершили погребеніе безъ мірскихъ людей.

Отпѣваніе проеходило въ церкви, чрезъ три дня по представленіи, т. е. въ среду на второй недѣлѣ св. четырехдесятиницы, послѣ преждеосвященной литургіи. Совершали священнодѣйствіе іеромонахи Іакинфъ, Филаретъ и Проклѣ съ іеродиаконами въ присутствіи всей скитской братіи и пустынножителей, которые посѣщали на провожаніе своего отца. Когда оставалось отдать послѣднее цѣлованіе почившему старцу, было прочитано найденное въ кельѣ въ запечатанномъ конвертѣ духовное завѣщаніе братіи. Въ завѣщаніи Преподобный, прежде всего, воздастъ хвалу Господу Богу за всѣ Его благодѣянія къ себѣ въ продолженіе долголѣтней жизни своей; затѣмъ, выразивъ всю свою надежду на воскресеніе и жизнь вѣчную, утѣшаетъ учениковъ, прощается съ ними, благодаритъ всѣхъ еще живыхъ благодѣтелей, и наконецъ объявляетъ, что имѣнія никакого не осталось. Скитскіе инокѣ на своихъ рукахъ вынесли изъ церкви утружденное тѣло старца и положили въ каменномъ склепѣ, приготовленномъ на самой горѣ, глубиною не болѣе одного аршина. Поверхъ склепа они поставили дере-

вянную, хорошо отдѣланную гробницу, на которой сдѣлали приличную надпись, а на самую гробницу положили еще деревянную доску съ словами: „Здѣсь скончался 1720 года, марта 6-го дня, Преподобный Іовъ (въ схимѣ Іисусъ), строитель прежде бывшій Анзерскій, а потомъ Голгоевскій, рожденный 1635 года. Въ монашество поступилъ 1701 года. Въ Анзерскій скитъ перешелъ на безмолвіе 1702 года. Строительство Анзерское принялъ 1706 года. Въ схиму постригся въ 1710 году. На гору Голгоу пришелъ жить строителемъ 1714 года. Показавшій образъ добродѣтелей—словомъ и житіемъ, любовію и духомъ, вѣрою и чистотою сердечною.

Отъ рожденія житія его было 85 лѣтъ.

1720 года марта 9-го дня погребенъ здѣсь“.

Съ самаго дня погребенія, усердствующіе во множествѣ начали отправлять на могилѣ его панихиды; такъ что чрезъ нѣсколько времени, усердіемъ учениковъ блаженнаго старца, надъ гробницею поставлена часовня и на надгробной доскѣ изображенъ ликъ Преподобнаго.

По смерти блаженнаго старца всѣ дѣла о дальнѣйшемъ устроеніи Голговораспятскаго скита приняли другой ходъ. Анзерскій строитель объявилъ, будто покойный приказывалъ духовному отцу при кончинѣ своей, чтобы оставленные имъ деньги, равно и заготовленные матеріалы, отдать въ Анзерскій скитъ на сооруженіе придѣльной теплой церкви во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. Хотя деньги и были употреблены по желанію строителя, но выстроенный придѣльный храмъ вскорѣ сгорѣлъ со всею ризницею и имуществомъ. Ученики старца, не видя себѣ ни откуда защиты, въ 1721 году вынуждены были выйти изъ скита въ Соловецкій монастырь и Анзерскій скитъ. На Голгоѣ остались только два любители безмолвія—иноки Геннадій и Сергій. Отъ этихъ послѣднихъ обитателей скита начальствомъ Соловецкаго монастыря отобрано скитское и церковное имущество и передано въ Анзерскій скитъ. Наконецъ указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 23-го іюля 1723 года (за № 496), Голгово-распятскій скитъ, какъ малолюдный, соединенъ съ Анзерскимъ-Троицкимъ скитомъ.

Но гора «Голгоѳа» — священное мѣсто, прославленное явленіемъ Пресвятой Богородицы, не осталось пустымъ. Иноки, любители пустынной жизни, одинъ по другому, а иногда по два, по три и болѣе, не переставали обитать въ упавшемъ на время скитѣ.

Въ 1764 году, при учрежденіи духовныхъ штатовъ, Голгоѳо-распятскій скитъ приписанъ къ Соловецкому монастырю, и съ этого времени Соловецкіе настоятели взяли скитъ въ свое попеченіе. Въ 1768 году, по указу Святѣйшаго Синода, были возвращены въ Распятскій скитъ всѣ вывезенныя изъ него и хранившіяся въ Архангельскѣ, въ архіерейскомъ домѣ, драгоценныя вещи, болѣею частію дары царственныхъ особъ прежняго времени, Евангеліе, погирь, кадила, облаченія и проч.

До 1826 года въ Голгоѳо-распятскомъ скитѣ жили Соловецкіе иноки, искавшіе особенной строгости жизни, безмолвія и отшельничества. Деревянный храмъ, построенный Иисусомъ, пришелъ въ совершенную ветхость. Но въ 1826 году скитъ приведенъ въ благоустройство тщаніемъ настоятеля Соловецкаго монастыря, архимандрита Досіея. Съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, въ Голгоѳскомъ скитѣ выстроена и освящена 13-го сентября 1830 года новая каменная церковь Распятія Господа Иисуса Христа и при ней теплый придѣлъ Успенія Пресвятой Богородицы *). Въ этомъ придѣлѣ, на лѣвой сторонѣ, находится гробница блаженнаго старца, іеросхимонаха Иисуса. Деревянная церковь, выстроенная имъ, перенесена подъ гору, на то мѣсто, гдѣ было первое явленіе Пресвятой Богородицы блаженному старцу, т. е. на мѣсто кельи пустынножителя, іеродіакона Паисія. Съ этого времени постоянно назначается въ скитъ іеромонахъ изъ Соловецкаго братства, опытный въ иноческой жизни, въ качествѣ строителя, и десять или болѣе подъ его вѣдѣніе иноковъ; послѣдніе посылаются всегда изъ особенно расположенныхъ къ воздержной и безмолвной жизни, по собственному желанію.

*) Эта церковь, возвышающаяся надъ землею вмѣстѣ съ горою на 86 сажень, видна съ моря верстѣ за 50.

Скитскій уставъ основателя старца Исуса относительно церковнаго и келейнаго правила и постной трапезы доселѣ исполняется въ точности, исключая того, что возобновителемъ скита, архимандритомъ Доспѣсемъ, по немощи братіи, благословлено на трапезѣ вкушать рыбу въ тѣ дни, въ которые разрѣшаетъ это святая Церковь.

Въ Голгово-распятскомъ скитѣ производится непрерывное чтеніе Псалтири, въ тепломъ Успенскомъ придѣлѣ, у самой гробницы основателя. Оно не прерывается ни днемъ, ни ночью, кромѣ того часа, въ который совершается божественная служба въ этомъ храмѣ. Во все остальное время, чрезъ каждые два часа, въ скитѣ слышатся три удара на колокольнѣ въ небольшой колоколь, — этимъ извѣщается смѣна чтеца-инока. Цѣль этого чтенія та, чтобы непрестанно славословить имя Божіе и помянуть живыхъ и умершихъ благодѣтелей. Такъ, на каждой славѣ Псалтири возносится молитва о здравіи благочестивѣйшаго Самодержца Россіи и Его Августѣйшаго дома, Святѣйшаго Синода, всей братіи Соловецкаго монастыря, братіи скитской, благодѣтелей и посѣтителей обители и всѣхъ православныхъ христіанъ. Къ этому присоединяется моленіе и объ усопшихъ, — о вѣчномъ ихъ покоѣ, съ надеждою на воскресеніе по вѣрѣ въ воскресшаго Господа.

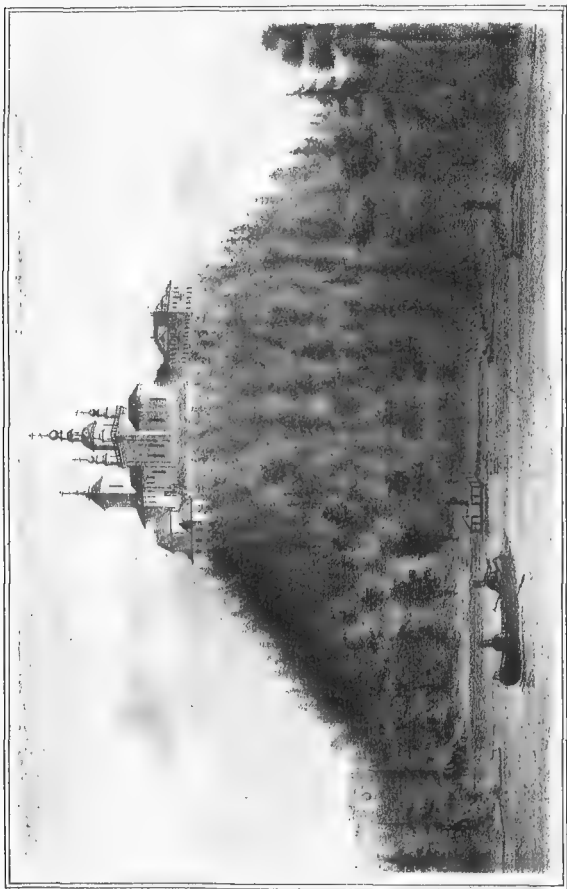
Въ лѣтнее время тысячи богомольцевъ стремятся изъ Соловецкой обители на Голгоу, не смотря на опасности, неизбѣжныя при переправѣ на Анзерскій островъ чрезъ бурный морской протокъ. Умилительно видѣть, какъ эти странники съ благоговѣніемъ повергаются предъ гробницею блаженнаго старца, съ какимъ усердіемъ служатъ панихиды объ упокоеніи души этого великаго труженика, съ присоединеніемъ и именъ усопшихъ своихъ родныхъ и близкихъ.

Современные Преподобному старцу иноки изображаютъ внѣшній видъ его такъ: онъ былъ средняго роста, тѣлосложенія благообразнаго; имѣлъ лице широкое, гладкое; на ланитахъ примѣтенъ былъ румянецъ. Глаза свѣтлые и проникательныя, взглядъ пріятный; волосы на головѣ украшены снѣго-свѣтлою сѣдиною, кудрявые, благолѣпно разстилались по плечамъ; уста

и носъ умѣренныя; борода густая, одного цвѣта съ волосами на головѣ; длина ея доходила до трехъ дланей и въ концѣ раздвоялась.

До селѣ шла повѣсть о Соловецкихъ подвижникахъ, жившихъ во времена давно минувшія, о которыхъ память сохранилась до настоящаго времени. Но мѣсто, освященное добродѣтелями и подвигами Преподобныхъ Зосимы и Савватія и ихъ ревностныхъ подражателей, и въ наше время имѣло истинныхъ рабовъ Божіихъ, ревновавшихъ о своемъ спасеніи и неуклонно шествовавшихъ по стезямъ, по которымъ прошли ихъ древніе отцы. Было бы не согласно съ истиною сказать, что нынѣ не тѣ времена, чтобъ угождать Богу, что истинныхъ подвижниковъ, подобныхъ древнимъ святымъ, нынѣ нѣтъ на свѣтѣ и быть не можетъ. Время не составляетъ непреодолимаго препятствія искренно желающимъ спасенія; дѣло спасенія зависитъ отъ нашего собственнаго изволенія и рѣшимости; благодать Божія, укрѣпляющая древнихъ подвижниковъ, и нынѣ одна и таже; она и теперь одинакова и неизмѣнима для людей, и неизмѣняема, какъ неизмѣняемъ въ существѣ своемъ Богъ. Въ увѣреніе съ одной стороны въ томъ, что и нынѣ есть угождающіе Богу, а съ другой въ примѣръ спасающимся, предлагаемъ повѣсть о нѣкоторыхъ подвижникахъ нынѣшняго вѣка, которые на глазахъ нашихъ проходили и скончали поприще земной жизни въ строгихъ подвигахъ христіанскаго благочестія.

Архангельская
Областная
Библиотека
им. Н. А. Добролюбова

ГОЛГОТНО-РОСПЯТСКИЙ СКИТЪ НА АНЗЕРСКОМЪ ОСТРОВѢ.

ПУСТЫННИКЪ АФОАНЪ.

Происхожденіе.—Послушничество.—Путешествіе въ Молдавію.—Жизнь въ Немецкомъ монастырѣ.—Возвращеніе въ Кіевъ.—Досноей.—Прибытіе въ Соловецкій монастырь.—Поселеніе въ пустынь.—Возвращеніе въ монастырь.—Жизнь въ Сумахъ.—Экономство.—Разсказъ зюнаря.—Удаленіе на Поморскій берегъ.—Жизнь въ пустынь.—Возвращеніе въ Соловецкій монастырь.—Жизнь въ Голгоо-распятскомъ скитѣ.—Наставленіе.—Искушеніе.—Видѣніе Волѣанъ.—Смерть.

фофанъ былъ родомъ изъ малороссійскихъ земледѣльцевъ. Двѣнадцати лѣтъ онъ лишился своихъ родителей и остался сиротою, вмѣстѣ съ малолѣтнимъ братомъ и сестрою. Шестнадцати лѣтъ Теофанъ принялся за земледѣліе. Однажды, когда онъ трудился въ полѣ, божественный свѣтъ озарилъ его душу; особенное умиленіе наполнило его сердце: въ тотъ же часъ онъ распрягъ воловъ своихъ, оставилъ землю, плугъ и, даже не простясь съ братомъ и сестрою, увлекаемый любовію ко Христу, пошелъ изъ родной стороны. По прибытіи въ Киевопечерскую лавру, онъ былъ принятъ въ число послушниковъ. Здѣсь онъ въ разныхъ трудахъ провелъ семнадцать лѣтъ и опредѣленъ былъ на служеніе подвижнику Досноею, проживавшему въ затворѣ уже третье десятилѣтіе. Досноей никуда не выходилъ изъ своей кельи и никого не принималъ къ себѣ; желавшіе получить отъ него благословеніе и наставленіе могли бесѣдовать съ нимъ чрезъ окно его кельи. Особый даръ слова въ немъ соединялся съ прозорливостію. Онъ обличалъ тайныя прегрѣшенія и возбуждалъ къ покаянію; предо-

стерегаль отъ будущихъ бѣдъ и искушеній. Замѣчали, что когда онъ давалъ просфору или жезлъ, то этимъ означалось выздоровленіе и благоденствіе, а когда ладонь, то этимъ предвѣщалась смерть. У этого подвижника Теофанъ учился иноческой жизни. Скоро въ немъ возгорѣлось желаніе посѣтить святія мѣста, ознаменованныя событіями земной жизни Господа Іисуса Христа. Когда Теофанъ просилъ у своего старца благословенія на дальній путь, то получилъ отвѣтъ: «пѣть тебѣ пути ни въ Іерусалимъ, ни въ Святую Гору; тебѣ предлежитъ въ свое время другой путь; а теперь, если желаешь, ступай въ Молдавію; это будетъ тебѣ на пользу». Онъ велѣлъ Теофану идти на Подоль (нижнюю часть города Кіева), и, отыскавъ тамъ двухъ молдавскихъ иноковъ, привести ихъ къ нему. Одинъ изъ этихъ иноковъ былъ Софроній, другъ и сподвижникъ великаго Паисія, бывшій послѣ архимандритомъ. Исполнивъ всѣ порученія, данныя ему Паисіемъ, онъ собирався отправиться въ обратный путь, какъ Досіеѣй призвалъ его и просилъ взять съ собою его ученика. Молдавскіе иноки охотно взяли съ собою Теофана и пользовались его услугами въ пути. Не легкокъ показался Теофану путь этотъ отъ притѣсненій со стороны Турокъ и разныхъ линеній, такъ что онъ расказывался въ томъ, что покинулъ Кіевъ. Вблизи Нѣмецкой обители встрѣтилъ путниковъ Паисій и привѣтствовалъ Теофана слѣдующими словами: «Чадо Теофане! не вотще бысть къ намъ путь твой; онъ уготовитъ тебѣ изду свою». Любезно принятый, Теофанъ сначала жилъ въ Нѣмецкомъ монастырѣ; потомъ ходилъ въ другія обители, осматривая ихъ мѣстоположеніе, изучая чиноположеніе и уставы монашескіе, правы и обычаи иноческаго житія. Весьма поучительнымъ показался ему примѣръ жизни этихъ иноковъ. Нестяжаніе ихъ было полное; въ кельяхъ, кромѣ иконы, книги и орудій для рукодѣлья, не было ничего. Иноки особенно отличались смиреніемъ, устраняясь гордости и тщеславія; ненависти и взаимныхъ обидъ они не знали; если случалось кому либо, по неосторожности или горячности, оскорбить другаго, такой спѣшилъ примириться съ оскорбленнымъ. Кто не хотѣлъ простить согрѣшившаго

брата, былъ изгоняемъ изъ монастыря. Походя у иноковъ была скромная и благочинная: глаза опущены въ землю; при встрѣчѣ одинъ другаго предупреждалъ поклономъ; въ церкви стояли на назначенномъ для каждаго мѣстѣ; празднословія не допускали не только въ церкви, но ни въ монастырѣ, ни внѣ его. Съ аввою Паисіемъ жило тогда до семи сотъ братій, и когда они собирались на послушаніе по сту и по полтораста человѣкъ, то одинъ изъ братій читалъ книгу, или рассказывалъ какую либо душеполезную повѣсть. Если же кто начиналъ правднй разговоръ, немедленно его останавливали. Въ кельяхъ одни писали книги, другіе пряли волну, иные шили клобуки и камилавки, выдѣлывали ложки, кресты, или занимались разными рукодѣліями. Всѣ были подъ надзоромъ духовниковъ и наставниковъ; никто самовольно не дерзалъ даже стѣсть какой либо плодъ, которыхъ такъ много въ той странѣ; только съ благословеніемъ и всѣ вмѣстѣ они вкушали произведенія земли во славу Божию.

По сердцу припалась Оеафану эта жизнь и онъ просилъ Паисія оставить его въ Молдавіи. «Иди теперь въ Россію», сказалъ Паисій, «и еще не много послужи старцу, имѣющему скоро скончаться, и, по благословенію его, иди спасаться, куда онъ тебѣ укажетъ». И напутствуя его своимъ благословеніемъ, прибавилъ: «чадо, Богъ и Пречистая да соблюдутъ тебя на всякомъ пути; вѣрую, что Богъ не дастъ тебѣ искушиться болѣе мѣры и сподобитъ части избранныхъ своихъ, ради молитвы Преподобныхъ отецъ Антонія и Теодосія, Печерскихъ чудотворцевъ, и старца твоего Досіея; да будетъ на тебѣ отъ нашего смиренія благословеніе Божіе. Скажи благоговѣйному старцу твоему благодарность и не забывай наше убожество». Снабженный на дорогу всѣмъ потребнымъ. Оеафанъ благополучно прибылъ въ Кіевъ. Досіеей провелъ послѣдніе годы своей жизни въ Китаевской пустынѣ. Почувствовавъ приближеніе кончины, пустынный сказалъ своему ученику: «возлюбленное чадо мое, ты много послужилъ мнѣ; теперь я отхожу въ путь отцевъ моихъ; когда погребешь меня, не оставайся здѣсь, но иди на сѣверъ: тамъ въ

обители Соловецкой ты найдешь спасеніе». Теофанъ отвѣчалъ: „отче, я обѣщался проводить жизнь при пещерахъ Преподобныхъ Антонія и Θεодосія“. „Чадо“, сказалъ старецъ, «предъ Богомъ равны здѣсь Антоній и Θεодосій, тамъ Зосима и Савватій; они имѣютъ у Бога одинаковую благодать ходатайствовать о духовныхъ чадахъ своихъ. Вижу, что Божественный промыслъ указываетъ тебѣ мѣсто на сѣверѣ, и вѣрую, что строить все по желанію твоему, на пользу и спасеніе души твоей, и поможетъ тебѣ понести скорби пустыннаго житія. Не противься опредѣленію Вышняго; но пребывая тамъ, внимай себѣ, и блюдись отъ лютаго звѣря, ищущаго поглотить тебя. Если же и найдетъ искушеніе не унывай,— но мужественно старайся исправить себя“. Таково было предсмертное наставленіе Досіея своему ученику. Послѣ 30-ти лѣтняго затворничества, онъ скончался въ 1778 г. на 53 году жизни. Послѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что затворникъ Досіей была дѣвица Дарія изъ Рязанскихъ дворянъ Тяпкиныхъ. Съ двухъ до девяти лѣтъ своей жизни она провела въ кельѣ бабушки своей, монахини московскаго Вознесенскаго монастыря Порфиріи. Когда Порфирія припяла схиму, то Дарію опять взяли въ домъ, гдѣ она пробыла до 15-ти лѣтняго возраста. Изъ монастыря она вышла совершенною монахиней; въ среду и пятокъ ничего не ѣла; мяса, молока и яицъ совсѣмъ не употребляла; не только игръ, но и всякаго общенія съ людьми удалялась; наконецъ, отправясь въ рощу съ своими сестрами, какъ бы для прогулки, скрылась. Напрасны были поиски родителей. Спустя три года сестра Даріи съ матерью отправилась въ лавру Преподобнаго Сергія, и тамъ въ юномъ монахѣ, зажигающемъ свѣчи, примѣтила удивительное сходство съ своею пропавшею сестрою. Она просила одного іеромонаха привести этого инока къ себѣ. Іеромонахъ передалъ приглашеніе; но юного инока уже не стало въ обители Преподобнаго Сергія. Спустя двадцать лѣтъ, эта сестра была въ Кіевѣ, бесѣдовала съ затворникомъ Досіеемъ, но онъ не показавъ лица своего, и далъ совѣтъ не допытываться, если кто изъ родныхъ скрылся ради Господа. Когда сестра въ дру-

гой разъ прибыла въ Кіевъ, Досіея уже не было въ живыхъ.

Инокъ Теофанъ сначала не исполнилъ завѣта своего старца, и остался жить въ Кіевѣ. Ископавъ себѣ пещеру, онъ думалъ поселиться въ ней, но ему не дозволили; потомъ онъ удалился въ пустыню подлѣ лавры, но и здѣсь запретили ему жить. Видя неблаговоленіе Божіе за ослушаніе старцу, онъ оставилъ Кіевъ и направилъ путь свой въ отдаленную Соловецкую обитель. Онъ прибылъ въ обитель при архимандритѣ Іеронимѣ и проходилъ разныя послушанія, началъ съ просфорни. Здѣсь онъ нашелъ ипока Климента, проводившаго подвижническую жизнь. Климентъ говорилъ тѣлу своему: «я смиряю тебя сухояденіемъ, алчбою и жаждою, чтобы ты было покорно и удобнѣе текло своимъ путемъ, неся возложенное иго». Въ бесѣдахъ Теофана съ Климентомъ иногда рѣчь заходила о пустыножителяхъ, прежде бывшихъ на Соловецкомъ островѣ, какъ они, вѣдомые только единому Богу, жили въ алчбѣ и жадѣ, питаясь мохомъ и разными плодами; терпѣли всякую тѣсноту, морозъ и различныя страхованія отъ враговъ спасенія. Но подвижники Христовы, вооружась вѣрою и молитвою, мужественно преодолевали все. Эти бесѣды воспламенили въ Климентѣ желаніе безмолвнаго житія и онъ просилъ у своего старца благословенія идти въ пустыню. Старецъ, по испытаніи, видя его непреклонное желаніе и зная его терпѣніе, съ молитвою отпустилъ его въ уединеніе. Какъ олень спѣшитъ къ источникамъ воднымъ, такъ онъ устремился внутрь острова въ необитаемыя мѣста. Тамъ подъ горою онъ нашелъ удобное мѣсто, гдѣ, выкопавъ пещеру, началъ жить въ постѣ и молитвѣ.

Теофанъ заботился о своемъ бывшемъ сожителѣ и посылалъ ему необходимое. Но скоро мѣстопребываніе его было открыто однимъ изъ монастырскихъ служителей, который донесъ о пустынникѣ архимандриту Іерониму. Архимандритъ распорядился привести его въ монастырь и возвратить въ просфорню. Но любитель безмолвія не имѣлъ покоя, слѣдаемый желаніемъ жить въ пустынѣ. Съ наступленіемъ весны

Климентъ опять получилъ отъ старца дозволеніе идти въ пустыню. Теофанъ сначала скорбѣлъ, потерявъ сожителя; потомъ тайно ушелъ изъ монастыря и въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ острова отыскивалъ своего друга Климента. Не найдя его, онъ близъ такъ называемаго Ягоднаго озера, въ десяти верстахъ отъ монастыря, устроилъ себѣ землянку, въ которой и поселился. Пустынникъ ночью пѣлъ Псалтирь и клалъ поклоны, а днемъ занимался трудами и собиралъ мохъ и корни для пищи. Давнее желаніе его пустыножительства теперь было удовлетворено; душа его чувствовала себя въ пустынѣ, какъ совершенно въ сродной стихіи. Діаволъ страшилъ Теофана разными видѣніями: иногда, казалось ему, являлись дикіе звѣри, или прилетали во множествѣ хищныя птицы и поднимали крикъ; иногда представлялось какъ бы конное войско враговъ, иногда даже страдалъ онъ отъ бѣшенія. Тогда повергался онъ предъ Богомъ, прося помощи и заступленія,—и Господь спасалъ его.

Не оставляла Теофана надежда отыскать гдѣ либо Климента или найти другихъ отшельниковъ,—съ этою цѣлію онъ обходилъ соседнія горы и долины. Однажды онъ отыскалъ двухъ пустытниковъ, семь лѣтъ обитавшихъ въ одной кельѣ. Проведя у нихъ ночь, онъ узналъ чинъ ихъ моленія: вставъ въ полночь одинъ дѣлалъ поклоны, а другой, воздвѣвъ руки, молился о себѣ и о братѣ своемъ; потомъ первый становился на его мѣсто, а второй братъ творилъ поклоны. Въ другой разъ, ходя по острову, онъ встрѣтился съ посланными отыскивать его самаго: съ ними онъ пришелъ въ монастырь. Вскорѣ Теофанъ былъ посланъ въ Суму для надзора за Соловецкимъ подворьемъ. Жизнь среди міра измѣнила духовное настроеніе Теофана; три года съ половиною онъ пробылъ въ Сумахъ въ попеченіяхъ житейскихъ и потомъ былъ посланъ въ Архангельскъ для закупокъ. Преемникъ Іеронима, архимандритъ Герасимъ, назначилъ его экономомъ обители. Здѣсь чрезъ звонаря обители онъ получаетъ разъ привѣтствіе отъ своего прежняго сподвижника. „Развѣ живъ еще Климентъ?“ съ нѣкоторымъ страхомъ спросилъ Теофанъ. «Живъ», отвѣчалъ зво-

наръ, и разскажалъ ему свою встрѣчу съ Климентомъ. Будучи въ Анзерскомъ скиту и посѣтивъ Голговскую гору, звонарь на обратномъ пути свернулъ съ дороги, собирая ягоды, сбился съ пути, два дня блуждалъ по острову, и на третій, увидѣвъ дымъ въ горѣ, обрадовался такому открытію. Подойдя къ горѣ, онъ нашелъ малое отверстіе, а за тѣмъ и самую дверь въ келью, въ которую и вошелъ по обычной молитвѣ. Здѣсь онъ увидѣлъ пустынника стоящаго на молитвѣ, поклонился ему, сѣлъ и, по его приглашенію, разскажалъ о себѣ. Тогда пустынникъ узналъ въ звонарѣ давняго знакомаго своего и сказалъ, что онъ Климентъ, сотрудникъ Теофана въ просфорнѣ. На вопросъ звонаря, какъ онъ попалъ сюда и какъ жилъ все это время, Климентъ повѣствовалъ:

«Выйди изъ монастыря, я пошелъ къ морю. Здѣсь на берегу нашелъ три бревна, сдѣлалъ плотъ и на немъ пустился въ море, взывая: Господи Іисусе Христе, Боже мой! Ты вѣдаешь мое намѣреніе; желая служить Тебѣ одному, бѣгаю людей. Если тебѣ угодно спасти мою душу на этомъ островѣ: удержи меня здѣсь; а если предназначилъ мнѣ иное мѣсто, педи туда. Молю Тебя, Владыко, не лиши меня Твоего промысла; но дабудетъ во всемъ Твоя святая воля». Молясь такъ, я началъ удаляться отъ берега, гребя попавшимся деревомъ подулъ попутный вѣтеръ и я скоро присталъ къ Анзерскому острову. Отыскивая на берегу мѣсто, удобное для жительства, я пришелъ сюда, выстроилъ здѣсь хижину и шестой годъ въ безмолвіи работаю Богу». «Скажи, чѣмъ ты питаешься», спросилъ звонарь, «и не беспокоятъ ли тебя нечистые духи»? Пустынникъ указалъ ему на корень одного растенія, изъ котораго приготовлялъ себѣ пищу, а о бѣсовскихъ нападеніяхъ разсказывалъ, что, въ началѣ своего прибытія на островъ, онъ много терпѣлъ отъ нечистыхъ духовъ. Иногда они приходили въ видѣ рыболововъ и гнали пустынника прочь, иногда въ видѣ дикихъ звѣрей устремлялись на него, готовясь какъ бы растерзать». «Но скажи», спросилъ пустынникъ, «живъ ли мой отецъ Теофанъ, и что съ нимъ»? „Живъ и теперь закупщикъ“, отвѣчалъ звонарь. Услышавъ это, Климентъ ударилъ себя въ

грудь, упалъ на землю и, рыдая, говорилъ: «увы мнѣ грѣшному! Слышу не то, что хотѣлъ бы; скажи ему, Господа ради, что онъ погибаетъ; передай ему скорбь мою. Гдѣ его прежняя подвижническая жизнь? Гдѣ ревность къ добродѣтели и желаніе пустынной жизни? Находясь среди міра и его соблазновъ, онъ болѣе и болѣе погрязаетъ въ житейскихъ заботахъ. Вотъ тѣ три пустынника, которыхъ видѣлъ казначей Іоаннъ, совершили свой подвигъ и съ миромъ скончались о Господѣ, и я похоронилъ ихъ своими руками».

Въ бесѣдѣ съ Климентомъ звонарь провелъ всю ночь, а утромъ, испросивъ у пустытника напутственное благословеніе и узнавъ дорогу въ скитъ, возвратился домой.

Разсказъ звонаря глубоко потрясъ Теофана. Другъ его подвизается, а онъ погруженъ въ житейскія попеченія и не имѣетъ времени подумать о душѣ. Чувство скорби и покаяніе объяло его сердце и онъ искалъ средства исправить свою жизнь. Скоро Господь открылъ ему путь покаянія. Новый архимандритъ Герасимъ, ревностно желавшій водворить порядокъ въ обители, дѣлалъ Теофану, надзиравшему за монастырскими работами, строгія внушенія. Теофанъ, рѣшился оставить Соловецкій монастырь, взялъ малый карбазъ и хлѣба, и пустился въ море, съ намѣреніемъ поселиться въ поморьѣ. Сначала дулъ тихій вѣтеръ, но потомъ поднялась сильная буря. Видя предъ собою смерть, Теофанъ возопилъ: «Господи Іисусе Христе, помилуй меня! Ты вѣдаешь, что я вдаюся волнамъ эгимъ ради Тебя. Молю Твое милосердіе, — дай мнѣ время на покаяніе; ибо вижу, что волны готовы поглотить меня, бездна водная да не сведетъ въ адъ душу мою, не готовую предстать на страшный судъ». Волны такъ были сильны, что не возможно было ни держать паруса, ни грести веслами. Теофанъ лежалъ среди лодки, каждую минуту ожидая смерти. Такъ его носило по морю десять дней; наконецъ онъ былъ выкинутъ на берегъ, гдѣ слезно благодарилъ Бога за спасеніе отъ очевидной гибели. На вопросъ земледѣльца — о чемъ онъ плачетъ? Теофанъ высказалъ ему желаніе поселиться гдѣ нибудь въ уединенной пустынѣ и просилъ его,

какъ туземца, указать удобное мѣсто. Селянинъ отвелъ его въ глухой лѣсъ къ хижинѣ, въ которой пришлецъ и поселился.

Господь очищаетъ и возводитъ къ высшему совершенству избранныхъ своихъ разными путями, сообразно съ ихъ духовнымъ состояніемъ. Доселѣ въ Теофанѣ было много добрыхъ порывовъ, много благочестивыхъ желаній, но не было полного отверженія своей воли и покорности волѣ Божіей; не было непреклонной рѣшимости къ подвижничеству. По этому Господь вразумляетъ его скорбями и искушеніями, чтобы укрѣпить его доброе желаніе. Нѣкоторые люди нашли Теофана въ хижинѣ, въ которой онъ поселился, и привели его въ Кемь, гдѣ заключили подъ стражу, думая при удобномъ случаѣ отправить въ Соловецкій монастырь. Увидѣвъ, что сторожъ его заснулъ, Теофанъ тихо вышелъ изъ мѣста своего заключенія и побѣжалъ въ лѣсъ. Дорогою онъ наткнулся на проходившихъ людей и просилъ ихъ указать ему такое пустынное мѣсто, гдѣ бы никто его не нашелъ. Сжались надъ нимъ, эти люди накинули на него ветхое рубище, дали ему пищи и отвезли по рѣкѣ вверхъ верстъ за 30 и болѣе, гдѣ и указали ему шалаши звѣролововъ. Но спокойствіе пустытника здѣсь было нарушено. Поморскіе звѣроловы нашли его здѣсь, и, узнавъ, что это Теофанъ, бывший Соловецкій закупщикъ, подумали, что онъ бѣжалъ изъ монастыря съ деньгами и хотѣли отнять у него предполагаемое богатство. Когда же Теофанъ сталъ увѣрять, что у него нѣтъ никакихъ денегъ, звѣроловы сожгли его келью, били его, пытали на огнѣ; потомъ, привязавъ веревкою, протаскивали Теофана подо льдомъ на озерѣ изъ одной проруби въ другую, и грозили или отвести его въ монастырь, или совсѣмъ утопить въ озерѣ. Не добившись желаемого, они оставили пустытника полумертвымъ. Придя въ чувство, Теофанъ благодарилъ Бога за претерпѣнныя страданія, признавая себя достойнымъ и большаго наказанія за свои грѣхи. Увидѣвъ хижину свою сожженною, хлѣбный запасъ и рабочія орудія, данныя отъ христіанцевъ, разграбленными, онъ слезно молился Богу: «Ты зришь, Господи, страданія мои, видишь бѣду мою: я не имѣю чѣмъ питаться и прикрыть наготу

мою; молю Твое милосердіе, помоги мнѣ. Я умру здѣсь, если есть на то воля Божія; но Господь силенъ укрѣпить немощь мою». Оправившись, онъ пошелъ на другое мѣсто, достать огня, собралъ дровъ, и съ великимъ трудомъ выкопалъ себѣ пещеру. Не имѣя ни хлѣба, ни орудія для копанія какихъ нибудь корней, онъ собиралъ гнилое дерево и мохъ, варилъ ихъ въ водѣ въ берестяной посудѣ, и тѣмъ питался. Но отъ такой пищи пустыжникъ совершенно ослабѣлъ и ежечасно ожидалъ себѣ смерти. Впослѣдствіи онъ самъ рассказывалъ, что сильный голодъ заставлялъ его употреблять такую пищу; но желудокъ отказывался принимать ее. Когда онъ проглатывалъ ее, чувствовалъ тяжкую боль, такъ что много разъ падалъ на землю и, какъ бы прощаясь съ жизнію, говорилъ: «Господи пріими въ мірѣ духъ мой». Потомъ, ощущая въ себѣ нѣкоторую теплоту, вставалъ и просилъ Бога о укрѣпленіи своей немощи. Въ такихъ страданіяхъ Теофанъ дожилъ до лѣта; тогда онъ наготовилъ себѣ кореньевъ, моху, разныхъ ягодъ и пять лѣтъ питался такою пищею. Сосѣдніе поселяне, узнавъ о пустыжникѣ, иногда приносили ему необходимое. Когда же Теофанъ началъ сѣять рожь и ячмень на избранномъ имъ удобномъ небольшомъ мѣстѣ, то не только ему самому доставало на прокормленіе, но иногда оставалось и для другихъ. Молитвенное правило его было 2,400 поклоновъ въ сутки. Многіе поморяне, особенно живущіе въ Кеми, имѣли къ Теофану великое усердіе и любили его, какъ своего духовнаго отца. Теофанъ прожилъ здѣсь 24 года. Мѣстные власти съ подозрѣніемъ смотрѣли на то, что Теофанъ учитъ народъ, и угрожали ему изгнаніемъ. Дѣйствительно, вскорѣ прибылъ Соловецкій іеромонахъ Іосифъ и, взявъ пустытника, привезъ въ Соловецкій монастырь. Это было въ 1817 г., при архимандритѣ Паисіи. Старецъ прибылъ ночью и, придя къ утрени въ церковь Преподобныхъ Зосимы и Савватія, приложился къ ихъ мощамъ и сталъ съ умиленіемъ слушать службу. Страненъ былъ видъ пустытника: онъ былъ малаго роста; весь почернѣвшій отъ дыму; на головѣ ветхая камилавка; вся его одежда изорвана. Изъ Соловецкой обители Теофанъ скоро былъ

отпущенъ на Анаерскій островъ, въ Голгоескій скитъ. Сюда приходили къ нему поморяне, жалуясь на то, что онъ оставилъ ихъ, и готовы были опять увести къ себѣ старца. Теофанъ съ угрозою отгонялъ этихъ соблазнительей. Старцу въ это время было 73 года; онъ не имѣлъ силъ ни воды, ни дровъ внести себѣ на гору; поэтому осенью поставили ему келью подъ горою, гдѣ онъ и поселился. И здѣсь онъ перенесъ много болѣзней, много вытерпѣлъ отъ людской досады, отъ нечистыхъ духовъ искушеній и напастей. Порою раздавался около его кельи звукъ бубновъ и тимпановъ, хлопанье въ ладоши, обхожденіе вокругъ кельи, удареніе въ стѣны и окна. Когда онъ начиналъ молитвенное правило, особенно увеличивались нападенія бѣсовъ; но подвижникъ стоялъ на молитвѣ. Тѣлесныя потребности его удовлетворялись частію отъ монастыря, частію отъ приношеній богомольцевъ. Онъ не отказывалъ въ совѣтѣ братіямъ, приходящимъ изъ монастыря. «Ища вѣчныхъ благъ», говорилъ онъ инокамъ, «думаемъ ли мы получить спасеніе, не оставляя своихъ страстей? Невозможно работать двумъ господамъ, Богу и мамонѣ» (Матѣ. 6, 24). Обливаясь слезами, онъ прибавлялъ: «воззрите на сладчайшаго Владыку Іисуса Христа! Совершая наше спасеніе, сколько Онъ претерпѣлъ мученій, біеній, оплеваній, заушеній, наконецъ и распятіе на крестѣ? И тогда, какъ Онъ, во истощаніи силъ тѣлесныхъ, просилъ пить, говори: жажду!—что Онъ принималъ? Поблагодарные Іудеи даже не дали капли воды, а поднесли оцетъ съ желчію смѣшенъ, и, взявъ губу на трость, этимъ утоляли жажду Спасителя (Іоан. 10, 28, 29). А мы сладостраствуемъ! Подвижники Христовы не искали утѣшеній, какъ на примѣръ Преподобный Парамонъ, мучимый огневицею, не далъ тѣлу своему никакого утѣшенія. А мы безъ нужды безвременно ѣдимъ и пьемъ, не считая этого для себя предосудительнымъ. Развѣ нѣтъ у насъ общей трапезы? На ней мы до сыта ѣдимъ и пьемъ: что же еще нужно? Но мы, придя въ келью, вмѣсто того, чтобы творить молитву и читать книги, и, послѣ краткаго отдохновенія, запясться въ молчаніи другими богоугодными дѣлами, проводимъ время въ праздности,

угождая плоти и удовлетворяя сластолюбію безъ всякой нужды: призовемъ брата или двухъ и празднословимъ, кто что видѣлъ или слышалъ о комъ либо; иной начинаетъ поносить кого либо, а товарищи изъ угожденія поддакиваютъ; иной высказываетъ свои мечты то то купить, тамъ то побывать, и такимъ образомъ кійждо суетная глаголетъ ко искреннему своему, развращая одинъ другаго. Это ли любовь братская, духовная? Увы, не только не духовная, но и душевредная. Лучше будемъ слезы источать изъ глазъ нашихъ».

Инымъ инокамъ опъ давалъ такія наставленія: „если мы вышли изъ міра, ради спасенія души и для взисканія вѣчныхъ благъ, то спасеніе не возможно безъ подвига и терпѣнія, безъ горести и искушеній, безъ алчбы и жажды. Мы же всегда ищемъ сладкаго; за несладкое ропщемъ; ѣдимъ и пьемъ безъ мѣры; небрежемъ о заповѣданномъ правилѣ. Это не истинный путь; не вкусившему горькаго нельзя знать и сладкаго. Явно, что мы забыли, за чѣмъ вышли изъ міра; лучше бы намъ жить тамъ, нежели, придя въ монастырь и принявъ иноческій образъ, дѣлать мірское; лучше бы намъ не познавать пути истинны, нежели, познавъ, совратиться съ него; лучше бы не давать обѣтовъ, нежели, произнеся, не исполнять ихъ и подвергнуться грозному истязанію. Если бы я такъ, какъ теперь понималъ страшные обѣты иночества въ то время, когда постригся, то никакъ не принялъ бы полного иноческаго постриженія, боясь тяжкаго отвѣта. Съ меня довольно было бы остаться въ рясѣхъ и; дѣлая дѣла, приличныя рясѣ, получить хотя малое воздаяніе, не опасаясь подвергнуться великому осужденію. А нынѣ вижу: хлопочуть, какъ бы поскорѣе получить мантию; но принявшій постриженіе далъ обѣщаніе, пребывая неисходно въ монастырѣ, работать Богу въ нищетѣ, алчжбѣ, жаждѣ и въ повиновеніи. Мы скоро это забываемъ и живемъ въ небреженіи, худшемъ прежняго. Не будемъ же таковыми; каждый изъ насъ пусть старается положить благое начало къ дѣланію добродѣтелей; поелику и мзда отъ Бога готовится по мѣрѣ трудовъ. Послужимъ Господу въ жизни сей во смиреніи и кротости; Онъ Самъ говоритъ: на кого воззрю, токмо на крот-

каго, и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ (Исаіи 66, 2). Правила, данныя отъ отцевъ духовныхъ, исполняйте безъ опущенія; держитесь отеческихъ преданій и не нарушайте монастырскихъ уставовъ. При встрѣчѣ съ братомъ, предвѣряйте его поклономъ; въ келью другаго безъ пужды не ходите; возложенное послушаніе исполняйте со смиреніемъ; праздности всячески избѣгайте. Въ церкви Божіей стойте со вниманіемъ и усердіемъ; подвизайтесь ради сладчайшаго Іисуса отъ всей души и отриньте мірскія пристрастія. Тогда Господь просвѣтитъ очи вашего сердца, и вы, уразумѣвъ свѣти бѣсовскія, оставите злыя страсти и, угодивъ Господу нашему Іисусу Христу, сподобитесь быть причтенными съ первоначальниками нашими, отцами Зосимою и Савватіемъ, въ царствіи небесномъ, которое да получимъ все мы благодатию Христовою.“

Два брата просили Теофана воспринять ихъ отъ простриженія. Старецъ согласился, училъ ихъ иноческой жизни, и молился за нихъ. Однажды во время молитвы, нечистый духъ, явившись ему, сказалъ: «ты, злой старикъ, молишься объ ученикахъ; но не всегда они будутъ таковы, какъ при тебѣ; будетъ и наше время». «Богъ не попуститъ этого», отвѣчалъ Теофанъ. Въ другой разъ, когда онъ молился за этихъ учениковъ, діаволъ сказалъ ему: «ты свое дѣлаешь, а я свое; одного двумя стрѣлами поразилъ, другому шепчу на ухо». Старецъ опечалился и, призвавъ учениковъ своихъ, нашелъ въ нихъ нѣкоторые малыя прегрѣшенія; научивъ и вразумивъ ихъ, отпустилъ. При архимандритѣ Пансіи, въ обители произошло нѣкоторое нестроеніе. Ученики спросили Теофана: «сколько времени продолжится это смущеніе и кто будетъ архимандритомъ?» Старецъ отвѣчалъ: «врагъ діаволъ испросилъ на время искусить обитель и живущихъ въ ней; искушаемые же оказались нетерпѣливыми. По этому обитель потерпитъ поношеніе, но вскорѣ, молитвами Преподобныхъ, это пройдетъ, и обитель еще болѣе прославится. Въ обители будутъ два настоятеля подобные Зосимѣ и Савватію, которые въ смиреніи духа и въ простотѣ сердца управятъ ею, подвизаясь о спасеніи ближнихъ; тогда многіе преуспѣютъ въ добродѣтеляхъ».

Испытывая одного изъ учениковъ своихъ, Теофанъ спросилъ его: «какъ ты слагаешь персты для крестнаго знаменія?» Тотъ, показавъ ему троеперстное сложеніе, сказалъ: «такъ, отче, какъ Православная церковь учить. Во всей Россіи, послушные сыны Церкви, слагаютъ персты для крестнаго знаменія также, какъ и я». Теофанъ сказалъ: «будучи въ пустынь, я грубымъ людямъ не воспрещалъ знаменоваться двумя перстами, только бы они ходили въ церковь; но ты берегись послѣдователей раскола. Когда я жилъ въ Кіевѣ, то во всей Малороссіи не видѣлъ ни одного, кто бы молился двуперстнымъ сложеніемъ. Былъ я и въ Молдавіи, въ Цямецкомъ монастырѣ, у аввы Пансія; тамъ было болѣе 700 братій изъ разныхъ странъ—молдаванъ, сербовъ, болгаровъ, венгерцевъ, грековъ, армянъ, евреевъ, турокъ, великороссіянъ и малороссіянъ: и всѣ они молились троеперстнымъ сложеніемъ, о двуперстїи же тамъ и не слышно».

Нѣкогда Теофанъ пришелъ въ Соловецкій монастырь, чтобы поклониться мощамъ Преподобныхъ и навѣстить своихъ учениковъ. Придя въ церковь къ утрени, старецъ сталъ въ углу и смотрѣлъ, какъ иноки прикладываются къ св. мощамъ. И вотъ духовными очами, онъ видитъ, что Преп. Зосима и Савватій какъбы сидятъ при своихъ ракахъ и однихъ благословляютъ, а отъ другихъ отвращаются. По этому старецъ заповѣдалъ ученикамъ — ежедневно съ благоговѣніемъ прикладываться къ ракамъ Угодниковъ.

Своими наставленіями старецъ внушалъ ученикамъ вниманіе къ себѣ на каждомъ шагѣ и самообладаніе. Въ ободреніе страшившихся трудности подвиговъ спасенія, говорилъ: «есть и въ нынѣшнее время ни кому невѣдомые пустынножители, истинные иноки и рабы Христовы».

Не рѣдко приходили къ старцу на Голгоу и міряне, прося его наставленій. Онъ училъ ихъ трудиться безъ лѣности, не роптать, ходить на молитву въ святую церковь.

Исторія всѣхъ подвижниковъ показываетъ, что чѣмъ болѣе успѣвали они поработать свое тѣло и отрѣшались отъ пристрастія къ міру, тѣмъ сильнѣе вратъ спасенія воздвигалъ на

нихъ борьбу. Однажды, когда Теофанъ утромъ совершалъ молитвенное правило, явились два бѣса съ грознымъ видомъ. «Видите», кричали они, «не хочетъ старикъ исправиться; раскидаемъ келью и убьемъ живущаго въ ней». Старцу показалось, что они стали ломать келью, выбили окна, разбили двери, и кричать: «теперь не уйдетъ отъ насъ». Старецъ испугался, палъ на землю, прося у Бога помощи и заступленія; и бѣсы скоро исчезли. Помолившись, старецъ всталъ и увидѣлъ, что келья его цѣла и невредима. Господь утѣшалъ подвижника среди этой борьбы благодатными посѣщеніями. Вскорѣ послѣ сего, въ сонномъ видѣніи, ему явилась Жена, сіяющая благолѣпіемъ, съ двумя свѣтозарными мужами и ободряла его, убѣждая не малодушествовать и не бояться бѣсовскихъ нападеній. Еще видѣніе продолжалось, какъ явилось полчище бѣсовъ съ угрозою погубить пустытника. Но узрѣвъ Явившуюся, бѣсы содрогнулись и возопили: «горе намъ! Покрывающая его припала сюда; еслибы не Она,—мы давно погубили бы этого инока»; сказавъ это, они исчезли. Это сонное видѣніе утѣшило старца надеждою на помощь Богоматери. Каждый день онъ клалъ сто поклоновъ, произнося Богородичную молитву.

Памятны наставленія, какія давалъ Теофанъ своимъ ученикамъ, убѣждая ихъ быть истинными иноками. «Чада мои о Господѣ», говорилъ онъ, «возлюбите Господа отъ всей души своей; служите Ему со страхомъ и любовію; исполняйте Божественныя заповѣди Его; умерщвляйте тѣло воздержаніемъ и трудомъ; обѣты, данныя при постриженіи, усердно соблюдайте; пристрастія къ міру и его удовольствіямъ убѣгайте; слабости тѣлесныя отсѣкайте, не чреву, но Богу работая; да будетъ ваше изшествіе изъ міра ради сладчайшаго Іисуса; возлюбите единого Бога, и всѣ васъ полюбятъ; почитайте братію, и васъ будутъ почитать. Считайте себя недостойнѣе всѣхъ, чтобы Господь возвысилъ васъ надъ страстями. Отжените отъ себя гордость: ибо Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать (Притч. 3,34). Прошу васъ, чада мои, когда молитесь, будьте внимательны, чтобы молитва, возносимая для умиловленія Господа, не обратилась вамъ въ грѣхъ. Блудите,

чтобы въ то время, когда считаете себя совершающими молитву, не быть вамъ далеко отъ молитвы, и не трудиться безъ пріобрѣтенія, устами поя псалмы, а умомъ бродя по разнымъ мѣстамъ. Совершайте молитву со страхомъ Божиимъ; ибо молитва есть бесѣда съ Богомъ;—потому, произнося слова молитвы, всѣмъ умомъ своимъ взирайте къ Богу. Собираясь въ церковь, стойте въ ней, какъ предъ лицомъ Божиимъ, языкомъ совершая псалмопѣніе, а умомъ внимая слышиму. Помните, съ Кѣмъ бесѣдуете. Въ кельѣ же ни какъ не оставайтесь праздными; ибо праздность вредитъ и усерднымъ, а тѣмъ болѣе вамъ юнымъ. Юный, оставаясь въ кельѣ празднымъ, не избѣжитъ лѣности и разслабленія; въ это время лукавый влагаетъ множество помысловъ, а праздный не въ силахъ противиться имъ и падаетъ, исполняя волю врага. Святые отцы говорятъ, что сидящій въ кельѣ праздно борется съ тьмою бѣсовъ и постоянно бываетъ побѣждаемъ. А тотъ, кто исполняетъ послушаніе, или занимается рукодѣліемъ, борется съ однимъ бѣсомъ и легко одолеваетъ его. Вспомните повѣсть о великомъ отшельникѣ, жившемъ съ своимъ ученикомъ. Бѣсы говорили, что къ старцу не могутъ приблизиться, а ученика никогда не застаютъ празднымъ, такъ какъ онъ постоянно строитъ и разрушаетъ. Старца соблюдала благодать Божія, а ученикъ строилъ стѣну изъ камней и разорялъ ее, избѣгая праздности; трудясь такъ, онъ избавлялся духовнаго врага. Вы, чада мои, въ кельѣ занимайтесь молитвою и трезвитесь умомъ, послѣдуя псалмопѣвцу: предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть (псал. 15, 8); и: очи мои выну ко Господу, яко Той исторгнетъ отъ сѣти нозѣ мои (Псал. 24, 15). Слава Создателю моему, я творю умомъ молитву Иисусову безъ принужденія. Подвизайтесь и вы въ юности, вселите въ сердца ваши сладчайшаго Иисуса, да, стяжавъ нынѣ Утѣшителя Духа, можете возвеселиться въ старости своей. Если вы послушаете меня, то узрите свѣтъ Божественный, который и наставитъ васъ на всякое доброе дѣло. И еще говорю вамъ: если сохраните мои заповѣди, и послушаетесь моихъ увѣщаній, то не-

отлучны отъ меня будете тамъ, гдѣ уготовано и мнѣ быть. Если преслушаете мои слова, то я не виновенъ, потому что все вамъ сказалъ».

Не за долго до кончины Теофана, злые люди, пища у старца денегъ, били его, сорвали волосы на головѣ и бородѣ, горящею головнею опалили все его тѣло, и, оставивъ едва живымъ, ушли. Теофанъ три дня лежалъ полумертвый, изнемогая отъ голода и холода, и до конца своей жизни уже не могъ совершенно оправиться. Станнымъ для приходящихъ казался этотъ престарѣлый отшельникъ—безъ бороды, безъ волосъ на головѣ, съ пришибеннымъ хребтомъ; съ избитымъ тѣломъ.

Но близокъ былъ конецъ его жизни. Однажды свѣтъ осіялъ его келью и ему явился іеросхимонахъ Іисусъ Голгоескій: „радуйся, братъ,“ сказалъ онъ, „скоро наступитъ твой конецъ“. Онъ имѣлъ еще нѣкое видѣніе, возвѣщавшее ему смерть, но съ увѣренностію говорилъ, что доживетъ до лѣта. Старца не страшилъ мысль о близкой смерти: онъ желалъ ея; но порою смущало его представленіе о строгости суда Божія и высотѣ иноческихъ обѣтовъ. Онъ успокоивался упованіемъ на милосердіе Божіе къ кающимся грѣшникамъ, скорбя о слабой жизни нѣкоторыхъ изъ братій, безпокоился и о своихъ ученикахъ, какъ бы они не соблазнились худыми примѣрами. Съ утѣшеніемъ онъ видѣлъ во снѣ двухъ почившихъ пустытниковъ, подвизавшихся на Муксальскомъ островѣ. Имена ихъ: Антоній и Θεодосій. „Миръ тебѣ о Господѣ, возлюбленный братъ нашъ“, сказали они старцу. „Не скорби о братіи, живущей въ обители; въ нынѣшнее время много прельщеній и нападений: спасаясь, да спасетъ свою душу. И въ ученикахъ твоихъ нѣтъ еще ничего подвижническаго; они подобны прочимъ“. Теофанъ, призвавъ своихъ учениковъ, велѣлъ имъ усугубить постъ и молитву.

Въ тяжкомъ положеніи Теофанъ провелъ зиму и былъ взятъ весною въ Соловецкій монастырь. У него открылась горячка и всякая пища казалась ему горькою.

Къ болѣзненному одру его стекалось много посѣтителей, что

возмущало его покой. Предъ наступленіемъ Петрова поста, когда угасали послѣдніе остатки жизни въ Теофанѣ, онъ былъ перенесенъ въ келью своего ученика Антонія. Три дня пролежалъ въ кельѣ старецъ и, по желанію своему, былъ приобщенъ св. Таинъ. Обратясь къ ученику своему Антонію, онъ сказалъ: „вотъ, чадо, наступаетъ часъ моей кончины, часъ болѣе всѣхъ дней моей жизни тяжелый и страшный, въ который откроется сокровенное, котораго трепетали и праведные; болѣзнь болѣе всѣхъ болѣзней, время полное ужаса и страха“. Старецъ сталъ озираться, какъ бы страпась кого то, потомъ просилъ ученика своего покадить въ кельѣ ладономъ. Теофанъ разстался съ жизнью и предалъ духъ свой Богу 1819 года іюля 26-го дня, 75 лѣтъ отъ роду. Прахъ его похоронили внутри обители, близъ часовни Преподобнаго Германа, съ восточной стороны. Въ настоящее время могила его находится въ церкви Преподобнаго Германа, предъ иконостасомъ, противъ мѣстнаго образа Божіей Матери, у царскихъ вратъ.

ОТЕЦЪ БЕОФАНЪ,
подвижникъ Соловецкій, скончавшійся въ 1819 году.

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

СТАРЕЦЪ НАУМЪ.

Происхожденіе. — Сиротство. — Прибытіе на Соловецкій островъ. — Поступленіе въ монастырь. — Послушаніе. — Облеченіе въ рясу. — Перемѣщеніе въ Анзерскій скитъ. — Изгнаніе. — Возвращеніе. — Должность при св. монахахъ. — Историческое изгнаніе. — Прибытіе въ Комъ. — Возвращеніе въ Соловецкій монастырь. — Посѣщеніе его архіереями. — Назначенія. — Прозорливость. — Исцѣленія. — Замѣчательный случай — Волѣзнь.

Старецъ Наумъ, по происхожденію корель, родился въ Кемскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, близъ Каменнаго озера, въ селеніи того же имени, около 300 верстъ отъ Соловецкаго монастыря. Родители его, Пахомій и Мавра, были простые и бѣдные поселяне. Они скончались, оставивъ Наума въ раннемъ дѣтствѣ. Сиротство сдѣлалось для него лучшимъ наставникомъ, предохранившимъ его отъ увлеченій, свойственныхъ юности, пріучившимъ къ терпѣнію и труду, утвердившимъ въ правилахъ христіанской нравственности и сложившимъ въ его чистую душу любовь къ Богу. Призваніе къ иноческой жизни онъ не разъ получалъ въ сонномъ видѣніи. „Мнѣ часто являлись въ сповидѣніяхъ“, рассказывалъ онъ въ послѣдствіи, „добрые старцы въ монашескомъ одѣяніи, которые вели меня куда то съ собою; я не видалъ еще въ то время монаховъ, но, побывъ въ монастырѣ, узналъ, къ какому чину принадлежали явившіеся мнѣ таинственные посѣтители, и тогда они меня приглашали.“

Промыслъ Вожій руководилъ отрока Наума къ предназначенному ему жребію. Одинъ достаточный корель, по фамиліи

Нѣмчинкинъ, содержалъ на Соловецкомъ островѣ въ арендѣ звѣроловную тоню, у Реболдской пристани, въ 15 верстахъ отъ монастыря, и здѣсь ежегодно лѣтомъ занимался ловлею морскихъ звѣрей, возвращаясь на зиму домой. Этотъ человѣкъ возымѣлъ состраданіе къ бездомному своему соплеменнику, принялъ Наума къ себѣ на пропитаніе и, лѣтомъ 1791 года, привезъ на Соловецкій островъ. Въ то время Науму было 14 лѣтъ отъ рожденія. Съ полнымъ усердіемъ онъ трудился цѣлое лѣто въ пользу своего благодѣтеля; но, при наступленіи зимы, не захотѣлъ возвратиться съ нимъ на родину, плѣнившись красотою и безмолвіемъ обители и старая желаніемъ остаться навсегда между иночествующими. Наумъ былъ принятъ въ монастырь въ качествѣ богомольца, и съ величайшею охотою началъ трудиться въ простыхъ послушаніяхъ, на него возлагаемыхъ. Впрочемъ лѣтомъ онъ опять поступилъ на звѣриный промыселъ къ своему благодѣтелю Нѣмчинкину, который заплатилъ за него государственныя подати, а на зиму возвратился въ монастырь. Такіе переходы съ монастырскаго послушанія на частный промыселъ онъ долженъ былъ дѣлать и въ послѣдующіе годы, доколѣ монастырское начальство, убѣдившись въ его способности къ иноческой жизни, приняло на себя плату за него государственныхъ повинностей. Съ этого времени спокойно и безъ тревогъ потекла жизнь смиреннаго юноши въ монастырской тиши.

Въ лѣтнее время Науму, какъ опытному въ звѣроловствѣ, поручали ловлю морскихъ звѣрей въ Сосновой губѣ, на сѣверъ отъ монастыря. Рассказываютъ, что если попадалось ему много звѣрей, то, соединяя заботу о выгодахъ обители съ чувствами своего добраго сердца, онъ нѣсколькихъ животных отпускалъ опять на волю. По зимамъ онъ трудился въ монастырскомъ кожевенномъ заводѣ, употребляя свободное время на изученіе русской грамоты, которою не занимался въ дѣтствѣ.

Много лѣтъ онъ провелъ въ этихъ трудныхъ послушаніяхъ, какъ бы незамѣченный никѣмъ, безъ всякаго вознагражденія и поощренія, не имѣя даже особой кельи для упокоенія и молитвы. Въ 1801 году онъ цѣлое лѣто жилъ на Сѣкирной горѣ,

сторожа приходъ англійскихъ кораблей, по случаю рѣзыва съ Англіею. Но никогда слово недовольства и ропота не сходило съ его устъ, потому что онъ самъ не замѣчалъ за собою никакихъ заслугъ, достойныхъ вниманія. Главными чертами его характера были всегданнее спокойствіе духа, кротость и незлобіе.

Для опытныхъ подвижниковъ онъ уже казался человѣкомъ высокой жизни. Такъ старецъ Теофанъ, 25 лѣтъ прожившій въ пустынѣ, по прибытіи въ монастырь, спрашивалъ: «кто у васъ Наумъ? покажите мнѣ его: онъ строитъ себѣ прекрасную палату.» Оба подвижника видѣлись между собою, но бесѣды ихъ остались тайною для другихъ.

1819 года, чрезъ 28 лѣтъ по вступленіи въ монастырь, Науму дозволено было архимандритомъ Павломъ ношеніе рясы. Радовался труженикъ этому своему видимому причисленію къ иноческому чину. Въ то время онъ былъ при просфоріѣ. Когда же при архимандритѣ Макаріѣ было учреждено при Анверскомъ скитѣ постоянное чтеніе Псалтиря, Наумъ былъ опредѣленъ къ этому послушанію, съ назначеніемъ, кромѣ того, въ должность псаломщика и съ порученіемъ ему нѣкоторыхъ обязанностей по скитскому хозяйству. Здѣсь онъ получилъ уже уголокъ, гдѣ каждую ночь, предъ ликомъ Божіей Матери, совершалъ свои молитвословія и колѣнопреклоненія. Двѣ только книги онъ имѣлъ у себя: Псалтирь, по которой отправлялъ молитвословія, и Лѣстницу Преподобнаго Іоанна Лѣстничника, по которой учился подвижничеству.

Мирно и покойно потекла было жизнь Наума въ средѣ малаго стада на пустынномъ островѣ. Но вскорѣ постигло его искушеніе, которое, впрочемъ, послужило къ его славѣ. При новомъ настоятелѣ было усмотрѣно, что Наумъ проживаетъ въ монастырѣ, не имѣя увольнительнаго свидѣтельства отъ своего сельскаго общества; рѣшено было выслать его на мѣсто жительства. Въ упованіи на промыслъ Божій, безъ малѣйшаго прекословія, Наумъ покорился своей участи; посадили его въ карбасъ и отправили съ полутчиками поморцами. Противный вѣтеръ принудилъ плавателей остановиться у Заяцкаго острова.

Проходитъ день, другой, недѣля; вѣтеръ не смѣняется: еще недѣля—вѣтеръ тотъ же. Смущенные корабельщики признали причиною такого неблагополучія присутствіе съ ними Наума, и рѣшились отвезти его обратно въ монастырь. Такимъ образомъ онъ опять возвратился на Соловецкій островъ, а поморцы, съ перемѣнившимся вѣтромъ, отправились домой. Такое событіе, удививъ всѣхъ, послужило явнымъ знакомъ покровительства Божія изгнаннику, который и былъ отпущенъ опять въ свой скитъ.

Снова тихо и спокойно потекла жизнь подвижника въ Анзерской пустыни. Раздѣляя съ братіею всѣ труды, онъ соединялъ съ ними добровольные подвиги иноческаго самоотверженія. Но прежнему онъ любилъ уединяться для безмолвнаго богомыслія и слезныхъ молитвъ; по ночамъ, по возможности сокращалъ время тѣлеснаго успокоенія; никогда не мылся въ банѣ; отъ рожденія не пилъ ни вина, ни пива, ни чаю, не носилъ теплаго платья, не имѣлъ даже срачицы, довольствуясь однимъ рубищнымъ подрясникомъ и ветхою рясою, которыхъ, конечно, не взялъ бы и нищій, если бы нашелъ брошенные на дорогѣ. Онъ имѣлъ обыкновеніе не только лѣтомъ купаться въ морской водѣ, но весьма часто и зимою, обнаженный, опускался въ снѣгъ, или въ ледяную прорубь, не опасаясь подвергнуться болѣзни.

Молитвенные подвиги до того умягчили сердце подвижника, что онъ постоянно проливалъ слезы умиленія, особенно въ церкви, во время поученій. «Ты плачешь, о. Наумъ; что же я не могу плакать?» говорилъ ему одинъ молодой инокъ. «Придетъ время, придетъ», отвѣчалъ Наумъ, едва сдерживая слезы.

Впрочемъ въ это время Наумъ еще не пользовался полнымъ вниманіемъ со стороны своихъ собратій, избѣгая и самъ поводовъ къ человѣческому почтенію, и воспитывая въ себѣ чувство смиренномудрія. Однажды вечеромъ привезли въ скитъ съ рыболовной тони два карбаса сельдей, и всѣ вышли для чистки и соленія рыбы. Наумъ является послѣднимъ, такъ что, оскорбленный такою медленностію, распорядитель упрекнулъ

его въ лѣности и пригрозилъ изгнаніемъ изъ монастыря. «Ты прежде меня выйдешь,» отвѣчалъ съ улыбкою Наумъ, и, принавившись за дѣло, начистилъ гораздо болѣе рыбы, чѣмъ другіе. Черезъ годъ распорядитель дѣйствительно навсегда оставилъ Соловецкій монастырь.

Въ 1826 году Соловецкимъ настоятелемъ опредѣленъ архимандритъ Новгородскаго Кирилловскаго монастыря Досиѳей. Онъ былъ Соловецкій постриженникъ; во дни новоначалія трудился вмѣстѣ съ Наумомъ въ звѣриной и рыбной ловлѣ, и обучалъ его тогда русской грамотѣ. Новый настоятель, прибывъ въ скитъ, едва узналъ въ хиломъ и изнеможденномъ старцѣ, одѣтомъ въ рубище, бывшаго своего сотрудника, 36 лѣтъ безропотно трудившагося на пользу обители. Призвавъ его въ монастырь, архимандритъ Досиѳей, уволивъ его отъ обязательныхъ трудовъ и поручилъ ему чтеніе синодика въ церкви Преподобныхъ Зосимы и Савватія и возженіе лампадъ въ часовняхъ Преподобныхъ Германа и Иринарха. 27 лѣтъ, до самой кончины, какъ неугасимая свѣча, простоялъ Наумъ на опредѣленной ему службѣ при гробахъ св. Чудотворцевъ Соловецкихъ, не измѣнивъ и здѣсь образа своей жизни, не смотря на преклонныя лѣта свои. Церковь Преподобныхъ никогда не отопляется и зимою, а Наумъ, во время самыхъ сильныхъ морозовъ, никогда не надѣвалъ теплой одежды и по прежнему носилъ только подрясникъ и рясу. Иногда съ чувствомъ состраданія замѣчали ему: „батюшка, вѣдь ты застылъ“; по онъ съ улыбкою отвѣчалъ: „ничего; за то не дремлется“. Будучи свободнымъ отъ общихъ послушаній, Наумъ однакоже, въ остающееся отъ богослуженія и келейныхъ молитвъ время, не позволялъ себѣ быть въ праздности. Зимою онъ занимался заготовленіемъ дровъ и дѣланіемъ для свѣтей деревянныхъ поплавковъ. Этими поплавками постоянно была наполнена его келья, такъ что едва оставалось мѣста для прохода. Для лѣтнихъ трудовъ онъ имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ пять небольшихъ, имъ самимъ устроенныхъ, огородовъ, изъ которыхъ ближайшій былъ подъ окнами кельи, а дальніе въ разстояніи версты отъ монастыря. Здѣсь, какъ неутомимый муравей, онъ тру-

дился ежедневно; сѣялъ ячмень и овесъ; сажалъ разныя овощи. Но рѣдко онъ вкушалъ отъ плода рукъ своихъ, раздавая все братіи и пріѣзжавшимъ корелямъ. Постоянными сожителями его были пѣтухъ и котъ; изъ нихъ первый замѣнялъ ему часы и, конечно, служилъ символомъ бодрствованія и духовнаго трезвенія. Сонъ Наума былъ очень короткій: днемъ онъ никогда не спалъ; ночью же за часъ до утренняго пѣнія будилъ своихъ сосѣдей звономъ въ колокольчикъ, повѣшенный въ корридорѣ. Постелею служила ему простая доска въ полторы четверти шириною, а изголовьемъ — полѣно. Пребывая въ постоянныхъ трудахъ, Наумъ, не держалъ продолжительныхъ постовъ, но воздержаніе его можно назвать постояннымъ постничествомъ. Не имѣя въ кельѣ ничего съѣстнаго, онъ въ трапезу ходилъ ежедневно къ обѣду и ужину, но пищи употреблялъ весьма не много. Когда же предлагался бѣлый хлѣбъ, то бѣ своей части, вкусивъ темнаго, онъ раздѣлялъ сосѣдямъ своимъ, выражая этимъ свое братолюбіе; принять такую частичку рѣдкіе не смѣняли за счастье.

Такъ подвизался Наумъ, мирно приближаясь къ концу своей жизни. Промыслъ Божій, посылающій благочестивымъ людямъ, для очищенія ихъ добродѣтели, разныя искушенія, испыталъ и этого раба Божія вторичнымъ изгнаніемъ. Въ 1834 году производилась ревизская перепись, и правительство потребовало повѣрки увольнительныхъ документовъ всѣхъ проживающихъ въ обители. Увольнительное свидѣтельство Наума хотя имѣлось въ монастырѣ, но въ то время не нашлось между прочими документами. Монастырскому начальству не захотѣлось входить въ переписку съ правительствомъ по дѣлу о старцѣ, болѣе 40 лѣтъ подвизавшемся преподобно. И вотъ на страстной недѣлѣ, въ великій четвергъ, взяли Наума и посадили въ карбасъ для отправленія въ городъ Кемь, къ уѣзду котораго онъ принадлежалъ по рожденію. Прибывъ въ Кемь, онъ однакоже вовсе не думалъ заботиться о дѣлѣ, для котораго сюда прибылъ, а, выйдя на берегъ, отпирался въ церковь къ вечерней службѣ и, переночевавъ въ одномъ домѣ, по звону колокола, опять поспѣшилъ на церковную молитву; такъ и въ слѣдую-

щіє дни. А по прошествіи Свѣтлаго праздника обратился къ труду, для приобрѣтенія себѣ пропитанія. Хотя монастырскіе друзья его собрали складчиною для него до 20 рублей, поручивъ деньги проводнику, по Наумъ не хотѣлъ пользоваться чужимъ достояніемъ; также и не хлопоталъ о приобрѣтеніи себѣ увольненія. Нѣкоторые граждане и купцы кемскіе, знавшіе о его благочестіи, сами приняли участіе въ его положеніи и приобрѣли для него формальный актъ, свидѣтельствующій о давнемъ увольненіи его въ Соловецкій монастырь для поступленія въ монашество. Черезъ двѣ недѣли, бургомистръ ратуши привезъ его обратно въ монастырь. 9-го мая, сверхъ всякаго чаянія, братія опять увидѣли въ монастырѣ Наума: радости и лобзаніямъ не было конца. Такъ возвратился Наумъ въ любимую свою келью и снова обратился къ прежнимъ занятіямъ. По прежнему неопустительно онъ ходилъ въ церковь къ богослуженію и никто не запомнитъ, чтобы онъ когда либо оставилъ одну какую службу. Бывало только, что онъ иногда не поспѣвалъ къ началу утрени, и въ такомъ случаѣ, навывая себя лѣнивымъ и нерадивымъ, обыкновенно говорилъ: «заспался я сегодня и не слыжахъ благовѣста», хотя въ самомъ дѣлѣ за часъ до утрени будилъ другихъ отъ сна. Бывало также, замедливъ на дальнихъ огородахъ, приходилъ поздно и къ вечернему богослуженію. Если кто пибудь въ такомъ случаѣ, шутя, замѣчалъ ему, — «ну, такъ чтожь?» отвѣчалъ онъ съ улыбкою на такой дружескій упрекъ, «и ты небольшую въ сравненія со мною получишь мзду; ибо Владыка и послѣднихъ награждаетъ наравнѣ съ первыми».

При всемъ стараніи старца укрыться отъ людей и быть невзасмымъ, его посѣщали многіе великіе и малые міра. Два архіерея — олонекскій Игнатій и архангельскій Варлаамъ, въ бытность свою въ Соловецкомъ монастырѣ, посѣщали его келью. Преосвященный Игнатій, обративъ вниманіе на полѣнницу обдѣланныхъ поплавковъ, сказалъ старцу: „вотъ ты, отецъ, трудишься неустомимо, а я провожу жизнь въ лѣности и бездѣтельности“; на что Наумъ отвѣчалъ: „нѣтъ, владыко святой, твои труды весьма велики и богоугодны; и меня осо-

бенно радуешь то, что ты началъ учить нашихъ священниковъ корельскому языку *), чтобы они могли учить нашихъ земляковъ на корельскомъ нарѣчїи; русскій языкъ рѣдкіе изъ нихъ понимаютъ. Это хорошо; до тебя этого не было». Во время такой бесѣды заперевъ сидѣвнїй за дровами пѣтухъ, и преосв. Игнатій спросилъ: «для чего у тебя пѣтухъ»? «Съ нимъ жить, владыко, очень полезно: какъ онъ запоетъ ночью, вотъ и вспомнишь Петра Апостола, какъ онъ гласомъ пѣтеля пробудился къ плачу о своемъ грѣхѣ». Преосвященный весьма полюбилъ старца и приходилъ къ нему въ другой разъ для прощанія. Преосвященный Варлаамъ питалъ особое расположеніе къ старцу и посылалъ къ нему просфоры и письма, прося молитвенной помощи въ управленіи вѣренною ему паствою.

Наумъ не имѣлъ дара слова, но простыя и краткія наставленія его, взятыя съ опыта, исполненныя силы и духа, производили глубокое впечатлѣніе на того, кто искренно искалъ у него совѣта. «Келья—таже пустыня», говаривалъ Наумъ сѣтующимъ о пустынномъ безмолвіи. Въ самомъ дѣлѣ, живя въ многочисленствѣ, онъ, кромѣ своей, не бывалъ ни въ одной братской кельѣ; любя одинаково всѣхъ, не питалъ ни къ кому особеннаго пристрастія; и постоянно погруженный въ заботу о своемъ спасеніи, ко всему казался равнодушнымъ. При такомъ настроеніи, дѣйствительно, и среди людей можно быть, какъ въ пустынѣ.

«Читай Псалтирь, одну Псалтирь», совѣтовалъ онъ ученымъ и неученымъ, и не похвалялъ читающихъ много книгъ. Видно, что онъ былъ вполнѣ проникнутъ ученіемъ о Псалтири великихъ отцевъ Церкви, какъ изложено въ предисловіи къ церковному изданію книги псалмовъ.

Находящимся въ послушаніяхъ и неимѣющимъ возможности бывать при церковныхъ службахъ, Наумъ говорилъ, что «съ памятію о Богѣ усердное отправленіе всякаго труда равно церковной молитвѣ; то и другое равно благоугодно Богу и

*) Въ Петрозаводской семинаріи введено обученіе корельскому языку.

намъ полезно». Наемныхъ людей, живущихъ за монастыремъ, и отъ утра до ночи занятыхъ работами, онъ увѣщевалъ, вставъ отъ сна, полагать съ молитвою къ Богу какое либо число поклоновъ. Вѣроятно и самъ старецъ поступалъ такъ въ первые годы монастырской жизни. Всѣмъ вообще инокамъ и мірянамъ, спрашивавшимъ у него, какъ спастись, обыкновенно говаривалъ: «спрашивай у своей совѣсти, слушайся ея, и она поставитъ тебя на путь спасенія».

Съ любезностію привѣтствуя новопостриженныхъ, онъ увѣщевалъ ихъ съ вѣнчимъ постриженіемъ власовъ отложить всѣ пожеланія и страсти тѣла и души, — «очи удалять отъ предметовъ обольстительныхъ и суетныхъ, уста хранить отъ празднословія и клеветы, чрево отъ невоздержанія; руки отъ худыхъ дѣлъ, а ноги чтобы знали два пути — въ церковь и къ послушанію, и особенно оберегать умъ и сердце отъ грѣховныхъ помысловъ, и такимъ образомъ всецѣло прославлять Бога въ душахъ и тѣлесахъ нашихъ».

Наумъ считалъ ипоческую жизнь выше мірской, и первую называлъ царствомъ, а послѣднюю состояніемъ рабства. «У монаховъ два царства: они царствуютъ здѣсь, и по смерти падѣются царствовать», такъ восклицалъ онъ, при видѣ инокъ, свободныхъ отъ многопечительности мірской и отъ всякихъ соблазновъ и поводовъ къ грѣху, въ тихомъ пристанищѣ служащихъ Богу въ подвигахъ молитвы.

Испытавъ въ жизни своей скорби и тѣсноту, Наумъ обладалъ особенною способностію утѣшать изнемогающихъ подъ бременемъ напастей и искушеній. «Не скорби, братъ; бѣдами и искушеніями мы идемъ въ царство небесное». Скорби онъ уподоблялъ бурѣ, которая временно шумитъ, но скоро смѣняется тишиною и спокойствіемъ.

Поучительны были его наставленія боримымъ плотскою похотію. Въ назиданіе имъ Наумъ рассказывалъ, какою цѣною безстрастіе досталось ему самому: «разъ привели ко мнѣ женщину, желавшую поговорить со мною; не долга была моя бесѣда съ посѣтительницею, но страстный помыслъ напалъ на меня и не давалъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью, и при томъ,

не день или два, а цѣлыхъ три мѣсяца мучился я въ борьбѣ съ лютою страстію. Чего не дѣлалъ я? Не помогали и купанія спѣговья. Однажды, послѣ вечерняго правила, вышелъ я за ограду полежать въ спѣгу. На бѣду заперли за мною ворота; что дѣлать? Я побѣждалъ крутомъ ограды къ другимъ, третьимъ монастырскимъ воротамъ; вездѣ заперто. Побѣждалъ въ кожевню, но тамъ никто не живетъ. Я былъ въ одномъ подрясникѣ и холодъ знобилъ меня до костей; едва дождался утра и чуть живъ добрался до кельи; но страсть не утихала. Когда настала Филипповъ постъ, я понесъ къ духовнику, со слезами исповѣдалъ ему свое горе и принялъ епитимію; тогда только, благодатию Божіею, обрѣлъ я желаемый покой».

Очистивъ духъ своей молитвою и постомъ, Наумъ удостоился видѣній и обладалъ даромъ прозорливости. Однажды предъ утренею онъ шелъ съ фонаремъ къ часовнѣ Преподобнаго Германа для возженія лампады и сподобился видѣть самого Угодника идущимъ въ мантии и клобукѣ отъ соборнаго храма въ свою часовню; вслѣдъ за нимъ вошелъ и Наумъ, но уже никого не видѣлъ. Понявъ, кого видѣлъ своими глазами, онъ всѣхъ увѣщивалъ ежедневно приходитъ къ гробамъ св. Чудотворцевъ и цѣловать ихъ раки. Изъ многихъ опытовъ прозрѣнія Наума представимъ вниманію читателей нѣкоторые:

Въ 1847 году весна была необычно холодна; въ іюнѣ отъ полярныхъ вѣтровъ море кругомъ Соловецкихъ острововъ все еще было покрыто сплошнымъ наноснымъ льдомъ, и богомольцы, въ другое время прибывающіе въ монастырь въ началѣ мая, еще не появлялись. Однажды—это было 9 іюня—архимандритъ Димитрій, во время молебна Преподобнымъ, стоя подлѣ ракъ Угодниковъ, въ печали о боголюбцахъ плакалъ. Наумъ, по обязанности своей, читалъ канонъ Угодникамъ. Замѣтивъ слезы настоятеля, онъ спросилъ его тихо: «о чемъ, братъ, плачешь?» «Какъ же не плакать», отвѣчалъ архимандритъ, «видно за мои грѣхи Богъ не дастъ тепла, и богомольцы страдаютъ въ морѣ, истомятся, быть можетъ, и воротятся домой, не побывавъ у Преподобныхъ». «Полно, братъ, малодушествовать», возразилъ Наумъ, и, указавъ въ канонѣ

Преподобнымъ слова въ 3-й пѣснѣ: утишите напасти и бѣдъ смущеніе, продолжалъ: «видишь, имъ дапа благодать помогать и спасать страждущихъ въ бѣдахъ; они и пекутся о своихъ поклопникахъ, которые съ вѣрою и любовію стремятся къ ихъ святымъ мощамъ; и вотъ увидишь, что завтра же будутъ здѣсь всѣ богомольцы». Потомъ прибавилъ: «каково-то въ Анзерахъ? какъ будто тѣсно; гостиница не велика и келій мало; пожалуй и хлѣба не хватитъ; напрасно зимою не послали муки побольше». Съ изумленіемъ слушалъ архимандритъ слова старца, который однакоже въ точности исполнились. Богомольцы въ числѣ не менѣе двухъ тысячъ, отправившіеся изъ Архангельска въ море на карбасахъ и встрѣченные на пути льдами, съ большимъ трудомъ добрались до Анзерскаго острова; тамъ въ двухъ скитахъ гостиницы, кельи и всѣ помѣщенія переполнились гостями; встрѣтилось и другое непріятное обстоятельство: народъ на половину былъ безъ хлѣба; скудные скитскіе запасы на прокормленіе немущихъ истратились въ два дня, а въ монастырь послать за хлѣбомъ не было возможности. Тогда нашлся одинъ смѣльчакъ, который съ багромъ въ рукахъ, перескакивая съ одной льдины на другую, перебрался на Соловецкій островъ и принесъ въ монастырь вѣсть о печальномъ состояніи богомольцевъ. Эта вѣсть получена вечеромъ въ тотъ день, въ который происходила бѣсѣда Наума съ настоятелемъ. Немедленно подана была изъ монастыря помощь, и на другой день всѣ богомольцы прибыли въ монастырь.

По существующему обыкновенію, жертвуемый береговыми жителями молодой рогатый скотъ отпускается въ островъ на вольное кормленіе, въ продолженіи всего лѣта. Однажды лѣтомъ Наумъ приходитъ къ намѣстнику и съ настойчивостію проситъ, чтобы немедленно озаботился осмотромъ быковъ, пасущихся на островѣ. «Заботимся мы», говорилъ онъ, «о своемъ тѣлесномъ спокойствіи; надо позаботиться и о скотѣ; пустили молодыхъ быковъ безъ всякаго присмотра; легко случится можеть, забредутъ куда либо и погибнуть». Просьба старца осталась, однако, неисполненною. Спустя недѣлю, намѣстникъ,

встрѣтившись съ Наумомъ, спросилъ: «что же, нужно пересчитать быковъ?» Покачавъ головою, старецъ отвѣчалъ: «теперь поздно». Что же оказалось? Въ одну изъ береговыхъ избъ, въ 15 верстахъ отъ монастыря, въ которой монастырскіе работники имѣютъ пристанище во время уборки сѣна, зашли семь лучшихъ молодыхъ быковъ, и, поворачиваясь внутри, затворили за собою дверь и здѣсь отъ голода и жажды погибли.

Въ 1848 году монастырское начальство распорядилось помѣстить годовой запасъ купленной ржи, вмѣсто амбаровъ, стоящихъ за монастыремъ, въ одну изъ каменныхъ башенъ, находящуюся въ смежности съ мельницей. Науму такое распоряженіе весьма не нравилось. Когда же оно приведено было въ исполненіе, то онъ предлагалъ деревянный потолокъ башни замѣнить кирпичнымъ сводомъ. «Богъ вѣсть», говорилъ онъ, «иногда сквозь доски полетѣтъ ручьемъ вода на рожь, и она негодна будетъ на муку, а развѣ для солода». Думали, что старецъ заботится о предохраненіи ржи отъ дождя; но крыша и потолокъ башни находились въ исправномъ состояніи и потому съ этой стороны не видѣлось никакой опасности для хлѣбнаго склада. Но въ томъ же году, въ одну зимнюю ночь, вѣвъ монастыря, подлѣ той самой башни загорѣлся дѣсопильный заводъ, а потомъ и шатеръ надъ башней и потолокъ надъ рожью; и вотъ, при тушеніи пожара, потекла вода ручьями на рожь, такъ что нѣсколько сотъ четвертей ея нужно было обратить въ солодъ.

Одна благочестивая архангельская купчиха, вдова пожилыхъ лѣтъ, имѣвшая взрослыхъ сына и дочь, пришла къ Науму для благословенія и назиданія. Купчиха поклонилась ему до земли. «Богу должно кланяться, а не корельцу», сказалъ ей старецъ, и, отложивъ изъ висѣвшаго надъ дверьми кельи снопа три ячменные колоса съ зерномъ, подаль ей, говоря: «вотъ тебѣ благословеніе; теперь ихъ побереги, а послѣ, когда будетъ нужно, сѣй, и отъ плода ихъ корми своихъ дочерей». Непріятно было слышать такое наставленіе благочестивой вдовѣ, не имѣвшей намѣренія вступать въ су-

прудство; однакоже старческое слово оправдалось. Через 20 лѣтъ эта вдова поступила въ монашество и теперь состоитъ игуменьей въ Шепкурскомъ монастырѣ, гдѣ отъ воздѣлыванія земли пропитываетъ духовныхъ дочерей.

Наумъ не дожидъ до бывшаго бомбардированія монастыря Англичанами, за два года предъ тѣмъ переселившись въ жизнь иную; но онъ предвидѣлъ опасности и бѣды, угрожавшія обители, и предсказывалъ ихъ въ пелсныхъ намекахъ.

Еще въ 30-хъ годахъ, когда строились за монастыремъ деревянныя гостиницы на возвышенныхъ холмахъ, Наумъ замѣчалъ, что лучше бы было строить ихъ подъ горою; тогда не задѣла бы ихъ буря, не коснулась бы молнія. Одна изъ этихъ гостиницъ, болѣе всѣхъ зданій пострадала во время бомбардированія, бывъ прострѣлена ядрами, какъ рѣшето.

Въ 1848 году, когда Россія, вспомоцествуя Австріи, вступила въ брань съ Венгріей, Наумъ не переставалъ твердить о войнѣ съ Англичанами. Вѣроятно и самыя дальновидныя политики въ то время не гадали еще о восточной войнѣ.

За годъ до смерти особенно усилились его попеченія о сохраненіи монастыря отъ какой то великой опасности. Онъ началъ нерѣдко выходить на крѣпостную стѣпу, даже въ ночное время, и встрѣчающимся говаривалъ: «какъ бы хорошо было, еслибъ заложить всѣ эти окна (амбразуры) толстыми кирпичами, а по стѣнѣ, вмѣсто деревянной крыши, сдѣлать каменную сводомъ, и покрыть дерномъ. Богъ вѣсть, что случится можетъ?» говорилъ онъ въ поясненіе своихъ опасеній; «вдругъ взволнуются стихіи, загремятъ громы, посыплется градъ, налетятъ молніи.... Далеко ли тутъ отъ бѣды?»

О сбереженіи хлѣба онъ говорилъ: «хорошо бы хлѣбъ скоронить въ лѣсу; выкопать тамъ большую яму, ссыпать въ нее хлѣбъ и закрыть досками и дерномъ». Послѣ бомбардированія, въ ожиданіи новаго отъ непріятели нападенія, дѣйствительно, согласно съ совѣтомъ старца, хлѣбъ свезенъ былъ въ лѣсъ, и одна половина его положена въ амбаръ, а другая въ ямѣ.

О сохраненіи рогатаго скота, содержимаго за монастырскимъ проливомъ на Муксальскомъ островѣ, въ 9 верстахъ

отъ монастыря, онъ говорилъ: «лучше бы намъ коровъ перевести на здѣшній островъ, сдѣлавъ для того изъ бревенъ большой плотъ, а для помѣщенія ихъ устроить широкую изъ досокъ загородку». «Для чего же», возражали ему слышавшіе; «тамъ коровамъ гораздо привольнѣе и покойнѣе». «Ну, да послѣ и опять туда же перевезли бы ихъ», отвѣчалъ старецъ. Дѣйствительно, по предреченію Наума, во время опасности скотъ былъ перевезенъ съ Муксалмы на больномъ плоту на Соловецкій островъ и помѣщенъ въ загородкѣ.

«Завистливо смотрять эти Англичане на нашихъ быковъ» говорилъ онъ одному иноку. Эти слова относились къ тому, что Англичане, по торговымъ дѣламъ плавающіе мимо Соловецкихъ острововъ, могутъ видѣть пасущійся по берегамъ скотъ. Но недавнія событія показали, что слова старца имѣли смыслъ предреченія. Во время войны, Англичане, дѣйствительно, желали пользоваться монастырскими быками, и отправили въ монастырь парламентаря съ требованіемъ скота; получивъ же отказъ, послали настоятелю пулю, думая подѣйствовать на него угрозою.

Мѣсяца за три предъ смертію, идучи отъ вечерни, Наумъ остановился на паперти Преображенскаго собора, и, обратившись лицомъ на западъ, долго смотрѣлъ вверхъ, какъ бы пораженный какимъ то ужаснымъ созерцаніемъ, и со слезами сказалъ: «очень жарко здѣсь будетъ».

Свои предреченія о будущихъ опасностяхъ Наумъ, обыкновенно, заключалъ благоговѣнною преданностію воли Божіей и несомнѣнною надеждою на Его милосердіе:— «Богъ милостивъ, и Угодники Божіи сохранятъ свою обитель отъ бѣды и гибели».

Сохранилось въ памяти потомства нѣсколько случаевъ, показывающихъ, что Наумъ имѣлъ прозрѣніе дѣлъ человѣческихъ, въ тайнѣ совершаемыхъ, и не рѣдко обличалъ согрѣшающихъ, желая тѣмъ обратить ихъ на путь покаянія и исправленія. Однажды у двухъ братьевъ въ разныхъ кельяхъ, послѣ вечерни, было по собесѣднику; между прочимъ празднословіемъ рѣчь клонилась къ осужденію настоятеля, будто слабо управляетъ монастыремъ и проч. На другой день подходитъ

Наумъ къ одному изъ этихъ иноковъ и говоритъ: «о чемъ вчера вечеромъ была у тебя бесѣда? Что архимандритъ у насъ слабъ? Управлять не умѣетъ? Мы съ тобой лучше управили бы монастыремъ? А знаешь ли, что пѣсть власть, аще не отъ Бога?», и проч. Изумленный обличеніемъ, братъ просилъ прощенія. «Богъ проститъ», отвѣчалъ Наумъ, и подошелъ къ другому иноку, въ томъ же виновному, и сталъ говорить ему тоже. Но этотъ иннокъ, имѣя пылкій нравъ, оскорбился обличеніемъ старца и съ горячію сталъ доказывать справедливость своихъ мнѣній о настоятелѣ, высказанныхъ имъ вечеромъ. «Ну, такъ увидимъ», сказалъ Наумъ, «какъ будущій настоятель сломитъ твои рога». Не проживъ года при новомъ настоятелѣ, этотъ иннокъ былъ высланъ изъ монастыря за строптивый характеръ.

Одинъ изъ монашествующихъ разсказывалъ о себѣ слѣдующій случай. «Въ бытность свою послушникомъ, и похитилъ у одного богомольца нѣсколько чаю и остался виѣ всякаго подозрѣнія; но оказалось, что, кромѣ Бога, есть и люди, знающіе о моемъ проступкѣ. Вскорѣ встрѣтился я съ Наумомъ, который, обращаясь ко мнѣ съ веселымъ видомъ, ласково замѣтилъ: «а что братъ, пилъ поиваешь чаекъ, и теперь у тебя его вдоволь, да спокойно ли у тебя на сердцѣ?» Сказавъ это, старецъ медленно отошелъ отъ меня.

Два молодыхъ послушника въ церкви Преподобныхъ, во время служенія молебновъ, скрылись въ алтарѣ за иконостасомъ и пустословили. Вдругъ вбѣгаетъ въ олтарь Наумъ и отыскавъ за иконостасомъ празднословцевъ, говоритъ имъ: «что вы дѣлаете? смотрите, какой чадъ идетъ отсюда; вы законтите весь иконостасъ; вотъ васъ Преподобные!»

Многочисленны опыты вразумленія и вспомоствованія Наума страждущимъ душевными недугами; но не мало онъ помогалъ и въ немощахъ тѣлесныхъ. Монахъ И., по ремеслу сапожникъ, страдалъ главною болѣзнію, такъ что не въ силахъ былъ чѣмъ либо заниматься. Наумъ пользовалъ болящій глазъ масломъ отъ лампады; зрѣніе исправилось, и до самой смерти этотъ иннокъ не переставалъ отправлять послушаніе.

Послушникъ М. (пылъ іеромонахъ), во дни новоначалія,

исправляя послушаніе на скитскомъ дворѣ, былъ сильно избитъ дикою коровою; поднятый въ безчувственномъ состояніи, съ разбитою головою, ранами на лицѣ и поврежденіями на тѣлѣ, онъ былъ отправленъ для врачеванія въ монастырь. Въ то время, какъ происходило это несчастіе съ братомъ, Наумъ началъ говорить: «какъ осторожно надо обходиться съ коровами; онѣ по своему безмыслию изъувѣчаютъ и того, кто за ними ходитъ и ихъ питаетъ». Послушникъ М., почитавшій Наума, по прибытіи въ монастырь, прежде врачеванія, пошелъ къ нему, и лишь только вступилъ въ корридоръ, гдѣ находилась келья старца, какъ самъ старецъ вышелъ къ нему на встрѣчу и съ веселымъ видомъ принялъ его. Недопустивъ послушника высказаться о несчастіи, Наумъ тотчасъ спросилъ: «что, братъ, вѣруешь ли, что Богу все возможно, что Онъ можетъ исцѣлить и твои недуги?» На утвердительный отвѣтъ опять спросилъ: «твердо ли и всѣмъ ли сердцемъ вѣруешь, что для Бога вѣтъ ничего невозможнаго?» Послѣ вторичнаго подтвержденія, Наумъ налилъ въ деревянный ковшъ воды и, перекрестивъ, подалъ, говоря: «пей во имя Отца и Сына и Святого Духа». Послушникъ выпилъ. «Пей и еще». Послушникъ съ рѣшимостію отказался отъ третьяго приѣма, говоря: «не могу болѣе пить». Тогда старецъ вылилъ третій ковшъ на голову его, сказавъ: «во имя Святыя Троицы будь здоровъ». Вода съ головы полилась на шею и по всему тѣлу, и съ тѣмъ вмѣстѣ страждущій почувствовалъ себя совершенно здоровымъ; раны на головѣ вскорѣ зажили, и, чрезъ нѣсколько дней, послушникъ снова возвратился къ своему дѣлу.

Въ заключеніе повѣсти о проявленіи благодати Божіей, дѣйствовавшей въ Наумѣ, представимъ сказаніе о событіи, въ которомъ видна сила его молитвъ о требующихъ его помощи.

Соловецкій іеромонахъ Г., ѣздившій на богомоліе, возвращался въ монастырь съ поморцами на суднѣ, паянтомъ въ Архангельскѣ; но противныя вѣтры задерживали плаваніе и много дней пловцы стояли безъ движенія въ устьяхъ Двины. Между тѣмъ приближался въ монастырь праздникъ Преподобнаго Савватія (27 Сентября) и іеромонахъ Г. весьма оскор-

бѣлъ душою, что не можетъ прибыть въ монастырь къ памяти св. Угодника. Вечеромъ за день до праздника, стоя на палубѣ и обратившись лицомъ къ монастырю, онъ началъ молиться: «святые Чудотворцы, Зосима и Савватій, призрите на меня, раба своего, и благопоспѣшите мнѣ Своею помощію достигнуть мнѣ Вашей обители къ дню праздника». При этомъ онъ вспомнилъ о Наумѣ, и, мысленно обращаясь къ нему, сказалъ со слезами: «ты ежедневно находишься въ храмѣ св. Угодниковъ и читаешь предъ ихъ святыми мощами канонъ; умоли ихъ, чтобы услышали мое желаніе и удостоили меня торжествовать съ вами свѣтлый день ихъ праздника».

Прошла ночь и утромъ вдругъ онъ слышитъ, что кормчій велитъ поднять паруса. Попутнымъ вѣтромъ они скоро переплыли 300-верстное пространство, и вечеромъ того дня іеромонахъ Г. высадился съ морского судна на Соловецкій берегъ, въ 15 верстахъ отъ монастыря. Не думая о покой, онъ пѣшкомъ поспѣшилъ въ монастырь и прибылъ сюда къ самой литургіи. «Вотъ, братъ», сказалъ ему Наумъ, здороваясь въ церкви предъ литургіею, «въ самый разъ попалъ домой: въ праздникъ, да и къ литургіи». «Да», отвѣтствовалъ Г., «молитвами Угодниковъ Божіихъ». «Это правда, сказалъ старецъ, «но меня зачѣмъ поминалъ? Вспомни Архангельское устье, какъ ты тамъ молился? Я земля и пепелъ, и какія отъ меня молитвы? однакожь объ этомъ ни кому не говори, покуда не умру; а теперь иди и молись Богу и Его Угодникамъ».

Какъ догорающая свѣча, исполненный дней, Наумъ приближался къ концу земнаго странствованія. За два года до смерти онъ опасно заболѣлъ, и нѣсколько дней не выходилъ изъ кельи. «Богъ дастъ», говорилъ онъ, «еще поправлюсь». Дѣйствительно, онъ скоро поправился на этотъ разъ и по прежнему обратился къ трудамъ. Какъ бы предсказывая свою кончину, онъ сказалъ архимандриту Димитрію: «ты прежде меня умрешь», хотя архимандритъ былъ моложе Наума десятию годами. 1852 года, въ августѣ, когда архимандритъ отправлялся въ Архангельскъ, Наумъ, провожая его, шелъ до самой пристани, къ удивленію всей братіи. Цѣлуясь въ послѣдній разъ

съ своимъ настоятелемъ, въ скорбиомъ расположеніи духа онъ сказалъ: «прости, далекій тебѣ предлежитъ путь»; и смотря на отплывавшее отъ пристани судно, проговорилъ въ слухъ окружающимъ: «нужно бы взять съ собою своихъ досокъ; въ дорогѣ можетъ случиться и пужда въ нихъ», намекая, какъ послѣ стало понятнымъ, на потребность, въ гробѣ. Чрезъ двѣ недѣли архимандритъ Димитрій скончался въ Архангельскѣ и тѣло его было привезено въ монастырь для погребенія. На мѣсто его былъ назначенъ Югской пустыни архимандритъ Варооломей; но какъ зима прекратила сообщеніе съ берегомъ, то осталось для иноковъ неизвѣстнымъ, что Варооломей отказался отъ настоятельства. Любопытствуя знать, гдѣ Варооломей—въ Югской пустынѣ, или уже въ Архангельскѣ, братія спрашивали Наума. Но старецъ отвѣчалъ: «давно живетъ въ Архангельскѣ,—такой высокій ростомъ». Это предсказаніе оправдалось назначеніемъ въ Соловецкій монастырь, по причинѣ отказа Варооломея, настоятелемъ архимандрита Александра, въ то время бывшаго протоіереемъ Соломбальскаго собора.

1853 годъ былъ послѣднимъ въ жизни Наума. Впрочемъ онъ до послѣднихъ дней ходилъ въ церковь, не оставлялъ своихъ трудовъ, и, судя по его бодрости, даже нельзя было предполагать близость его кончины. Дня за четыре до смерти братія замѣтили болѣзненное изнеможеніе его, но самъ больной, едва передвигая ноги, ходилъ въ церковь. За два дня предъ смертію, пришедши къ вечернѣ, онъ съ большимъ трудомъ могъ зажечь свѣчу предъ иконою Божіей Матери, замѣтивъ подошедшему на помощь ему иноку: «въ послѣдній разъ самъ зажгу». Послѣ этого онъ не былъ уже въ церкви.

Хотя и были приставлены къ нему два послушника, но онъ самъ служилъ своимъ малымъ потребамъ. За сутки до кончины, около полудня, онъ вышелъ къ озеру, и, опустившись въ воду по грудь, долго стоялъ, не имѣя силъ выдти на берегъ, пока проходившій мимо монахъ вывелъ его изъ озера и привелъ въ келью. Въ тотъ же день вечеромъ совершенно

Архангельская
Областная
Библиотека
им. А. А. Дюбуа

ОТЕЦЪ НАУМЪ,
подвижникъ Соловецкій, скончавшійся въ 1853 году.

надѣ нимъ святое Елеопомазаніе, а утромъ на другой день послѣ ранней литургіи онъ причащенъ Св. Таинъ.

Въ послѣднія минуты жизни онъ тихо и невятно творилъ молитву, едва двигая устами и дрожащими перстами правой руки быстро перебирая четки. Многіе иноки приходили къ нему для прощанія и безмолвно кланялись ему, не нарушая послѣдняго его молитвеннаго подвига.

Въ два часа по полудни большой колоколъ возвѣстилъ братіи о преставленіи старѣйшаго ихъ собрата, 62 года съ несослабною ревностію трудившагося для своего спасенія. Старецъ Наумъ скончался 1853 года іюня въ 10-й день. Всѣ братія собрались помолиться о упокоеніи души его; было довольно и пріѣзжихъ богомольцевъ. 12 іюня заупокойная литургія и отпѣваніе, за небытіемъ архимандрита, совершены были памѣтникомъ монастыря съ братіею. Предъ отпѣваніемъ произнесено было надгробное слово, во время котораго проповѣдникъ и братія не могли удержаться отъ слезъ. По желанію всей братіи, могила устроена внутри монастыря, за алтаремъ Пресображенскаго собора, близъ усыпальницы Преподобнаго Зосимы,—почетъ, которой удостоиваются одни настоятели. На могилѣ его положена каменная плита, на которой начертаны слова: «блаженъ мертвъи, умирающіи о Господѣ!.. Ей, слагодеть Духъ, да почиють отъ трудовъ своихъ».

Былъ ли постриженъ Наумъ, неизвѣстно. Архимандритъ Досиѣей, встрѣтившись съ нимъ однажды, спросилъ: «желаешь ли постриженія въ мантию? Я намѣреваюсь представить Св. Синоду о разрѣшеніи на твое постриженіе». «А развѣ я не монахъ? А это что на мнѣ?» возразилъ Наумъ, указывая на клобукъ и рясу. Послѣ этого Досиѣей, а за нимъ и другіе настоятели не думали о представленіи его къ постриженію. Впрочемъ всѣ полагали, что онъ постриженъ кѣмъ либо келейно, и потому по смерти положили его въ гробъ въ мантию.

ІСРОСХИЖОНАХХ МАТАСІЙ.

Проксодженіе.—Жизнь въ мірѣ —Поступленіе въ монастырь.—Пономарство.—Слѣ-
пство.—Казначейство.—Келейныя занятія.—Схи́ма.—Водѣзнь.—Кончина.

 матеѣй былъ изъ кунцовъ города Вологды и родился въ 1777 году. Сорока пяти лѣтъ онъ поступилъ въ Соловецкій монастырь. Но еще живъ въ мірѣ, онъ проводилъ благочестивую жизнь, хранилъ себя въ дѣвствѣ и цѣломудріи, любилъ приимать странниковъ и съ любопытствомъ спрашивалъ ихъ о св. обителяхъ и монастырскомъ подвижничествѣ. Занимаясь торговлею, онъ не пропускалъ ни одной службы церковной; съ первымъ ударомъ колокола запирая свою лавку, отправлялся въ церковь. О честности его, чуждой малѣйшаго лихоимства, знали даже отдаленные деревенскіе жители, и съ терпѣніемъ ожидали его выхода изъ церкви для покупки у него необходимыхъ предметовъ. «Вотъ придетъ Матеѣй изъ церкви, и у него купимъ сходяще и безъ обману»,—говорили простолюдины.

Много лѣтъ онъ состоялъ церковнымъ старостою и въ это время изучилъ въ совершенствѣ церковный уставъ, такъ что каждую службу по постной и цвѣтной тріодямъ твердо зналъ на память. По вступленіи въ монастырь сперва проходилъ должность пономаря, потомъ, какъ опытный въ торговыхъ дѣлахъ, былъ сдѣланъ закупщикомъ, а по принятіи священства былъ опредѣленъ въ должность казначея, которую и прохо-

диль 10 лѣтъ. Отъ юности пріучивъ себя къ воздержанію, онъ во всю жизнь не употреблялъ вина и чаю, не мылся въ банѣ и вкушалъ пищу однажды въ день, и всегда въ трапезѣ. Никогда не случалось, чтобы онъ опустил какую либо и малую церковную службу, даже и въ преклонной старости; приходилъ въ церковь всегда къ началу и никогда не выходилъ до окончанія; во время чтенія канонъ никогда не садился, несмотря на монастырскій обычай. Отъ продолжительныхъ стояній церковныхъ и келейныхъ ноги его опухали и раны на нихъ не заживлялись. По этой причинѣ онъ не могъ носить и саногровъ, а ходилъ въ широкихъ башмакахъ; но никогда не лечилъ ногъ и никому не говорилъ о своей болѣзни. Въ кельѣ своей постоянно занимался душеспасительнымъ чтеніемъ и списываніемъ того, что казалось достойнымъ вниманія и памяти. Многіе десятки книгъ аскетическаго содержанія, въ то время еще не изданныя печатію, онъ списалъ своею рукою и полууставнымъ почеркомъ. Этими книгами доселѣ пользуются ищущіе спасенія. Исполняя въ точности келейное правило, онъ имѣлъ обычай полунощное время посвящать на чтеніе Евангелія. Постоянно проникнутый благочестивыми чувствами, онъ имѣлъ умиленный видъ, стоялъ при церковныхъ службахъ съ попкиною головою, внимая чтенію и пѣнію.

Матѳеи былъ строгимъ ревнителемъ церковныхъ законоположеній и убѣждалъ поющихъ и читающихъ совершать службы со всею точностію и должнымъ благоприличіемъ.

Все настоятели обращались къ нему съ уваженіемъ и пользовались его опытностію и благоразуміемъ; а братія смотрѣли на него, какъ на образецъ подвижничества. 1849 года онъ постригся въ схиму, и съ того времени оставилъ священнослуженіе; причащался Св. Таинъ въ ряду съ прочею братіею, предъ алтаремъ; даже не благословлялъ никого по священнически. Любя протяжное столповое пѣніе, онъ ходилъ на службы въ соборъ, не тяготясь, но радуясь ихъ продолжительности. За нѣсколько лѣтъ до кончины у него закрылся одинъ глазъ, въ слѣдствіе чего, не имѣя возможности зани-

маться списываніемъ книгъ, во избѣжаніе праздности, сталъ вязать шерстяныя четки для братіи и богомольцевъ. Во всю жизнь не пользуясь братскими услугами, онъ молилъ Бога, чтобы и при кончинѣ своей не беспокоить кого либо,—и желаніе его исполнилось. За два дня до смерти, онъ былъ еще на утреннемъ пѣніи въ соборѣ, но отъ крайняго изнеможенія вышелъ изъ церкви до окончанія службы. На другой день братія пришли въ келью для совершенія надъ нимъ таинства Елеопомазанія. „Меня уже соборовали“, сказалъ старецъ, видя въ кельѣ приготовленіе къ Елеопомазанію. «Кто же тебя соборовалъ»? «Вотъ недавно приходили изъ собора іеромонахи молодые и благообразные, и меня соборовали». «И мы особорумъ; вѣдь это таинство повторяется»,—возражали ему братія, и совершили надъ нимъ Елеопомазаніе. Старецъ могъ еще стоять на ногахъ. Приговорясь на утро къ принятію Св. Таинъ, онъ не допустилъ ученику своему, монаху Палладію, остаться на ночь въ его кельѣ, желая самъ, и безъ свидѣтелей, прочесть послѣдованіе ко св. Причащенію; но утромъ найденъ лежащимъ въ епитрахили предъ налоемъ. Съ благоговѣніемъ стоя на ногахъ, онъ причастился Божественныхъ Таинъ, и чрезъ нѣсколько часовъ почилъ съ миромъ о Господѣ, 1857 года, сентября 25 дня, имѣя отъ рожденія 82 года.

СХИМОНАХЪ ГЕРАСИМЪ.

Происхожденіе и живаніе въ мірѣ.—Удаленіе въ Никандрову пустынь.—Странствованіе по св. мѣстамъ.—Прибытіе въ Соловецкій монастырь.—Пустынная жизнь.—Пребываніе въ монастырѣ.—Смерть.

Георгій родился и сначала жилъ въ городѣ Карачевѣ, Орловской губерніи, имѣя жену и дѣтей. Овдовѣвъ, онъ удалился въ пустыню, въ брянскихъ лѣсахъ, къ старцу высокой жизни Арсенію, пришедшему съ Леопа. Вскорѣ оба пустынника перешли въ Исковской уѣздъ, къ Никандровой обители. Здѣсь Георгій принялъ отъ своего старца монашество, съ именемъ Герасима. Похоронивъ своего наставника, Герасимъ одинъ подвизался въ постѣ и молитвѣ. Въ воздаяніе за всецѣлую преданность Богу, онъ сподобился надъ собою видѣть дивныя опыты Божественнаго промысла, подающаго потребное тѣмъ, которые ищутъ только царствія Божія. Разъ случилось у него оскудѣніе въ хлѣбѣ, и, пробывъ безъ пищи 12 дней, Герасимъ хотѣлъ идти въ селеніе за пищею; но утромъ слѣдующаго дня, въ преддверіи своей кельи, неожиданно нашелъ ячменный хлѣбъ, великій и теплый, котораго было достаточно ему на пропитаніе на долгое время. Распалась отъ ветхости срачица его, и, не имѣя другой, пустышникъ долгое время оставался нагимъ; но въ одинъ день вдругъ очутилось предъ кельею полотно, котораго было до-

вольно ему на устроение одежды *). Много онъ терпѣлъ напасти отъ бѣсовъ, старавшихся разными привидѣніями поколебать его терпѣніе, по молитвою Иисусовою и чтеніемъ псалмовъ онъ прогонялъ демонскую силу; а умиленнымъ чтеніемъ акафиста Пресвятой Богородицы удалялъ отъ себя уныніе и отчаяніе. Два раза онъ выходилъ изъ своей пустыни и странствовалъ по святымъ мѣстамъ Россіи, — былъ въ Кіевѣ, Почаевѣ, Тихвинѣ, даже оставался жить въ двухъ монастыряхъ (Арзамасскомъ и Дымскомъ), но, не находя покоя духу своему, снова возвращался въ пустыню, томимый жаждою полного безмолвія. Въ 1823 году Герасимъ прибылъ въ Соловецкій монастырь при архимандритѣ Макаріѣ, и, какъ мужъ духовный, опытный въ подвигахъ отшельнической жизни, получилъ благословеніе на пустынное житіе. Сначала онъ, около 5 лѣтъ, жилъ въ 10 верстахъ отъ монастыря въ земляной пещерѣ, питаясь въ сутки горстію сухарей и непрестанно упражнялся въ молитвенномъ трудѣ. Потомъ, по желанію братіи пользоваться его бесѣдами, и по преклонности лѣтъ, онъ былъ переведенъ ближе къ монастырю въ новоустроенную келью. Когда же чрезъ два года эта келья сгорѣла: онъ поселился съ ученикомъ своимъ Памфиломъ въ Филипповской пустынѣ, гдѣ нынѣ устроена церковь Живоноснаго Источника. Учитель и ученикъ подвизались вмѣстѣ, восходя отъ силы въ силу духовнаго совершенства посредствомъ молитвы, и упражнялись въ дѣланіи малыхъ сосудовъ для соленныхъ сельдей. Въ 1845 году, по причинѣ изнеможенія силъ и притупленія зрѣнія, Герасимъ переведенъ въ монастырскую больницу. Какъ младенца водили его къ богослуженію, котораго онъ никакъ не хотѣлъ оставлять. Въ то время было ему болѣе 100 лѣтъ; но память ему не измѣнилась, и пріятно было бесѣдовать съ нимъ, какъ съ принцемъ изъ иного міра, касавшимся воспомина-

---

*) Свѣдѣніе о чудесномъ приобрѣтеніи хлѣба и полотна на одежду взято изъ келейныхъ записокъ вышеназваннаго іеросхимонаха Матоея, который былъ духовнымъ отцемъ Герасима.

напіями своими царствованія императрицы Елисаветы Петровны. Глубоко назидательны были его бесѣды о подвижничествѣ, дышавшія рѣдкою простотою и состоявшія въ краткихъ изреченіяхъ, въ которыхъ давало себя чувствовать какое то особенное духовное помазаніе. Въ послѣднее время старецъ казался совершеннымъ младенцемъ; не заботился о томъ, въ рубашкѣ ли онъ, или нагой, и, забывая о временахъ дня, спрашивалъ вечеромъ, отошла ли утренняя, а утромъ, звонили ли къ вечернѣ; но молитвенное расположеніе не оставляло его никогда. Случалось, что въ бесѣдѣ съ братіею, среди разсказа, онъ вдругъ останавливался и начиналъ произносить молитву Іисусу. 1848 года, октября 28 дня, Герасимъ почилъ о Господѣ, имѣя отъ рожденія 108 лѣтъ.

АВНАХЪ ПАМФИЛЪ.

Жизнь въ пустынѣ.—Опытъ поповенія.—Подвиги.—Видѣнія. — Жизнь въ монастырѣ.—Прозорливость.—Кончина.

Старецъ Герасимъ воспиталъ въ своемъ ученикѣ Памфилѣ инока, превозшедшаго даже своего учителя духовнымъ преуспѣяніемъ. Памфилъ, по залятію своему въ монастырѣ, былъ бочаръ и колесникъ. Възвѣсивъ себя въ безусловное послушаніе своему старцу, онъ во всю жизнь свято исполнялъ заветъ послушанія и ничего, до малѣйшей вещи, не дѣлалъ безъ благословенія своего наставника. По прѣткновенія и погрѣшности неизбѣжны въ жизни каждаго человѣка. Однажды онъ получилъ изъ рухольной палаты для опоясыванія кожаный ремень съ желѣзною пряжкой, не взявъ на то позволенія у старца. Старецъ оскорбился самоволіемъ ученика, и, замѣтивъ въ немъ довольство и радость о пріобрѣтенной вещи, взялъ у него ремень, а для опоясыванія далъ ему толстую веревку; послушный ученикъ опоясывался веревкою до самой смерти, лѣтъ 20-тъ. Многіе годы Памфилъ прожилъ съ Герасимомъ въ пустынѣ, занимаясь дѣланіемъ бочекъ, и если когда не успѣвалъ исполнить назначеннаго старцемъ урока, то линаемъ былъ въ тотъ день и обѣда. Велики были его молитвенные подвиги. Просвѣтивъ молитвою мысленныя очи, онъ и тѣлесными очами сподобился видѣть сверхъестественныя явленія. Неоднократно онъ видѣлъ явленіе церкви на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ поставлена церковь Живоноснаго Источника, и сообщалъ о томъ тогда же своему стар-

ду. Иногда въ темную ночь онъ видѣлъ необыкновенный свѣтъ, озарявшій окрестность ихъ пустыни. Но ему запрещали обращать вниманіе на такія явленія, чтобы не подпасть обольщенію духовной гордости. Не напрасны были эти мудрыя предостереженія. Въ одну ночь, стоя на молитвѣ, онъ пораженъ былъ страшнымъ видѣніемъ, и отъ насилія ли бѣсовскаго, или отъ одного страха, лишился чувствъ, и на утро найденъ былъ безчувственно лежащимъ на полу. «Я видѣлъ тогда», говорилъ Памфилъ въ послѣдствіи, «стоящаго предъ окномъ чловѣка съ огненными глазами, дыщащаго пламенемъ; онъ просился на почлегъ; потомъ вдругъ вся келья наполнилась черными воронами, которые съ громкимъ карканьемъ летали и кружились вокругъ меня». Съ этого времени у него закрылся одинъ глазъ и искривилось лице. Оставивъ пустыню, Памфилъ теперь болѣею частію жилъ въ монастырѣ, занимаясь обычнымъ рукодѣльемъ; въ слезныхъ молитвахъ онъ проводилъ иногда цѣлыя ночи, рыданіями пробуждая близъ живущихъ; въ полночь отправлялся въ братскую трапезу и тамъ продолжалъ молиться до утрени предъ образомъ Тихвинской Божіей Матери. Всегда молчаливый и молитвенно сосредоточенный, Памфилъ имѣлъ расположеніе духовное и почтеніе къ одной юродивой женщинѣ, по имени Христинѣ, которая часто посѣщала монастырь. Въ одно время онъ пошелъ на пристань, сказывая встрѣчавшимся на пути: «Христина ѣдетъ, иду се встрѣчать». Но и Христина, находясь еще далеко отъ монастыря, объявила соплатателямъ, что на встрѣчу имъ выйдетъ монахъ. Съ взаимнымъ уваженіемъ встрѣтились друзья на берегу и лобызали другъ друга въ рамена. До самой своей кончины онъ непреставалъ обращаться къ своему старцу, повѣряя ему тайны своей совѣсти и проси паставленій въ затруднительныхъ случаяхъ. Вся его жизнь была непрерывнымъ подвигомъ молитвы и труда, отъ котораго онъ успокоился спомъ смерти, прежде старца своего, въ 1845 году, сентября 8 дня. По смерти лице его совершенно исправилось отъ искривленія, и въ удивленіе всѣмъ сдѣлалось благообразнымъ и радостнымъ.

СХИМОНИХЪ ЗОСИМЪ.

Жизнь въ монастырѣ.—Постыжательность.—Подвиги.—Кончина.

Вся монастырская жизнь Зосимы, происходившаго изъ чудскаго племени, протекла въ неутомимыхъ трудахъ, строгомъ воздержаніи и примѣрномъ нестяжаніи. Живя въ монастырѣ, онъ не держалъ никогда въ рукахъ денегъ и не принималъ кружечнаго награжденія, которое въ небольшомъ количествѣ дается инокамъ для необходимыхъ келейныхъ нуждъ. Голгооскій строитель, желая искусить твердость его обѣта — не прикасаться къ деньгамъ,— велѣлъ однажды положить горсть мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ на тропинкѣ, по которой нужно было Зосимѣ идти въ скитъ къ праздничному бдѣнію. Увидѣвъ деньги, Зосима бросился въ сторону, и завязъ въ болотѣ, по которому пролегала тропинка. Онъ готовъ былъ почестъ этотъ случай за искушеніе бѣсовское, желая лучше измараться въ грязи, чѣмъ дотронуться до непавистнаго металла. Тогда вышли изъ засады двое искусителей и объяснили въ чомъ дѣло. «Не зпалъ я этого», отвѣчалъ простосердечный Зосима, «иначе побросалъ бы ваши деньги въ болото». Въ кельѣ нестяжательнаго ипока не было ничего излишняго; кромѣ маітіи и клобука у него было только двѣ одежды, — зимняя, простой полушубокъ, и лѣтняя — сѣрый кафтанъ. Такимъ образомъ уходя изъ кельи, Зосима уносилъ

съ собою все свое имѣніе, подобясь птицѣ, при перемѣнѣ мѣста, не оставляющей за собою ничего. Во всю 47-лѣтнюю жизнь въ обители, лѣтомъ онъ трудился въ звѣриной и рыбной ловлѣ па тоняхъ Троицкой и Кирилловской, а зимою занимался вязаніемъ сѣтей. Ночи нерѣдко онъ проводилъ въ слезной молитвѣ. Зная о его ночномъ бодрствованіи, братія просили его будить ихъ въ извѣстный часъ, и онъ исполнялъ эти просьбы съ удовольствіемъ и неопустительно, хотя и не было у него въ кельѣ часовъ. Предъ смертію, заболѣвъ, онъ отрекался отъ схимы, чтобы по выздоровленіи имѣть возможность обратиться къ обычнымъ трудамъ въ пользу обители. Кончина его послѣдовала на другой годъ, послѣ извѣстнаго бомбардированія монастыря Англичанами, когда ипоки все еще не были безопасны отъ вторичнаго нападенія враговъ. Умирающій старецъ, увѣщавалъ остающихся въ живыхъ братій не предаваться малодушію, при видѣ опасности, увѣряя, что по молитвамъ Преподобныхъ, Богъ не попуститъ болѣе оскорбить святое мѣсто. Оставшеся послѣ него имущество состояло въ одномъ только посяѣ. Схимонахъ Зосима почилъ 1855 года, іюня 23 дня.

ІЕРОСХИМОНАХЪ ІЕРОНИМЪ.

Жизнь въ мірѣ. — Поступленіе въ Хутинъ монастырь. — Іеромонашество. — Служеніе при Московскомъ Синодальномъ домѣ. — Пробыпаніе въ Черноморской Николаевской пустынѣ и въ Новгородѣ. — Заключеніе въ Петропавловскую крѣпость. — Отсылка въ Соловецкій монастырь. — Кончина. — Наставленія его о снѣденіи, о добротѣ, о схиѣ, о молитвѣ.

Іеронимъ, въ мірѣ Іеросей Лукинъ, сначала состоялъ въ гражданской службѣ съ 1782 по 1795 годъ; потомъ поступилъ въ Новгородскій Хутинъ монастырь, гдѣ въ 1799 году постриженъ въ монашество. Въ іеромонаха онъ рукоположенъ въ 1808 году въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, послѣ чего служилъ при Московскомъ Синодальномъ домѣ. Во время нашествія французовъ Іеронимъ трудился при отправленіи изъ Москвы патриаршей ризницы и, выѣхавъ съ нею, не имѣлъ времени сохранить свое имущество. По окончаніи войны онъ перешелъ въ Черноморскую Николаевскую пустынь Екатеринославской епархіи, а чрезъ четыре года перемѣстился въ Новгородскую епархію. Будучи близко знакомъ съ Фотіемъ, впоследствии Юрьевскимъ архимандритомъ, а въ то время законоучителемъ кадетскаго корпуса, Іеронимъ узналъ отъ него о распространеніи въ обществѣ масонства и противныхъ православію ученій, и рѣшился донести правительству. За это донесеніе онъ посланъ былъ въ Петропавловскую крѣпость, изъ которой 1830 года переведенъ подъ строгій надзоръ въ Соловецкую обитель. Іеронимъ со

слезами принялъ объявленіе о выводѣ его изъ Петропавловскаго каземата. «О чемъ ты плачешь?» спросилъ его комендантъ. «Повѣрьте», отвѣчалъ узникъ, «я не нашелъ лучше сего мѣста для иноческаго подвига». Хотя Іеронимъ и не учился въ школахъ, но, при обширномъ умѣ, онъ самъ образовалъ себя духовнымъ чтеніемъ и бесѣдами съ духовными старцами, съ которыми приходилось ему встрѣчаться на жизненномъ пути. Онъ имѣлъ увлекательный даръ слова и рѣдкую силу убѣдительности; совѣты его были особенно полезны для боримыхъ помыслами и смущаемыхъ совѣстію. Наставленія его, основанныя на опытѣ, были истиннымъ врачевствомъ духовнымъ. Въ послѣднее время онъ велъ дневную записку своихъ мыслей, представляющую много любопытныхъ психологическихъ данныхъ. Іеросхимонахъ Іеронимъ почилъ съ миромъ о Господѣ въ Анзерскомъ скитѣ 1847 года, сентября 23 дня, 82 лѣтъ.

Извлеченія изъ рукописей старца Іеронима, представляемыя вниманію читателя, познакомятъ съ направленіемъ духа и образцомъ рѣчи его.

О С В Я Щ Е Н С Т В Ъ.

Въ древнія времена монахи проводили жизнь безмолвную и уединенную; по этому въ патерикахъ рѣдко упоминается о священно-инокахъ. Иныѣ же въ обителяхъ священно-иноки умножились для отправленія священнослуженія, и иные скучаютъ о лишеніи прежняго безмолвія. Объ этомъ я неоднократно бесѣдовалъ съ искусными отцами, и слышалъ отъ нихъ слѣдующее: монахи, оставшіеся въ безмолвіи и уединеніи, получали утѣненіе душамъ своимъ отъ молитвы Іисусовой, совершаемой умомъ въ сердцахъ, и то при искусныхъ и не прелестныхъ наставникахъ; потому что нѣкоторые упражняея въ этой молитвѣ, по неискуству и самочинію, подпали прелести діавола и болѣли иногда неисцѣльно. Монахамъ же, пребывающимъ въ священствѣ, нѣтъ никакой прелести: по-

тому что освященіе отъ Христовыхъ Таинъ непрелестно и дѣйственно для пріемлющаго съ вѣрою. Тѣ же отцы говорили намъ, что награда, даруемая отъ Бога иноку, усердно пребывающему въ священствѣ, несказанна. Потому говорили отцы, не скорбите, что не безмолствуете, подобно прежнимъ пустынножителямъ; но благодарите Бога, сподобившаго васъ священства. Цѣль ихъ и ваша одна и таже: нравственное совершенство. Тѣ полагали восхожденія въ сердцахъ своихъ; вы же полагаете въ церквахъ Божіихъ. Они шли отъ силы въ силу, — отъ силы дѣянія въ силу видѣнія. И вамъ предлежитъ тотъ же путь идти отъ силы вѣры въ силу видѣнія умнаго. Писано: „пойдутъ отъ силы въ силу и явится Богъ боговъ въ Сіонѣ (Исаи. 83, 8)“. У тѣхъ Сіонъ въ сердцахъ; у васъ въ церкви на престолѣ. Здѣсь умнымъ окомъ узришь въ священнодѣйствіи всю Святую Троицу: Отца—пріемлющаго св. дары, Сына приносимаго, и Духа Святаго—Содѣтеля и Совершителя ихъ. И такъ, другъ, когда стоишь у престола въ священнодѣйствіи, не пари мыслию къ облакамъ, взыскавъ Бога. Онъ предъ тобою есть и будетъ во вѣки. Такого боговидѣнія сподобившись, когда вмѣнишь въ уметы все земное, будешь жить на землѣ небесною жизнію. Вотъ тебѣ, священно-инوکъ, награда на землѣ; о будущей же по этой суди.

О ДОБРОТОЛЮБІИ.

Какой человекъ същется, могущій научить насъ собесѣдованію съ Іисусомъ въ своемъ сердцѣ такъ, какъ учить Добротолубіе? Едва ли кто изъ самыхъ великихъ мудрецовъ вѣка сего можетъ взяться за это дѣло. Безъ Бога жить скучно. Христосъ сказалъ; «безъ Мене не можете творите ниче соже» (Іоан. 15, 5). Слѣдовательно Онъ объявилъ намъ Свою волю: быть намъ съ Нимъ неразлучно. По этому св. отцы оставили намъ въ Добротолубіи наставленія, какъ соединяться съ Богомъ умомъ въ сердцѣ. Хотя въ нѣкоторыхъ монастырскихъ библіотекахъ есть выписки изъ тѣхъ же св. отецъ, сдѣланныя

прежде изданія Добротолюбія, но они очень кратки. До изданія Добротолюбія, желавшіе учиться Иисусовой молитвѣ ходили въ Молдавію и Немецкій монастырь къ истинному учителю Иисусовой молитвы, старцу Паисію Величковскому, и тамъ получали наставленія, и согласно съ ними жили въ Россіи. Таковыхъ людей я видалъ. Нынѣ же, по изданіи Добротолюбія, для желающихъ заниматься умною молитвою открылся удобный случай, потому что всѣ козни діавола въ этой книгѣ объяснены. Сердечная молитва есть даръ Божій, а не человѣческая хитрость. Обращаясь съ неискусными молитвенниками, я насмотрѣлся, какъ они занимаются этимъ дѣланіемъ; совершенно вѣрую и чистосердечно возиѣщаю, что это дѣланіе душеполезно, но только требуетъ совершеннаго безмолвія. И тѣ люди лишаются этого дѣланія, которые вдаются въ какое либо хлопотливое занятіе. Во первыхъ, какъ мнѣ говорили неискусные старцы, надобно устами творить молитву по четкамъ, напримѣръ хоть сотню разъ наединѣ въ кельѣ, такъ чтобы и мысль наша внимательно прислушивалась къ словамъ молитвы, чрезъ что будетъ впечатлѣваться молитва въ памяти. Надобно тогда беречься отъ всякаго помысла и мечтанія; если же безъ помысла не возможно исполнить сотни, то опять начини и постарайся исполнить ее безъ помысловъ. Это наша азбука; съ нею мы начинаемъ всѣ, говорили старцы. И если кто навькнетъ, можетъ и болѣе ста разъ творить молитву, не внимая помысламъ. Я послушалъ этихъ старцевъ и уже слишкомъ сорокъ лѣтъ учусь умной молитвѣ, и благодарю Господа моего Іисуса Христа за навькъ.

Упражняющійся въ Иисусовой молитвѣ не пренебрежетъ церковною службою. Онъ прежде всѣхъ сгѣшитъ въ церковь и послѣдній исходитъ. Одни самочинники пренебрегаютъ церковную службу. Я лучше хочу сказать въ церкви одно: «Господи помилуй», нежели прочесть въ кельѣ на воздухъ всю Псалтирь.

О СХИМѢ.

Мантия есть предобрученіе схимы. Слѣдовательно каждому монаху, имѣющему мантию, прилично принимать схиму. Но пылѣ истинное понятіе о схимѣ почти совсѣмъ исчезло. Многіе монахи не принимаютъ схимы, боясь великаго правила относительно пищи, питія и поклоновъ. Но такую недостаточность понятій должно исправлять съ разсужденіемъ. Схима есть отложеніе ветхой жизни, то есть состоитъ въ томъ, что одинъ инокъ однимъ умомъ своимъ, въ безмолвіи, въ сердцѣ своемъ, упражняется въ молитвѣ Иисусовой. Схимникъ долженъ употреблять пищу и питіе легкія, а не грубыя, чтобы не получить болѣзни; онъ можетъ или долженъ и поклоны класть, сколько ему Богъ поможетъ, а не счетомъ или назначеннымъ числомъ. Если схимникъ не довольно свѣдущъ въ писаніи, долженъ упражняться въ чтеніи божественныхъ и отеческихъ книгъ; но не приводитъ чрезъ это умъ въ разсѣяніе. Когда же Богъ дастъ подвижнику молитву духовную, духовнѣ въ сердцѣ совершаемую, тогда уже не оставлять ее, доколь сама собою не престанетъ, и молиться ею со смиреніемъ, отнюдь ничѣмъ въ то время не занимаясь. Схимникъ есть истинный и буквальный исполнитель заповѣди — любить Бога всѣмъ сердцемъ, умомъ, крѣпостію, всею мыслию, всею душою. Схимникъ можетъ быть уподобленъ Серафиму, по горячности любви къ Богу. Ныгѣ понуждаютъ схимника заниматься совсѣмъ не свойственнымъ дѣломъ (продавать свѣчи, собирать съ кошелькомъ деньги, молиться и служить молебны, стоять на опредѣленномъ мѣстѣ на показъ мірянамъ). Мастеру золотыхъ и брилліантовыхъ дѣлъ даютъ въ руки желѣзные кленцы и молотокъ и заставляютъ ковать гвозди. Схимникъ есть вмѣстѣлице Духа Святаго, пріятѣлице многихъ духовныхъ дарованій, столпъ православія, живая какъ бы копія съ Господа Иисуса по челоуѣчеству. Да не помыслить кто, что я по пристрастію такъ высоко суужу о схимѣ, — это истина.

Благодать Духа, вселившаяся въ сердце, умудритъ его болѣе всякія науки. Если же кто послѣ вѣблпняго образованія подклонитъ свою выю благодати Духа, такой можетъ сдѣлаться премудрѣйшимъ между премудрыми, какими были Апостолъ Павелъ, Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій.

О МОЛИТВѢ.

Многіе, пребывая въ страстяхъ, тѣхатся стяжать благодать отъ Іисусовой молитвы. Если въ какой бочкѣ держали деготь, согласится ли кто, и по испраздненіи дегтя, влить въ нее благовоиное масло? Такъ и сердце, въ которомъ гнѣздились или гнѣздится еще страсти, скоро ли приметъ въ себя благодать Святаго Духа? По этому, постараемся прежде очистить сердце отъ дегтя страстей, и потомъ уже можемъ надѣяться получить лучшее.

Прежде молитвы Іисусовой, подобаетъ испросить у Бога прощеніе прегрѣшеній и умертвить въ себѣ ярость и похоть. Тогда самъ Богъ будетъ тебѣ учителемъ въ молитвѣ сердечной. Сердечная молитва есть даръ Божій, подаваемый возлюбленнымъ рабамъ Божиимъ; сподобляется сего одинъ изъ тысячей. Мнѣтся мнѣ, что одна молитва Іисусова, безъ дѣланія заповѣдей, быть не можетъ. Какъ нѣкоторые думаютъ, что они молитвенники, и учатъ другихъ молитвѣ Іисусовой, ни мало не заботясь объ исполненіи заповѣдей Господнихъ?... Еще: и всесвятое Его имя (Іисусъ) должно часто произносить устами. Хорошо строить храмину съ основанія, а не съ крыши. Писано есть: мѣлзи млеко, и будетъ масло. То есть: поговори молитву Іисусову устами подольше, заговоришь и сердце. Возлюби количество и придетъ качество; то есть: послѣ долгаго и многолѣтняго пребыванія въ устной молитвѣ, стяжешь сердечную. Кто же сначала учитъ, или учится творить молитву въ сердцѣ, тотъ, видно, и устами творить ее не умѣетъ. Божія благодать приходитъ не замѣтно. Иногда благодать дается подвижнику въ началѣ подвига, а иногда подъ конецъ житія.

Въ Соловецкой и Анзерской книжницахъ, есть много писемныхъ сборниковъ. Изъ нихъ видно, что и здѣсь были прежде молитвенники Иисусовы. Теперь же эти сборники спокойно лежатъ въ библіотекахъ.

Не мни кто либо, чтобы нынѣ не было сподобившихся дара умной молитвы. Въ Гороховскомъ Николаевскомъ монастырѣ, жилъ монахъ о. Амвросій, бывшій ученикомъ Пансіа Молдавскаго. Амвросій, не далеко отъ монастыря, въ селеніи, имѣлъ друга, художествомъ иконописца, именемъ Аонасіа. Однажды Амвросій почевалъ у Аонасіа, расположившись для сна на дворѣ. Аонасіій ночью, выйдя на дворъ, увидѣлъ Амвросіа стоящимъ на колынахъ и молящимся, и лице его сіяло необыкновеннымъ свѣтомъ. Аонасіій ужаснулся; когда же замѣтилъ это Амвросій, закричалъ: «не вѣрь, не вѣрь: это прелесть»; потомъ не велѣлъ сказывать видѣннаго ни кому. Это слышалъ я отъ самого Аонасіа. У Амвросіа въ томъ же монастырѣ былъ также сподвижникъ и ученикъ Пансіева, имѣвшій не меньшую благодать, именемъ Аонасіій.

Излишнимъ считаю говорить о богоугодной жизни схимонаха Василиска Валаамскаго. Василискъ былъ представленъ митрополиту Гавріилу, желавшему видѣть его.

Я зналъ въ Москвѣ простаго мужа Гр. Оед—ча, по прозванію Гончара. Онъ былъ знакомъ митрополиту Платону и пользовался его расположеніемъ. Однажды между разговорами о спасеніи, Гончаръ сказалъ Владыкѣ: «научи меня молиться». Платонъ велѣлъ ему творить молитву Иисусову. Послуналь Гончаръ, началъ творить молитву и потомъ просилъ у Платона дальнѣйшихъ наставленій. Владыка послалъ его въ Иѣсношскій монастырь къ іеромонаху Самуилу. Пошелъ къ нему Гончаръ, посоветовался, и возвратился домой въ крайнемъ молчаніи; оставилъ всю домашнюю заботу; устроилъ себѣ въ домѣ укромный чуланецъ; поставилъ въ опомъ образъ съ лампадкою и началъ безмолвствовать. Въ церковь же ходилъ всегда и былъ до смерти церковнымъ старостою. За смиреніе и милосердіе къ нищимъ, Богъ явилъ ему его кончину.

Въ Оттинскомъ Новгородскомъ монастырѣ былъ извѣстный

мнѣ любитель безмолвія и сердечнаго трезвѣнія, монахъ Патермуфій. Онъ жилъ въ Отгѣ, пока народу ходило туда мало; когда же провели туда новую широкую дорогу отъ Новгорода, Патермуфій бѣжалъ, и началъ жизнь юродственную. Митрополитъ Гавріилъ, уважая его, позволилъ пребывать гдѣ захочетъ. И жилъ онъ въ Новгородѣ и Петербургѣ, гдѣ попало, и часто по почамъ при церквахъ молился. Ходилъ въ чемъ попало; я видалъ его сидящимъ на распутияхъ съ нѣсколькими въ рукахъ копѣйками, какъ бы милостынею; но что ему давали, все раздавалъ нищимъ. Иногда видалъ въ Хутыискомъ Орѣховскомъ саду, сидящаго сутокъ трое и сильно искусннаго комарами. Онъ тридцать лѣтъ ни съ кѣмъ не говорилъ. Все священное и отеческое писаніе зналъ наизусть; имѣлъ даръ прозорливости и разсужденія. Кто съ вѣрою спрашивалъ о чемъ, отвѣчалъ миамъ, и вѣрно. Скончался и погребенъ въ Невской лаврѣ.

Знаю и нынѣ богоугодныхъ подвижниковъ, въ трезвѣніи сердечномъ занимающихся Иисусовою молитвою; но Испытующій сердца и утробы и исчитай множество звѣздъ, знаетъ и видитъ ихъ лучше меня.

СХИЖОНАХЪ НИКОДИМЪ.

Прибытіе въ монастырь. — Пономарство. — Удаленіе въ пустыню. — Подвиги. —
Схима. — Кончина.

Вдовѣвъ, Никодимъ помѣстилъ единственную дочь въ дѣвичій монастырь и пришелъ въ Соловецкую обитель. Здѣсь онъ съ ревностію и усердіемъ трудился во мнѣгихъ послужаніяхъ; долгое время состоялъ главнымъ управителемъ просфорной и потомъ опредѣленъ пономаремъ въ больничной церкви. Но душа его горѣла желаніемъ пустыннаго безмолвія. Пробывъ нѣкоторое время въ пономарской службѣ, въ первый день четьредесятницы, рано утромъ, онъ скрылся изъ монастыря. Скоро узнали о мѣстѣ его пребыванія, но архимандритъ Димитрій, ради всеобщаго говѣнія, не позволилъ тревожить его въ пустынномъ пребываніи. Черезъ недѣлю же, призвавъ въ монастырь, за самовольный поступокъ, сперва подвергъ его церковной епитиміи, такъ, что Никодимъ цѣлую недѣлю въ веригахъ въ церкви клалъ земные поклоны, а потомъ, удовлетворяя его стремленію къ пустынному житію, съ благословеніемъ отпустилъ на безмолвіе. Келья Никодима находилась въ четырехъ верстахъ отъ монастыря, между горами въ глубокой лѣсной долициѣ. Близъ кельи былъ выкопанъ имъ колодезь и разведенъ огородъ для посадки овощей. Со всѣмъ усердіемъ онъ подвижался здѣсь въ постѣ и молитвѣ, носилъ вериги, питался сухимъ хлѣбомъ, смягченнымъ водою;

вареную пищу употреблялъ только въ праздники; масла на его трапезѣ никогда не бывало. Въ великій постъ, усугубляя молитвенное правило, Никодимъ прочитывалъ всѣ четыре Евангелія каждодневно. Кромѣ поклоновъ, для утружденія своего тѣла, онъ по долгу стоялъ на молитвѣ съ простертыми руками, въ образъ креста Иисусова, и сему подвигу наставлялъ своего сподвижника, жившаго въ другой пустынѣ. Для всегдашней памяти о смерти, у него предъ кельею былъ устроенъ гробъ. Всѣхъ приходящихъ принималъ съ ласкою и добродушіемъ, и, по заповѣди страннолюбія, угощалъ картофелемъ и ягодами. Проживъ въ пустынѣ 17 лѣтъ, Никодимъ сдѣлался боленъ отъ простуды и привезенъ въ монастырь, гдѣ, по пріятіи схимы, съ христіанскимъ напутствіемъ окончилъ свою подвижническую жизнь въ 1854 году, ноября 3 дня.

СХИМОНАХЪ ІОАННЪ.

Происхожденіе. — Поступленіе въ монастырь. — Схи́ма. — Жизнь въ Филипповой пу-
стынѣ. — Подвиги. — Кончина

химонахъ Іоаннъ изъ вольноотпущенныхъ поселянъ
Исковской губерніи. Честно и усердно служилъ онъ
земному своему господину и соутствовалъ ему всю-
ду въ трудную эпоху войнъ Россіи съ Наполеономъ I. По-
лучивъ свободу, какъ должную дань вѣрной и усердной службы,
онъ всецѣло посвятилъ себя на служеніе Богу въ подвигахъ
иноческихъ. 1827 года онъ поступилъ въ Соловецкій мона-
стырь, имѣя отъ роду 52 года, и какъ искусный портной, дол-
гое время несъ послушаніе закройщика, а потомъ рухольнаго.
Въ 1842 году онъ принялъ постриженіе въ схиму, и съ этого
времени болѣе 20 лѣтъ жилъ въ Филипповой пустынѣ въ стро-
гомъ воздержаніи, безмолвіи и молитвѣ. Всю дневную службу
онъ исправлялъ по чину церковному, съ приложеніемъ иночес-
каго правила, состоящаго изъ трехъ каѳизмъ Псалтири и 300
земныхъ поклоновъ; никогда не оставлялъ и занятія иглою
для пользы братской; въ монастырь приходилъ въ нѣкоторые
праздники для пріобщенія святымъ Тайнамъ. Многія и раз-
личныя испытывалъ онъ отъ бѣсовъ въ ночныхъ молитвахъ
мечты и страхованія. Былъ искреннимъ другомъ пустынно-
жителя Никодима, и не рѣдко посѣщали они другъ друга для
взаимнаго подкрѣпленія въ подвигахъ. Послѣдніе годы жизни

онъ жилъ въ монастырской больницѣ, но и внѣ пустыни онъ не оставилъ пустыннаго образа жизни, такъ что не только гдѣ либо на монастырѣ, но и въ своемъ корридорѣ между собратіями рѣдко его можно было встрѣтить; къ церковному же богослуженію, не смотря на преклонную старость, ходилъ неопустительно почти до самой кончины. Спокойно и почти безболѣзненно онъ приближался къ своему скончанію, постепенно и едва замѣтно угасая, какъ угасаетъ лампада, въ коей истощился до тла горючій матеріалъ. Схимонахъ Іоаннъ скончался о Господѣ 1870 года, 26 мая, имѣя 95 лѣтъ отъ рожденія.

СХИЖЕНІЯ ТЕОДОРА.

Проехожденіе. Постриженіе. — Жизнь въ пустыни. — Подвиги. — Испытанія. — Смерть.

Теодоръ служилъ сначала въ воинскомъ званіи въ Преображенскомъ полку. Но сердце его сгарало желаніемъ послужить Царю Небесному въ иноческомъ чинѣ. Однажды, увидѣвъ Государя, онъ въ простотѣ сердца высказалъ ему свое искреннее желаніе быть Соловецкимъ монахомъ. Государь, выслушавъ его просьбу, не сказалъ ни слова и продолжалъ путь. Черезъ два дня адъютантъ, вручивъ Теодору отъ Государя 25 рублей на дорогу въ Соловецкій монастырь, велѣлъ явиться въ полковую канцелярію за полученіемъ увольненія отъ службы. Можно представить, какою радостію исполнилось сердце его при такомъ неожиданномъ исходѣ дѣла! Съ полнымъ рвеніемъ спѣшилъ Теодоръ къ Соловецкому острову, гдѣ съ любовію былъ принятъ и вскорѣ удостоенъ постриженія съ именемъ Филиппа. Но жизнь монастырская, въ многолюдномъ обществѣ, не вполне соответствовала его пламеннымъ стремленіямъ; по этому Филиппъ, испросивъ благословеніе начальства, поселился въ пустынь, гдѣ предавался со всею строгостію подвигамъ отшельничества. Постъ и ночныя бдѣнія были его постоянными занятіями; хлѣбъ, приготовляемый имъ, состоялъ изъ смѣси толченой брусьяны съ мукою. Сначала Фи-

липиѣ жилъ на Заяцкомъ островѣ, при церкви св. Апостола Андрея Первозваннаго, въ мѣстѣ дикомъ и угрюмомъ; потомъ перешелъ на Анзерскій островъ въ пустыню Преподобнаго Елеазара. Много, особенно въ Заяцкой пустынѣ, онъ претерпѣлъ нападеній отъ нечистыхъ духовъ. Въ одну темную ночь, когда онъ стоялъ на молитвѣ, вдругъ сильныя и частыя удары посыпались въ окно. Встревожившись такою печальною, пустынный вышелъ съ молитвою изъ кельи, думая встрѣтить кого либо изъ приставшихъ къ берегу, но никого не находилъ. Неоднократно онъ слышалъ, какъ со скрипомъ отворялась запертая дверь и кто то входилъ въ сѣни, поднимался по лѣстницѣ на выпку, ходилъ тамъ, стучалъ и возвращался внизъ. Сначала пустынный обращалъ вниманіе на такіе случаи; но познавъ божественную прелесть, въ послѣдствіи безъ смущенія продолжалъ молитвенное занятіе. Однажды въ Анзерской пустынѣ, во время ночной молитвы, онъ также услышалъ стукъ на верху своей кельи и, вышедши за дверь, увидѣлъ тамъ незнакомаго человѣка, который на вопросъ его: «кто ты и что дѣлаешь?» отвѣчалъ: «я монастырскій работникъ и тешу топоромъ». „Да тутъ ли мѣсто?“ сказалъ ему пустынный; «Христосъ съ тобой» и съ этими словами видѣніе исчезло. Достигши глубокой старости, Оеодоръ вышелъ изъ пустыни въ Анзерскій скитъ, гдѣ и почилъ съ миромъ.

СХИМОНАХИ АДАМЪ И АНДРЕЙ.

Незлобы Адама — Рыболовство. — Кончина. — Андрей. — Предсмертное видѣніе. —
Кончина.

 Схимонахъ Адамъ былъ истинное чудо простоты и незлобїи, какимъ Господь обѣтовалъ небесное царство. Никогда не видали его гнѣвающимся и ни за кѣмъ онъ не замѣчалъ погрѣшностей и пороковъ. Его занятіе было рыболовное, и въ кельѣ визаніе сѣтей. Когда оказывался недостатокъ рыбы для братїи: то Адамъ горевалъ и скорбѣлъ, и какъ бы въ наказаніе лишалъ себя пищи. Никакъ не оставлялъ церковныхъ службъ, и въ церкви никогда не садился. Незная читать и писать, онъ питалъ умъ и сердце молитвою Іисусовою, любилъ слушать жизнеописанія святыхъ и старался, по возможности, подражать имъ. Адамъ скончался въ 1859 году, 86 лѣтъ. Во время новоначалія онъ имѣлъ своимъ наставникомъ роднаго своего дядю—схимонаха Андрея, строгаго подвижника, котораго едва помнятъ нынѣшніе иноки. Въ послѣднія минуты жизни сатана окружилъ одръ этого Андрея своимъ полчищемъ, дыша злобою и неистовствомъ, чтобы смутить и поколебать подвижника въ упованїи на милость Божию. «О, какъ ихъ окаянныхъ много набралось сюда», восклицалъ старецъ, видя келью наполненную темными посѣтителеми; но въ тоже время сподобился горней помощи и заступленія, и

духи злобы нечезли. «А, побѣжали, испугались Царицы Пес-
бесной», проговорилъ онъ съ радостію. Послѣ этого дрожа-
щимъ голосомъ онъ себѣ пропѣлъ надгробную пѣснь: «Со
святыми упокой... надгробное рыданіе» и съ побѣдною пѣснію
«аллилуіа» непустилъ дыханіе.

СХИМОНАХИ ПААРИЙ И ЖИТІЙ.

Пустынная и монастырская жизнь. Парій. — Жизнь Матфея въ скитѣ. — Кончина въ монастырѣ.

е можемъ не указать и на эти двѣ свѣтлыя звѣзды иноческаго подвижничества. Первый изъ этихъ подвижниковъ происходилъ изъ духовнаго званія, и послѣ многихъ послушаній проведъ не малое время въ пустынѣ; но потомъ счелъ для себя полезнымъ жить безмолвно въ монастырѣ. Онъ имѣлъ правиломъ не вкушать пищи въ продолженіе трехъ дней недѣли; хранилъ совершеннѣйшее безмолвіе, скрывая свои подвиги отъ всѣхъ и зная одну церковь, которая была отъ его кельи въ трехъ ягатахъ. Второй, по постриженіи въ схиму, жилъ много лѣтъ въ Голгово-Распятскомъ скитѣ, неуспынно упражнялся въ молитвѣ и трудѣ, имѣлъ даръ слезъ, и въ ночное время его рыданіе слышалось въ сосѣднихъ кельяхъ; церковнаго богослуженія никогда не оставлялъ, и при сильныхъ вѣтрахъ, иногда по глубокому снѣгу, ползкомъ пробирался къ храму. Умирая, въ монастырской больницѣ, онъ увидѣлъ при одрѣ своемъ Ангеловъ. «Вотъ стоятъ два Ангела», сказали онъ бывшему тутъ духовнику, и на вопросъ «что они дѣлаютъ?» отвѣчалъ: «о чемъ то разговариваютъ между собою». Оба сѣи подвижника скончались въ глубокой старости.

ЖОНИХЪ МИХАИЛЪ.

Отличительныя черты. — Кузнечество. — Кончина.

онахъ Михаилъ отличался трудолюбіемъ, смиреніемъ и молчаливостію. Все время монастырской жизни, въ продолженіи 24 лѣтъ, онъ простоялъ съ молотомъ, предъ кузнечныхъ горномъ, въ должности начальника ковачей, и, проходя свое послушаніе съ неослабнымъ усердіемъ и терпѣніемъ, очистилъ душу свою, какъ золото въ горнилѣ, отъ всякой нечистоты, и сдѣлалъ себя сосудомъ благоугоднымъ Богу. Сначала, не имѣя кельи около десяти лѣтъ, онъ помѣщался въ кузницѣ подлѣ горна, въ небольшой загородкѣ, гдѣ невозможно было и протянуться. Получивъ же келью, онъ не имѣлъ въ ней не только чего либо лишняго, но и необходимаго, такъ что ложемъ ему служила простая доска безъ изголовья. Михаилъ всегда хранилъ строгое безмолвіе, хотя ежедневно находился въ обществѣ со многими. Подчиненнымъ своимъ онъ не любилъ дѣлать замѣчаній и внушеній, но всѣхъ и каждого обязывалъ къ исполненію долга своимъ постояннымъ усердіемъ къ дѣлу. Не имѣя ни съ кѣмъ особенной дружбы, онъ ни у кого не бывалъ въ кельѣ; по смиренію своему, никогда не участвовалъ въ трапезѣ съ братією и довольствовался тѣмъ, что ему дадутъ трапезные прислужники, а въ случаѣ отказа не требовалъ ничего, питаясь однимъ хлѣбомъ. Не имѣя возможности бывать въ простые дни у лютургіи, Ми-

хилъ никогда не оставлялъ утренняяго богослуженія, а также и вечеромъ, съ первымъ звукомъ колокола, оставляя молотъ, бѣгомъ поспѣшаль къ вечерни и становился не въ рядахъ братіи, а въ толпѣ труженниковъ по обѣту. Отъ постычества и тяжелаго труда онъ былъ весьма сухъ, въ кельѣ тайно держалъ вериги, въ конхѣ вѣроятно совершалъ ночныя моленія. За годъ до смерти Михаилъ пожелалъ было постричься въ схиму или удалиться въ пустыню, чтобы запасть въ паутствіе къ вѣчности молитвенными подвигами; но за молодостію было ему отказано, и это рѣшеніе начальства онъ принять, какъ изволеніе Божіе. «Видно иѣтъ къ тому званія Божія», говорилъ Михаилъ, оставаясь предъ пылающимъ горномъ, гдѣ его вскорѣ постигло другое званіе Божіе: отъ трудовъ временныхъ къ покою нескончаемому. 1853 года, мѣсяца іюня 23 дня, онъ почилъ съ миромъ, имѣя отъ рожденія 48 лѣтъ.

ПОСЛУШНИКЪ ІОАННЪ СОРОКИНЪ.

Происхожденіе. Бѣгство изъ отечества.—Жизнь въ расколѣ за границею.—Ссылка въ Соловецкій монастырь. — Замечательный сонъ. — Обращеніе въ Православіе. Кончина.

 Включимъ сказаніе о современномъ подвижничествѣ, воспоминаніемъ о старцѣ младенцѣ, который жилъ на землѣ 78 лѣтъ, но собственно считалъ своей жизни только 38 дней. Иванъ Васильевичъ Сорokinъ, государственный крестьянинъ Калужской губерніи, былъ рожденъ и воспитанъ въ расколѣ. Бѣжавъ изъ отечества, онъ большую половину жизни провелъ за границею въ Бѣлокриницкомъ раскольниковомъ убѣжищѣ, гдѣ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Ираклія. Когда онъ прибылъ на родину для свиданія съ своими: его арестовали и препроводили въ Соловецкій монастырь, подъ строжайшій надзоръ, для увѣщаній и вразумленій въ его заблужденіяхъ. Десять лѣтъ онъ прожилъ въ Соловецкомъ острогѣ, не трогаясь никакими увѣщеніями и, повидимому, желая кончить жизнь въ нераскаяніи. Но всеблагій Богъ, не хотѣвшій смерти грѣшника, выискалъ и это заблудшее овца, и привелъ въ ограду св. Церкви. Долго отказываясь отъ чтенія книгъ, писанныхъ въ обличеніе раскола, онъ какъ то прочиталъ описаніе путешествія инока Паросенія, обратившагося изъ раскола, и это чтеніе возбудило въ немъ нѣкоторое сомнѣніе въ истинности своихъ увѣжденій. Онъ началъ молиться Богу

о вразумленіи его. «Въ одно утро», такъ рассказывалъ онъ самъ, «послѣ келейной молитвы, въ которой со слезами просилъ Бога: скажи мнѣ Господи путь, въ онъ же пойду, я заснулъ и увидѣлъ во снѣ, будто нахожусь въ какомъ то великолѣпномъ чертогѣ, и слышу надъ собою голосъ: иди въ Церковь, потому что въ Церквѣ спасишься нельзя. Я отвѣчалъ: въ Церквѣ находится много плелевъ и соблазновъ. Голосъ говорилъ: что тебѣ до этого? Ты будешь избраннымъ пшеницы. Я еще сказалъ: есть въ Австріи Церковь съ епископомъ и священствомъ. Голосъ отвѣчалъ: Австрійская Церковь — не Церковь, потому что она отдѣлилась отъ Восточной церкви и нѣтъ въ ней спасенія». Этимъ окончился знаменательный сонъ, и вотъ Иванъ, отъ самаго рожденія ни разу не переступавшій порога церковнаго, пришелъ въ храмъ 5-го января, въ навечеріи Богоявленія Господня.

Торжественность великой вечерни и литургіи св. Василия Великаго, величественный обрядъ освященія воды, съ велегласнымъ многолѣтствованіемъ Императора, Синода и всѣхъ православныхъ христіанъ, свѣтлое освѣщеніе, множество благоговѣйныхъ священнослужителей и стройное иноческое пѣніе: все это сильно подѣйствовало на душу заблуждающаго, и тутъ же онъ утвердился въ мысли, что въ Православной церкви обитаетъ истинная благодать, которой ослѣвленные напрасно ищутъ въ Вѣлкриницкой лжеіерархіи. Съ этого времени, Иванъ ежедневно началъ ходить въ церковь, со слезами раскаяваясь въ своихъ заблужденіяхъ, и 17 Апрѣля 1860 года, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, былъ присоединенъ къ Православной церкви и включенъ въ разрядъ старшихъ послушниковъ, съ ношеніемъ рясы. Но и по присоединеніи къ Церквѣ онъ не оставялъ еще двоеперстія. Постоянно слыша объ этомъ напоминанія отъ воспріемнаго отца, онъ съ искреннею вѣрою и упованіемъ началъ молить Бога, чтобы Онъ самъ подастъ ему извѣщеніе объ истинности и древности употребляемаго въ Церквѣ троеперстія; и вотъ въ одну ночь, стоя на молитвѣ, Иванъ явственно услышалъ голосъ: «вѣрь всему глаголемому тебѣ; тебѣ говорятъ правду». Съ неизреченною радостію, въ

тоже время, онъ сложилъ три перста и назнаменовалъ на себѣ ими крестное знаменіе. Теперь онъ сдѣлался истиннымъ сыномъ Церкви, и какъ будто этого ожидала благодать Божія, потому что чрезъ нѣсколько дней Иванъ почилъ съ миромъ (25 Мая), пребывъ въ числѣ братства и въ чинѣ послушниковъ 38 дней. Въ послѣднія минуты жизни, сидѣвшій у его одра воспріимный его отецъ, опасаясь, чтобы врагъ не поколебалъ вѣры его въ св. Церковь, тихо спросилъ: «не смущаютъ ли тебя какіе нибудь помыслы?» и услышалъ отвѣтъ: «нѣтъ, батюшка, я спокоенъ духомъ и благодарю Бога». Надобно замѣтить, что Иванъ, и въ расколѣ пребывая, проводилъ жизнь сосредоточенную и дѣвственную, и отъ другихъ раскольниковъ отличался особенною кротостію и снисходительностію ко всѣмъ несогласовавшимся съ его мнѣніями; увѣщанія, предлагаемыя ему, онъ выслушивалъ съ полнымъ вниманіемъ, за что, конечно, удостоился познать свои заблужденія и умереть въ нѣдрахъ Православной церкви.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

«Хотя я и отхожу отъ васъ тѣломъ, по закону естества смертнаго, но духомъ неотступно буду съ вами»,— такъ говорилъ на смертномъ одрѣ ученикамъ своимъ, Преподобный Зосима. «Знайте, если я обрѣту благодать у Бога, то по моему отшествіи, обитель еще болѣе увеличится и соберется во имя Христова множество братій; это мѣсто наполнится обиліемъ духовнымъ и не будетъ имѣть скудости въ тѣлесныхъ потребностяхъ». И вотъ пять вѣковъ Соловецкая обитель существуетъ молитвами Преподобнаго основателя своего. Составляя убожище иноческой жизни, самую природою отдѣленное отъ міра, она воспитала многихъ подвижниковъ и угодниковъ Божіихъ, которыхъ имена благоговѣнно чтутся, а жизнь служить назиданіемъ для православныхъ. Рядъ Соловецкихъ подвижниковъ еще не заключился и, по милости Божіей, не закончится, пока будетъ стоять среди волнъ моря и міра, духовная твердыня—Соловецкій монастырь.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР
1. Предисловіе	I.
2. Вступленіе	3.
3. Подвижничество. Общій изгладъ	16.
4. Преподобный Савватій, Соловецкій первоначальникъ и чудотворецъ	18.
5. Преподобный Зосима, Соловецкій игуменъ и чудотворецъ.	24.
6. Преподобный Германъ, Соловецкій чудотворецъ	34.
7. Преподобный Елисей Сумскій.	37.
8. Блаженный Θεодоритъ, просвѣтителъ Лонарей	41
9. Преподобный игуменъ Соловецкій Филиппъ, впоследствии св. митрополитъ Московскій и Всероссійскій	44.
10. Блаженный Іоаннъ и Логгинъ.	67.
11. Преподобный Вассіанъ и Іона	70.
12. Пустынники Андрей, Даміанъ, Адріанъ, Савва, Песторъ	74.
13. Пустынникъ Никифоръ	78.
14. Преподобный Принархъ, Соловецкій игуменъ и чудотворецъ.	81.
15. Преподобный Елеазаръ, основатель Троицко-Авзерскаго скита.	86.
16. Геросхимонахъ Іоѣъ, основатель Голгоѣо-Расинскаго скита	109.
17. Пустынникъ отецъ Θεофанъ	137.
18. Старецъ отецъ Наумъ.	155.
19. Геросхимонахъ Матѣей	174.
20. Схимонахъ Герасимъ	177.
21. Монахъ Памфилъ	180.
22. Схимонахъ Зосима	182.
23. Геросхимонахъ Геронимъ	184.
24. Схимонахъ Пикодимъ	192.
25. Схимонахъ Іоаннъ	194.
26. Схимонахъ Θεодоръ	196.
27. Схимонахи Адамъ и Андрей	198.
28. Схимонахи Изарій и Матѣей	200.
29. Монахъ Михаилъ	201.
30. Послушникъ Іоаннъ Сорokinъ	203.
31. Заключеніе.	206.